М. ДРАКОНОВСКИЙ

МЕЧНИКОВ

СКВОЗЬ ПЕСОК И ВЕТЕР

Annotation

Интернет погиб вместе с пчелами, едва успев появиться. Останки прошлого мира присвоил узурпатор Лютецкий. Жизнь теплится за стенами градов среди пустынь, где люди работают ради пайка, кислорода и растений. Я восстал против уклада корпорации Оазис-Техно и поплатился.

Но бармен на постоялом дворе перевернул все с ног на голову. Теперь в моих руках не только моя жизнь, но и последняя надежда человечества на спасение. Только у Лютецкого на таких, как я, свои планы.

- Мечников. Сквозь песок и ветер.
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21

- Глава 22
- Эпилог

Мечников. Сквозь песок и ветер.

Пролог

Дверь моей жилой капсулы содрогнулась от ударов, из коридора проорали зло:

— Мечников, открывай!

Подскочив с постели, я молниеносно натянул футболку, впрыгнул в дорожные штаны и куртку. Стопы сунул в трекинговые боты. Если за мной пришли в такую рань, значит намерения конкретные, а через плотную дверь капсулы даже моё мощное обоняние их не учуяло. Глянул в окно, небо уже начало светлеть, хотя на двадцатом этаже утро всегда наступает раньше.

Стук в дверь усилился, крики стали яростнее.

— Открывай! На тебя донесли, предатель! Нам все известно! Открывай! Мы вышибем дверь!

Вышибут. Даже сомневаться не стоит. Метнувшись к шкафу, я выдернул из него тревожный рюкзак и закинул на спину. На плечи ощутимо надавило, и я застегнул дополнительные ремни на поясе и груди, чтобы легче бежалось. А бежать придется.

Дверь капсулы дрожала от ударов все сильнее, если навалятся разом, выдержит еще пару минут, не больше. Чтобы дать себе форы, я подвинул к ней комод и рванул к окну. Когда распахнул створку, сухой, холодный ветер двадцатого этажа ударил в грудь, рванул волосы. Я отшатнулся, глядя вниз сквозь решетку пожарной лестницы, где по дорогам ползают дрезины на магнитных подушках, автоматоны и люди.

Высоко. Но других способов спускаться с жилых башен Красного града не придумали с тех пор, как в двухтысячном за пару лет до коллапса из него сделали столицу, перенеся на юг.

— Смердя… — выругался я и перелез через подоконник.

От высоты закружилась голова, я ухватился за поручень и со злостью на себя зашипел. После чего заблокировал окно черенком швабры, которую нашел у стены. В комнате дверь тем временем заходила ходуном, скоро ее не удержит и комод.

Я рванул по ступенькам вниз, хватаясь за скользкие перила и стараясь фокусироваться на перекладинах, что сложно, поскольку

зазоры между ними большие, и в них видно дорогу. Очень далекую. Перебирать ногами пришлось осторожно, но быстро, сердце качнуло кровь, а в голове запульсировало: «Козельский, тварь болтливая. Точно, он донес. Выслужиться решил, урод».

Спуститься я успел этажей на семь, когда сверху громыхнуло, посыпались осколки псевдопластика и того, что осталось от швабры.

— Вон он! — донесся крик. — Приказ брать живым! Мечников! Стоять!

Расчет на то, что стрелять не станут не оправдался, когда мимо со свистом пронеслась арбалетная стрела. Простым служебникам огнестрельное не выдают, слишком дорогое. Знали бы про мой ген-мутант, целились бы тщательнее. По слухам от таких Лютецкий беспощадно избавляется. Тварь и его прихлебатели: алчные, вечно голодные до рубов служебники, которым плевать на людей.

Я пригнулся, пряча голову, и перескочил на следующий поворот. Окно на площадке, такое же, как и мое, оказалось открытым, и я в него ввалился.

Внутри грязно-серой пряжей вязала женщина, она завопила и уронила вязание. Я на бегу к двери споткнулся о чайный столик и извинился быстро:

— Не бойтесь, я не грабитель… Вам возместят неудобства.

После чего толкнул дверь и вывалился в коридор. Там пусто и дрожжевые лампы тускло освещают металлический пол и стены. Я бросился к подъёмнику и нажал рычаг в самый низ, механизм загудел и стал опускать кабину. На то, чтобы не столкнуться со служебниками, я мог только надеяться. Меньше, чем через минуту, кабина остановилась, я раздвинул двери и осторожно высунулся. В подвале оказалось пусто, только блестящие дрезины поблескивают в бледном освещении дрожжевых ламп. С облегчением я выдохнул.

— Фух…

На магнитную дрезину я запрыгнул первую попавшуюся. Она оказалась общей, видимо, кто-то из жильцов на ней прилетел и не доложил, чтобы забрали. А дальше я крутил рулевую, жал педали и несся по улицам Красного града, выжимая из колымаги все силы.

Дрезина дрожала и гремела. Общественный транспорт крепостью не отличался, а когда впереди замаячила стена столицы, от дрезины

отлетела деталь. Колымагу крутануло, я дернул тормоз и, завертевшись, со скрипом ее остановил.

До стены бежал уже на своих двоих и выскочил из ворот на засыпанную песком дорогу в тот момент, когда над Красным градом прогудел колокол. Мельком глянул на циферблат на запястье. Ворота открывают четыре раза в день, чтоб пустынные твари не лезли: в семь, двенадцать, шесть и девять вечера.

Я успел в утреннюю смену.

Глава 1

Ветер обжег лицо, песок захрустел на зубах, а нос засвербило от незнакомых запахов, когда я шагнул на бархан. Отплевавшись, поднял голову, приложив ладонь козырьком ко лбу. В небе белесое жгучее солнце, которое будет нещадно палить до самого заката, пока не нырнет за горизонт. Тогда воздух быстро остынет, песчаный овес покроется росой, и несколько часов можно будет продолжать дорогу в прохладе.

— Ну хоть так.

Я оглянулся. Следы по песку за мной вьются дорожкой, но минут через тридцать ветер сравняет их с барханами. Тем лучше. Служебникам Оазис-Техно будет труднее напасть на мой след. Изначально двигаться по дороге не стал, так легче всего меня обнаружить. Пришлось сразу сойти и двое суток мучительно буксовать по рыхлому, мелкому песку.

Хлопнул ладонью по баклажке на бедре — меньше половины, значит, придется зайти на постоялый двор. Но служебники люди алчные, и стремятся урвать побольше рубов, провизии и, конечно, кислорода, поскольку после вымирания пчел с ним стало туго. То есть очень мотивированы. Устроиться служкой в Оазис-Техно работа хоть и не благодарная, но стабильно есть вода, еда и бесплатные кислородные пайки. Плюс — Оазис-Техно за особые заслуги дает жилые капсулы в человейниках Красного града. Что значит, мотивации догнать меня у служебников еще больше, так что надо шевелить ногами.

На очередной бархан я забирался долго, пустынные ботинки вязли в мелком песке, я сползал и чертыхался, отплевываясь от вязкой пыли. Но, когда забрался, с высоты открылся обзор на дорогу из бетонных блоков. Ее предусмотрительно огородили по обочинам каменными плитами, но ветер все равно регулярно нагоняет песок, так что три раза в сутки по дороге ползет автоматон Оазис-Техно с малиновым артефактом внутри и убирает желтые горки.

Через двести метров от бархана у обочины блестит металлической крышей постоялый двор с выведенной желтой краской табличкой «Медный ковчег». Рядом припаркованы песочные дрезины на

магнитных подушках, рядом ветряк, что роскошь для простого двора. И полые трубы по кругу, глубоко вогнанные в песок, для отпугивания пустынных тварей. Значит постоялый двор богатый, и можно разжиться запасами воды. На крыше и вокруг постоялого двора что-то жуют козы. Я потянул носом — тянет едой и топливом песочной дрезины.

Хороший знак.

Скатившись по бархану, я спрыгнул на дорогу и через три минуты толкнул дверь постоялого двора. В нос ударили запахи тушеного мяса и картошки, во что трудно поверить — она хоть и не требует опыления и не прихотлива, но на юге жара. Значит привозят, как и мясо, дороже которого только кислород. В помещении людно, стоит гогот, гитарист что-то перебирает на струнах, а зеленоглазая брюнетка с третьим размером томно поет о романтике дорог невероятно чистым голосом. Удивительно, откуда на постоялом дворе такая звонкоголосая красавица.

У барной стойки седоволосый мужчина с изрытым морщинами лицом и в кожаной жилетке на голое тело. Когда я подошел, он спросил меня хрипло, но вежливо:

— На долго или проездом?

— Проездом, — ответил я и положил на столешницу баклажку, прикидывая, задержаться здесь максимум на полчаса. — Мне бы запасы пополнить и горло промочить.

Бармен хмыкнул и вытащил из-под столешницы шланг.

— Это всегда можно, — ответил он и отвинтил крышку баклажки, после чего воткнул шланг в горлышко, и вода бодро зажурчала. — У меня и перекусить есть. Поди голодный. Физиономия у тебя, парень, отощавшая. Вроде молодой, волосы вон, какие густые, чернявые, а глаза ввалились. Никак бежишь куда. Или от кого.

Не ел я со позавчерашнего дня. Успел только поужинать в столовой концерна Оазис-Техно и уйти с ночной смены спать. В концерне работал в среднем звене отдела разработок. Теперь не работаю. Сам виноват: не стоило говорить с коллегой о выводе зеленых ферм в свободное пользование для всех людей. Моя идея дошла до самого Лютецкого. Ему не понравилось.

Я кашлянул, глядя на то, как вода льется в баклажку, и ответил:

— Поесть не откажусь.

Бармен в душу лезть не стал, хотя по глазам видно — проницательный. Мне бы такую проницательности, когда рассказывал Козельскому, которого считал надежным, об идеях свободных ферм.

— Есть тушеная козлятина, — сообщил седовласый и убрал шланг из горлышка баклажки. — С картошкой и грибной подливой.

Я кивнул, а бармен добавил:

— Тысяча рубов.

— Ого, — удивился я больше для виду, поскольку мясо и правда стоит дорого.

Бармен пожал плечами.

— А ты чего хотел? Козлятина хоть и есть, но козы тоже требуют выкормки. А у нас козлячья трава на сто верст вокруг не растет.

Я кивнул. После коллапса трава осталась только в местах с мягким климатом. Но почти весь юг, средняя и центральная полоса превратились в пустыни, где-то песчаные, где-то каменистые. Там отлично растет верблюжья колючка и перекати поле. Для коз то, что нужно, но людям невкусно.

Обернувшись, бармен свистнул в сторону кухни, из двери тут же выплыла пышная женщина примерно одного возраста с барменом, в блузке с глубоченным вырезом. Она вынесла на подносе тарелку с дымящимся мясом в картофельно-грибной подливе и поставила передо мной. От одуряющего запаха рот наполнился слюной.

— И не скажешь, что козлятина, — впечатлился я и вытащил из нагрудного кармана на столешницу перед барменом тысячу рубов.

— Жена у меня мастерица, — согласился бармен и убрал деньги в кассу.

В желудке голодно заурчало, я взялся за ложку, но только поднес ко рту, как нос запоздало уловил запах чужака, и в спину прилетел удар. Ложку выбило, а мясо с картошкой зрелищно полетело по воздуху, чтобы шлепнуться на полку с банками.

Я резко развернулся для ответного толчка, и очень вовремя, потому что успел увернуться от кулака, который летел в нос. Хозяин кулака, крепкий детина примерно моего возраста с широкими плечами, большим подбородком и курчавыми волосами, заревел:

— Ах ты тварина оазисная!

И снова кинулся в атаку. Я уклонился легко, тренировки по самбо не прошли даром: в полете перехватил руку детины и, уведя на

болевую, ударил под колено. Тот глухо зарычал и упал на живот, а я додавил болевую, не дав ему вывернуться.

— Я тебя не трогал, — сказала я.

— Пусти, — прохрипел он зло, — мразь оазисная.

Не отпуская, я проговорил:

— Как ты понял про Оазис-Техно?

— Нашивка… — все так же зло отозвался детина, лежа носом в пол. — На локте…

Когда я убегал из от служебников, на бегу сорвал все бейджики и нашивки, но, видимо, одну пропустил. Сотрудников концерна за пределами столицы не любят. После того, как ее перенесли на юг, до коллапса, было спокойно, но потом кто-то пустил слух, что мы купаемся в зелени, кислороде и еде. Что правда лишь от части: бесконечный доступ к ресурсам есть только у верхушки. Остальные пашут за пайки и рубы. Если бы до переноса столицы знали, что на юге климат станет хуже, выбрали бы другой град. Теперь дергаться поздно, ресурсов на новый перенос нет.

Чуть придавив детину, я наклонился и проговорил:

— Я не с ними. Понял?

Тот нехотя ответил, все так же упираясь лицом в пол:

— Понял…

— Я тебя сейчас отпущу, а ты спокойно встанешь и отвалишь от меня. Ясно?

Детина зло запыхтел, не собираясь успокаиваться, а седой бармен, который с интересом наблюдал, вытащил из-под столешницы арбалет и положил на стойку со ловами:

— Если не ясно, я подсоблю. Будешь мне проблемы учинять, выгоню к чертовой бабушке. Еще раз и прощевай. Харчевайся и живи вон, на дворе у Сопочки.

— Помилуй, Никифор, — прохрипел детина. — У Сопочки из жратвы одна грибница, вода грязная. И переть до нее десять километров.

— Вот и мотай на ус, — хмыкнул бармен и кивнул мне. — Отпускай его, парень. Не дернется он. Да?

Детина неловко закивал, потому как кивать придавленным к полу не удобно. Осторожно я его отпустил, держась наготове, если его снова перемкнет. Но парень поднялся и, отряхнувшись поковылял к

дальнему столу, где мешком плюхнулся на стул и уставился на меня тяжелым взглядом.

Бармен достал мне новую ложку, я вернулся за стойку и стал есть, а он произнес:

— Значит, не из оазисных, говоришь? Навыки-то у тебя ловкие. Таким на улице не учат.

— Я был оазисным, — признался я негромко, решив, что раз дед пришел на помощь, то едва ли станет вредить. Во всяком случае, сразу.

— Не поделили чего? — предположил бармен.

Осталось только покивать.

— Не сошелся взглядами.

— Рубов больше захотел?

— Наоборот, — качая головой, отозвался я и отправил в рот ложку с мясом. — Для людей хотел бесплатные зеленые фермы.

Глаза седоволосого округлись, он хохотнул.

— Для всех что ли?

— Угу.

— И что сказал наш великий Лютецкий?

Я окинул себя коротким взглядом и проговорил:

— Раз я здесь, понятно что.

— И то верно, — согласился бармен и поставил передо мной стакан со льдом. — Угощайся.

Лед в наше время лакомство для среднего класса. Морозить его мало кто может позволить, а тает твердая вода быстро, что значит хранить негде.

Ноздри защекотало прохладой и запахом морозильника, который знаю по этажу хранения. Там я мелким был пару раз с опекуном на экскурсии. Ходили слухи, что на этаже хранят не только продукты, но и замороженных зверей. Но кто в такое поверит, слишком много энергии артефактов нужно для поддержания холода.

Прищурившись, я покосился на лед и проговорил:

— Это откуда у вас такие щедроты?

— Откуда надо, — хмыкнул седоволосый и покивал на стакан. — Ты грызи, грызи. За счет заведения.

— Не люблю быть должником, — сообщил я.

Бармен пояснил:

— Это не в долг, а в благодарность. Тем, кто может супротив Оазиса слово сказать, у меня всегда рады.

Погрызть холодного льда после двух суток бега по изнуряющему пеклу соблазн велик, я подтянул стакан, но предупредил:

— Платить не буду. Сам сказал — благодарность.

Тот облокотился на столешницу и усмехнулся.

— Не боись. Звать меня Никифор. Все знают, я слово свое держу. В моем «Медном ковчеге» разжиться есть чем, так что не обеднею. А человека хорошего уважу. А ты, глядишь, и скажешь, что у Никифора сытно и обслуживают хорошо. Сарафанное радио в наши времена лучшая слава.

Он протянул мне ладонь с сухими жилистыми пальцами, я секунду примерялся, но все же пожал и представился:

— Андрей.

— Будь здрав, Андрей, — закряхтел довольно Никифор.

Брюнетка в этот момент засадила особо высокую ноту, я даже оглянулся. Красивая. Платье из простой серой ткани, но пошито по фигуре, ноги стройные, бедра округлые, а в вырезе призывно колышется грудь. Сюда мнее её запах не доходит, сквозняк в другую сторону, но такая точно пахнет классно.

Никифор усмехнулся и прищурился.

— Это наша звездочка, Катерина Ковалевская, — сообщил он. — Красивая девка, и поет хорошо. Да только в наших краях без толку пропадет.

Разглядывая Катерину, я цапнул кусок льда и отправил в рот. Приятный холод растекся по языку, и чистая, сладковатая вода потекла в горло.

— Почему пропадет? — спросил я, гоняя быстро тающую ледышку по зубам.

Никифор развел руками.

— Сам подумай, Андрей. Постоялый двор у меня хоть и хороший, но сюда часто заезжает всякий сброд. А она с такой внешностью, как мед для пчел. Только слетаются на нее далеко не пчелы. Годных людей, вроде тебя, тут бывает мало.

— Это как вы поняли, что я годный? — поинтересовался я, все еще поглядывая на Катю, которая самозабвенно поет и не видит, как за дальним столом двое кочевников смотрят на нее голодными глазами.

Я всю жизнь прожил в граде за стеной, но кочевников несколько раз видел на водяных базарах. Они там пополняют запасы. Кочевников в Красный град пускают неохотно, но запретить проход не могут, согласно праву на воду.

Они всегда суховатые, поджарые с обветренными и потемневшими от солнца лицами. Те, что за столом, такие же, только щуплые какие-то. Возможно, голодали. По слухам кочевники, живут на подножном корме и не гнушаются грабежом.

В песне наступила модуляция, Катерина эффектно закинула голову, а кочевники с ухмылками переглянулись.

Я спросил Никифора:

— Не боитесь, что ее кто-нибудь обидит?

— Боюсь, — кивая отозвался дед. — Но запретить ей выступать не могу. Как-никак, а рубы постояльцы платят. Ей же надо на что-то жить. Ты молодой еще, не помнишь, как оно было. Лет-то тебе сколько?

— Двадцать пять в том месяце исполнилось.

Никифор убрал арбалет под стойку и принялся вытирать тряпкой деревянную плошку.

— Во, — произнес он, — ты поди только родился, когда в двухтысячном случился коллапс. До него было славно, и нам казалось, впереди полеты на Марс и биочипирование. Никто не знал, что все обернется вот так.

Никифор кивнул на окно, за которым по бархану летит перекати-поле и солнце медленно ползет к горизонту, чтобы через несколько часов дать земле немного ночной прохлады. Как было до коллапса, я знал только со слов других и из рассказов опекуна, а он разговорчивостью не отличался.

Отправив в рот еще один кусок льда, я поинтересовался:

— Раньше было лучше?

Бармен скривил губы в горькой ухмылке, во взгляде проступила ностальгия, он хмыкнул.

— Хо… Еще как. Тогда я был моложе. Деревья были большими и с зелеными листьями. Ты когда-нибудь видел дерево, Андрей?

— На смартфоне.

Он покачал головой.

— Смартфон — это не то. Дерево пахнет. И листья пахнут. А когда яблони цветут… Ууу… Запах сладкий-сладкий. Сграбастаешь Полинку, утащишь в сад и давай целовать. А она хохочет, отбивается. Но понарошку.

Лицо бармена застыло, он уставился в точку на столешнице, продолжая натирать плошку, а я снова оглянулся на помост. Катя допела и стала спускаться с него, а двое кочевников поднялись из-за стола и направились к ее каморке.

— Подождите-ка, Никифор, — мрачно попросил я и поднялся.

Боец я не то чтобы великий, да и своих дел хватает, но на тренировках держался крепким середняком, и закрыть глаза, когда обижают женщин не могу. Куда и зачем пошли кочевники, догадаться несложно. Сквозняк принес порцию запахов с их стороны, я потянул носом, покривился: несет от кочевников сухой, старой одеждой и немытыми телами. Их двое, щуплые, но жилистые, есть надежда просто их напугать.

Когда они шмыгнули в двери каморки, я рванул следом и вбежал в момент, когда один схватил Катю за руку.

— Пусти ее, — приказал я отрывисто.

Оба кочевника резко развернулись на меня и переглянулись. Оба с угловатыми лицами и заостренными от нелегкой жизни носами, но мясо на руках есть, хоть и сухое. Если нападут разом, отбиваться будет тяжко, одного надо вырубать сразу.

У того, что держит Катю, на щеке шрам. Он все-таки разжал пальцы, но когда девушка дернулась в сторону, перегородил путь рукой, а мне сказал:

— А ты очередь что ли занимал?

— Допустим, — спокойно ответил я, приметив справа глиняный кувшин с толстым дном и стенками.

Кочевник со шрамом усмехнулся.

— Подвинешься. Кто первый встал, того и тапки.

Катя за его спиной всхлипнула и зажала рот ладонями, в глазах заблестела влага. Второй кочевник сально заулыбался и присел в изготовительной позе, положив ладонь на бедро. Вероятно, там прячет нож. У шрамированного, скорее всего, такой же, слишком уверенно и развязно держится.

— Ну что, парень, — хмыкнул он, — уступишь самочку или надо объяснить?

Девушка снова рванулась в сторону, но кочевник схватил ее за руку и дернул к себе. Катя вскрикнула, он едко скривился и потянулся к бедру, а второй резко шагнул ко мне, занося кулак.

Я успел увернуться и схватить кувшин, а когда в руке кочевника блеснуло лезвие, обрушил на голову. Он хрипло застонал и, обмякнув, под звон осколков грохнулся на пол. Шрамированный на секунду замешкался, Катя в этот момент с размаху ударила его каблуком по голени. Тот зашипел и согнулся от боли, а Катя ломанулась мимо меня в дверь, обдав мятным сладковатым ароматом.

— Швора… — выругался шрамированный, хватаясь за ногу и, прихрамывая, попытался догнать, но я перехватил и сделал подсечку.

Тот с руганью грохнулся, я выдохнул —кочевники оказались слабыми противниками, но из-за спины меня хрипло окликнули. Я сжал кулаки и резко развернулся ко второму кочевнику с окровавленным лбом. Он шатается, но сжимает в правой руке нож.

— В героя решил поиграть, сопляк? — прохрипел он.

Я промолчал и согнул колени для атаки. Кочевник рванул на меня резко и умело. Увернуться я смог, но тот, что со шрамом, с пола ухватил за ногу и дернул. Я не устоял и с руганью грохнулся на спину, а шрамированный тут же поймал меня в удушающий захват и скомандовал приятелю:

— Проучи его. Не сильно, но чтобы не догнал.

Горло сдавило, легкие запекло от нехватки воздуха, а в голове запульсировало от напряжения. Я рванулся и зарычал в попытке освободиться, но кочевник держит, как клещами.

Пока я боролся с захватом, его приятель с перекошенной, окровавленной рожей оскалился, не решаясь подступиться, чтобы не получить ботинком по морде. Затем обошел сбоку и наклонился, довольно лыбясь.

— Сейчас мы тебя подправим.

Он поднял нож и покрутил перед моим лицом. В крови закипело сильнее, я снова рванулся из захвата, но кочевник оказался на удивление сильным для такого щуплого. Тот, что с ножом приставил мне к лицу холодное лезвие, но черкануть не успел — в дверях появился детина, которого я скрутил у барной стойки.

— Эй! — гаркнул он и с размаху пнул массивным ботинком того, что с ножом, по лицу.

Кочевника откинуло к стене, а нож вылетел и упал куда-то в угол. Следом в дверях возник Никифор с арбалетом и нацелил в голову шрамированному.

— Отпустил его, — приказал дед.

Под прицелом кочевник сразу присмирел и разжал хватку. В легкие полился спасительный воздух, я стал хватать его ртом, кашляя и хрипя. Детина подал мне руку, я поднялся, а Никифор пригрозил кочевнику:

— Пять секунд, чтобы вы убрались. Больше не заходите, пристрелю.

Кочевник поднялся и помог встать второму. Под пристальным контролем Никифора и его арбалета вдвоем они покинули постоялый двор, хромая и отплевываясь кровью.

— Цел? — спросил детина.

В легких еще саднило, а шея болела от захвата, но я кивнул.

— Не думал, что поможешь.

Парень неловко поморщил мясистые губы и сказал:

— Ты ж Катерину спасал. Я ж сперва подумал, ты тварь оазисная. Ну… нашивки, все такое. А ты вон, человек. Я Михаил. Можно Миха. Обращайся. И ты это… Не серчай, что я в морду тебе дать хотел.

Протянув ладонь, он широко и неумело улыбнулся, я кивнул и пожал руку.

— Андрей.

Михаил оказался козоводом с хозяйства в паре километров от постоялого двора. Раньше коз было много, но за последние два года поголовье сократилось из-за засухи и голода. Хозяйство разорилось, он продал оставшихся пятерых коз Никифору и теперь живет здесь.

Катя, дрожа как росинка на ветке, усадила меня за барную стойку и пыталась приложить к шее холодные камни, боясь, что меня поранили.

— Их же было двое… — лепетала она, пока я аккуратно отказывался от каменных компрессов. — Как не побоялся… Ой… не представляю, что было бы, если б не ты.

Мне осталось только многозначительно покашлять, а дед Никифор проговорил, снова пряча ружье:

— Да понятно, что было бы. Попортили б тебя и все. А там прямая дорога в шпильки. Сколько раз говорил, не место тебе тут петь. Но кто ж меня слушает.

Щеки Кати побелели, вместо моей шеи, она приложила камень к своей и проговорила негромко:

— Не буду я нахлебницей, дядь Никифор. Какие никакие, а рубы. Я тоже зарабатываю и помогаю.

— Стряпала бы с Полиной на кухне и была бы помощь. Ишь, самостоятельная.

Промолчав, Катя убрала камни в мешочек, и снова рассыпалась в благодарностях, краснея и пунцовея. Она бы так и продолжала, если бы Никифор хозяйским приказом не отправил её отдыхать. С разочарованным вздохом Катерина скрылась у себя в каморке.

Я проводил ее долгим взглядом. Никифор прав, ей не место на постоялом дворе. Мне самому здесь не место. И так задержался больше, чем собирался, теперь еще и шея болит. Вряд ли служебники уже напали на мой след, но рассиживаться, означает давать им время. Долго преследовать не должны, но для проформы до «Медного ковчега» точно дойдут. А тут, если не догонят, запишут, как пропавшего в песках. По идее надо дожевывать и бежать дальше, тем более солнце почти село, и пекло спадает.

Однако, когда я доел остывшую козлятину с картошкой, и поднялся, Никифор замахал руками.

— На ночь глядя? — удивился он. — После спасения Катерины и думать не смей. Я тебя не то, что ночлег за так дам, я тебе и провизии накину. Пойдем.

Ну что, с почином меня и вас. Начинаю выкладывать "дорожную историю". Пишу в конкурс, так что ваше участие: лайки, библиотеки и особенно комментарии имеют значение. Пишите комментарии под книгой, чем больше их будет, тем активнее я смогу писать — ничто так не стимулирует автора, как отклик читателя.

Плюшки для самых активных комментаров — чибик на стену после завершения книги, независимо от результатов конкурса.

Итак, вперед, в следующую главу.

Глава 2

Времени у меня не то, чтобы в избытке, но соблазн разжиться запасами убедил. Сколько предстоит идти не известно, а сух паек лишним не будет. Остается риск нарваться на служебников, с другой стороны, без воды и еды при переходе тоже тяжко. Так что согласился.

Дед Никифор повел меня в часть дома, где он живет с женой. Здесь стены, как и в столовой зоне, обшиты металлом и термоизолятом. Видимо, осталось со времен, когда он был в избытке. Сейчас такой достать сложно и разве что в Оазис-Техно. В доме чисто, чувствуется женская рука и пахнет уютом. Совсем не похоже на мою жилую капсулу человейника в Красном граде. Там только то, что нужно: кровать, комод из дешевого цемента, очаг, туалет на этаже. А здесь и печка, натуральная, каменная, и шкаф, как с картинки: деревянный дерева и со стеклянными витражами. Даже картина на стене.

Никифор заметил, как я осматриваюсь, и прищурился хитро.

— Нравится?

— Это дерево?

Дед кивнул, я постучал по дверце шкафа. Гладкая, теплая, не похожа на холодный камень или металл. Потянул носом — пахнет суховато и пряно, с примесью старого лака.

— Зажиточный у вас постоялый двор, — констатировал я, отходя и разглядывая шкаф. — Откуда все это?

Крякнув, Никифор цапнул со стола отварную картофелину и смачно откусил.

— Пойдем-ка, Андрей, — сказал он. — Вижу, парень ты хороший. Покажу тебе кое-что.

На месте Никифора я бы не стал показывать незнакомцу, пусть даже спасшему его певицу, свой дом. Так что внутренне напрягся и приготовился действовать в случае засады. Но дед спокоен, как утренняя пустыня, и чему-то ухмыляется.

Пройдя жилую часть насквозь, мы вошли в кладовку. Там Никифор дернул ручку подвала, в его темноте открылись каменные

ступеньки, а дед цапнул переносную дрожжевую лампу и проговорил, щурясь:

— Не страшись, парень. Не съем.

Я усмехнулся. О каннибализме ходят разные страшилки. Особенно у девушек на этаже сборки в Оазис-Техно. Из их сплетен рождаются байки, которые уходят в народ, обрастая новыми подробностями. Особой популярностью пользуются истории, где девушку похищает каннибал, хочет сожрать, но влюбляется, и они предаются страсти. А потом свадьба.

Никифор, вроде, на людоеда не похож, впрочем, как они выглядят не знаю. Так что пожал плечами и последовал в подвал. В случае чего от деда отбиться как-нибудь сумею.

Дрожжевая лампа освещала бледным светом густую темноту, в которой серебрится седой затылок деда, сырая прохлада холодит кожу, и я непроизвольно напряг мышцы. Но пришлось довериться и спуститься за дедом Никифором метров на десять.

— У вас не подвал, а целый бункер, — заметил я, глядя на его макушку.

— Сейчас поймешь, почему, — отозвался он.

Через несколько секунд мы шагнули на утоптанный грунт, дед отошел куда-то влево, щелкнуло, нос мой защекотало сочностью, которой здесь быть не может. Через секунду подвал залило теплым розовато-желтым светом, а моя челюсть отвисла.

— Офонареть!

Подвал действительно оказался бункером квадратов на сто, сто пятьдесят. У левой стены натуральный генератор, а по остальным — баллоны, к которым подведены трубки из концентратора, тот тоже у левой стенки. А в середине бункера зелень. Настоящая живая, зелень. И не только трава, вроде мятлика, который почти не цветет, а настоящие цветы, кустики и даже дерево. Два дерева. Маленьких, но с зелеными листьями. В живую я видел только мятлик на зеленых фермах Оазис-Техно. Его ярусами выращивают для производства кислорода, как и фитопланктон прохлорококус. Этих Лютецкий производит в фотобиореакторах. Но даже на зеленых фермах я не видел деревьев.

— Они настоящие? — втягивая до сладости свежий воздух, спросил я и шагнул к деревцу, тоненькому, едва с меня ростом, но с

гордо растопыренными ветками и листьями.

Лицо Никифора довольно просияло, он снова откусил от картофелины и кивнул.

— Все живое.

Осторожно я коснулся листа — прохладный, гладкий. Присмотрелся, внутри зеленые прожилки и ячейки. Создать такое в бункере невозможно.

Впечатленно выдохнув, я развернулся к деду и спросил:

— Как вам удалось? Тут же целое состояние.

Причмокивая картошкой, Никифор покивал и ответил:

— Как видишь, у меня тут кислород. А стоит он, много, сам знаешь. Приторговываю.

— Но зелень! Зелень откуда?

— Отовсюду, — многозначительно проговорил дед и помахал в сторону, где стоят два старых, обитых тканью кресла и каменный куб между ними в качестве стола. — Пойдем, парень, присядем.

Моя остановка затягивалась, что не очень хорошо. Я планировал двигаться еще часа три-четыре по барханам, чтобы добраться до следующего постоялого двора и там передохнуть. Если верить карте и Михе, это как раз и есть двор Сопочки. А до него десять верст. Но подвал Никифора слишком большая ценность, чтобы от нее отмахнуться, а значит стоит задержаться.

— Ладно, уговорили, — согласился я и расположился в кресле напротив деда, который успел притащить две переносные кислородные капсулы. Такие в дорогу берут те, у кого на них есть средства. Или кто сумел раздобыть.

Он приложил маску капсулы к носу и чуть открутил вентиль, послышалось негромкое шипение, Никифор вдохнул полной грудью. После чего закрутил вентиль и предложил:

— Подыши свежим воздухом. В Красном граде, поди, смрад и смог. А тут суховеи и песок. Тоже духота. Ты даже не знаешь, наверное, что такое свежий воздух. А какой он после дождя… Сладкий, чуток землистый, но легкий и бодрящий. Ммм…

Дождя я и правда не видел, поливы зеленых ферм Оазис-Техно осуществляет искусственно, и ту воду человеку пить нельзя, она годна только для растений. Кислород, как сотрудникам корпорации, нам выдавали раз в пару недель вместе с пайком. Такую-же маленькую

капсулу, как принес Никифор. Я растягивал ее на несколько дней. По этажам ходили слухи, что у Лютовского в пент-хаусе кислород круглые сутки, но в такое поверить непросто, когда из окна двадцатого этажа простирается пустыня и в форточку дует обжигающий суховей.

— Не робей, Андрей, — подбодрил дед и сделал жест, чтобы я приложил маску к лицу. — У меня настоящий луговой воздух. Без химии и примесей. Я видел, как ты тянешь носом. У тебя ген-мутант?

Напрягся я моментально, кулаки сжались, на деда я зыркнул мрачно, готовый к тому, что он вытащит из-под кресла арбалет. До коллапса инсектицид, которым опрыскивали растения против вредителей, считался безвредным. Но потом стали рождаться дети с особенностями. Про свой нюх я понял, когда в три года учуял дрезинный запах служебников на лестнице. Но рассказывать не стал даже опекуну. Когда у мальчишки в детской группе засветились глаза, воспитатель заохала и вызвала служебников. После этого мальчика никто не видел. Так что я решил и дальше молчать о том, что за сотню метров чувствую, как пахнет зелень с зеленых ферм. На мое счастье, активно начала развиваться артефакторика, и внимание население переключилось с выявления носителей гена-мутанта, на перепродажу артефактов. К люксовым артефактам доступ был и есть лишь у верхушки, но обычные можно хоть и за дорого, но раздобыть у перекупов и кочевников.

Никифор покачал головой и жестом показал, чтобы я успокоился.

— Не ерепенься, парень. Не сдам. Как скрыл от служебников своей ген?

Ещё раз я оглядел деда. Он уже много раз мог меня прибить, но не сделал этого. Так что, не разжимая кулака, я ответил:

— Менял анализы.

— Умно. Что умеешь?

— Ничего особенного, — все так же напряженно проговорил я. — Обоняние.

Довольно хмыкнув, Никифор покивал.

— Тогда тем более подыши. Хороший воздух.

Пару мгновений я продолжал оценивать ситуацию, поглядывать по сторонам и искать пути отхода. Но дед Никифор сидит мешком на кресле и поглядывает на свои зеленые деревца. Так что нехотя я

немного расслабил плечи. По хорошему отказываться от воздуха глупо, тем более в спешке я в рюкзак капсулу не закинул.

— Проверим, — произнёс я, глядя исподлобья на деда.

Приложив маску, я открутил вентиль и вдохнул полной грудью. Воздух хлынул в легкие сладостным свежим потоком такой чистоты и свежести, что в ушах зашумело. От неожиданности я резко перекрыл вентиль и вытаращился на Никифора. Голова стала легкой, и меня с непривычки повело, пришлось откинуться на спинку кресла.

Тот засмеялся немного скрипуче.

— А я говорил, это настоящий воздух. Вот тут собранный. Все своими руками гнал в концентратор, нагнетал в баллоны. Не то, что ваша оазисная химия. Поди и не растительный, а какой-нибудь искусственный.

— Очень свежо, — признался я чуть охрипшим голосом, глядя на капсулу. — В Красном граде и правда воздух совсем не такой выдают.

— А то! — довольно крякнул дед. — Натуральный только ваша верхушка и получает. А простым трудягам выдают побочные продукты реакций. Это я тебе точно говорю.

Доказательств этому нет, но лицо у деда такое, будто лично видел, как в капсулы для сотрудников сжимают искусственный кислород.

Никифор продолжил:

— Раньше никто думал, что дышать свежим воздухом станет привилегией. Да и не представляли, что пчелы вымрут. Я родился, когда пасеки были, как грибы. Пчелы летали разные, и домашние, и дикие. А на ярмарках продавали мед. Липовый, гречишный, даже белый.

— Мёд? — удивился я, впервые встретив человека, который видел мед, и снова приложил маску, на этот раз открывая вентиль очень аккуратно.

Никифор отправил в рот остатки картошки и, жуя, проговорил с ностальгией:

— Меда было много. Сладкий, тягучий. Его и в чай можно, и в блины, и простуду полечить. Мед теперь на вес золота. До коллапса ценность золотом меряли.

Я снова вдохнул осторожно и бережливо, после чего закрыл вентиль. Мысли от чистого воздуха прояснились, в теле появилась бодрость, а будущее обрело краски.

— Мир до коллапса сильно отличался, — согласился я умозрительно, потому что знаю об этом по рассказам опекуна, старших коллег и того, что в смартфонах. Более достоверные данные в книгах, но для получения допуска к ним нужно быть кем-то посерьезнее разработчика среднего звена.

Откинувшись на спинку кресла, Никифор поднял глаза к потолку и произнес вдумчиво:

— Никто не думал, что пчелы исчезнут. Жили мы славно, технологии были доступны всем. Каждый носил смартфон, пользовался, когда хотел.

Я возразил:

— В Красном граде тоже есть смартфоны.

На что дед отмахнулся, кривясь.

— И что? Где твой смартфон? Ну, показывай. Нету? Раньше у каждого был. Просыпаешься утром, сразу цап его и давай листать, что в мире творится. Население тогда было около восьми миллиардов. Правительства стран боялись нехватки продовольствия. Лютецкий, швора такая, момента не упустил. Его ученые разработали инсектицид на основе бактерии. Чтобы колорад, медведка, всякая тля не вредила урожаю.

— Звучит хорошо, — заметил я и снова немного вдохнул из капсулы.

— Ага, — зыркнув на меня недобро, отозвался дед. — Благими намерениями выложена дорога в ад.

— Формула не сработала, — подтвердил я. Нас обучали тому, что формула была намеренно испорчена врагами Лютецкого

— Сработала, — ловко для такого древнего деда подвернув ногу под зад, ответил Никифор и тоже вдохнул воздуха. — Настолько, что Оазис-Техно стала продавать инсектицид в другие страны. На этом Оазис-Техно и поднялась. Лютецкого зауважали во всем мире. А он давай вваливать бюджеты в благоустройство своей резиденции, Красного града то есть. Местным жителям перепало много крошек с барского стола. Так что их поддержкой он заручился. В общем поднял регион.

О заслугах Лютецкого в Красном граде знает даже ребенок, основная фракция его почитает, как спасителя. Но мое отношение к

нему поменялось после отказа открыть зеленые фермы людям и доноса Козельского.

Я проговорил осторожно:

— Звучит еще благороднее.

— Ты погоди, парень, — хмыкнул Никифор. — Регион поднялся. Это да. Настолько, что стал вторым финансовым центром. Инсектицид продавался, урожаи росли. Экоактивисты были недовольны вмешательством в природу и устроили диверсию на его заводе. Накидали какой-то дряни в партии инсектицида. Думали, формула перестанет работать.

— Перестала?

Он покачал головой.

— Да как. Нарушителей поймали, партию проверили, вроде все в порядке. Ну и отправили на экспорт по всему миру.

— И распылили, — проговорил я, этот момент истории нам тоже преподавали.

Пожимая плечами, Никифор согласился:

— Распылили или не знаю, что там они сделали. Но на следующую весну пчелы не проснулись. Пасечники первыми забили тревогу. Оно и понятно, открываешь улей, а там мертвые пчелы. Информация до Лютецкого дошла быстро. Стали разбираться. В составе формулы были какие-то мертвые бактерии, но после диверсии они не все сдохли. Как оно там работает, мне не известно, но полудохлые выжили, мутировали. А когда распылили, заразили не только вредителя, но и пчелу. А пчела она от цветка куда летит?

Снова вдохнув воздух, каким никогда не дышал, я предположил:

— В улей?

— Верно, — согласился дед. — А там перезаражала остальных. Так все и началось. Никто не думал, что вымирание медоносов так повлияет на мир. В новостях сразу запестрило, что будет голод. Народ ломанулся скупать гречку, мед, туалетную бумагу… В общем все подряд.

— Представляю.

— Вряд ли, парень, — усмехнулся Никифор и достал из кармана самый настоящий смартфон, с гладким экраном и в толстом противоударном корпусе. — Погляди.

Смартфоны в Красном граде выдавали под учет в рабочих и образовательных целях. Пользоваться я умел с детства, опекун брал меня с собой на работу на этаж образования. Именно там я увлекся разработками, читая со смартфонов инструкции и то, что разрешалось корпорацией в качестве исторических справок.

Взяв устройство, я взвесил его на руке. Тяжелый. Никифор кивнул на него.

— Нажми на треугольник на экране.

Когда выполнил, толпа на мониторе забегала, послышались крики, а голос диктора возбужденно заговорил:

«Продовольственый кризис захватил столицу. Люди массово выходят на улицу и требуют обеспечить их необходимым. В некоторых районах начались столкновения и погромы. Нам сообщают об атаках на продуктовые и хозяйственные магазины. Силовики пытаются остановить беспорядки, но людей слишком много. Ситуация осложняется тем, что часть силовиков переходит на сторону восставших…»

Видео зарябило и зависло, я вернул смартфон деду и спросил:

— Силовики не верили в победу?

Никифор выключил устройство и убрал его обратно в карман.

— Может и верили, — ответил он. — Но они тоже люди. Голодные и напуганные. У них семьи. В общем. Да, столицу захватили мятежи. Она ж особо ничего не производила. Получала все из регионов. А регионы отказались везти. Им тоже жрать хотелось.

Я проговорил, догадавшись:

— Это поэтому столицу перенесли в Красный град?

— Ага, — кивая, произнес Никифор. — Лютецкий к этому моменту отбабахал человейники, его заводы разрослись сам знаешь до чего. Голод Красный град особо и не потрепал. Ты мелкий был. Не помнишь, как менялся мир. В первые месяцы куча зверья сдохла. Кто насекомых жрал, птицы. Всякие тварюшки, что ели плоды тоже вымерли.

— Жаль.

— Когда поняли, что на юге началось опустынивание, было уже поздно, — продолжил дед. — Во всяком случае, нам так сказали. Цены взлетели, что мама не горюй. Растений меньше стало, воздух сам видишь какой. Лет через пять стали пытаться опылять искусственно,

но к этому времени цветковых почти не осталось. Вон, только в Оазис-Техно. Ветроопыляемые спасли конечно. Пшеница, кукуруза наше все. Ну и картошка. Да только воды сильно меньше стало.

— Жестко.

Никифор кивнул.

— Ещё и история эта с геном-мутантом. Ты второй, кого я вижу такого. Куда Лютецкий дел остальных, только небесам известно.

— А первый кто? — спросил я.

Отмахнувшись, Никифор ответил:

— Был один парнишка, прыгал хорошо. Куда делся — не знаю. Видать, на беременных инсектицид как-то повлиял и такие, с геном, стали рождаться.

— Угу.

— Короче, парень, народа на земле поуменьшилось, как и зверья. Голод, засухи, цены на все дикие. И только Лютецкий процветает. Оазис-Техно сперва было спасением человечества. Но что же он, разве не может не драть с людей в три шкуры? С его возможностями мог бы восстановить мир. Но почему-то этого не делает.

В этом я с Никифором согласен. Причина, моего побега из Красного града как раз в Лютецком. Пару секунд я прикидывал, говорить об этом с дедом или нет, но он открыл мне тайник с зеленью и кислородом. Значит, доверился.

Отложив капсулу с воздухом на каменный куб, я проговорил:

— Понимаю. Я тоже залез не в свое дело.

— Ну вещай, — хмыкнул дед. — Не боись, не выдам.

Он прищурился и чему-то покивал, потом вдохнул новую порцию воздуха и в ожидании замолчал.

Немного выждав, я все-таки произнес:

— Я хотел, чтобы зеленые фермы стали доступны для населения бесплатно. Разработал систему, где в каждой жилой капсуле можно держать растения и фитопланктон в пластинах. Система внедрения требует вложений, но потом перейдет на самообеспечение благодаря солнечным панелям на каждом человейнике. А не как сейчас. Панели есть только на главной башне Оазис-Техно. Оттуда идет распределение энергии. А она в Красном граде очень дозированная. Народ чаще пользуется дрожжевыми лампами, как и вы тут. Потому что дешево.

Помолчав, Никифор потер морщинистый подбородок с еле заметной серебристой щетиной.

— Смелое решение, парень, — заключил он.

— Даже слишком, — согласился я. — Все считают Лютецкого благодетелем. Может раньше так и было, но сейчас его интересуют только рубы. Он монополист с автократскими замашками. И нацелен на мировое господство.

— Это точно.

— О разработке я рассказал коллеге, — продолжил я, сложив руки на груди. — Мы с ним дружили, ну я и… В общем, он доложил наверх. Лютецкому это не понравилось, мне спустили приказ уничтожить проект. Я отказался и попытался спрятать чертежи у себя в жилой капсуле. За мной проследили, потому что на следующий день ко мне пришли. Я успел сбежать.

Дед спросил:

— А чертежи?

— Скорее всего нашли и уничтожили, — с досадой констатировал я. — Собирать их времени не было. Слишком много.

— Эх… — вздохнул Никифор, задумчиво глядя куда-то в пол, — годный ты парень, Андрей. И куда теперь бежишь? Что от Лютецкого подальше, это понятно. Но направление-то какое?

Насторожившись, я покосился на Никифора. Тот смотрит с интересом, глаза прищурены, как у кочевника, который всматривается в закат сквозь песчаную бурю.

— Вам зачем знать? — спросил я прямо.

— Что бы понять, могу я тебе кое-что доверить или нет, — неоднозначно ответил дед.

Ясности это не прибавило, я покосился на свой рюкзак у ног на полу. Мелькнула мысль, что дед тянет время, а сам уже вызвал служебников. Может по смартфону. Раньше по ним можно было связываться с любой точкой мира, а не как теперь: только с кем дадут.

Я подобрался, готовый в любой момент забросить рюкзак за спину и стартовать. От Никифора это не укрылось, он закряхтел и высунул из-под себя ногу со словами:

— Не ершись, Андрей. Не собираюсь я тебе вредить. С твоим отношением к Лютецкому я согласен. Хапуга он. За двадцать пять лет

мог бы восстанавливать мир по крупице. Так вот, парень, скажи мне, куда ты идешь. Хорошенько подумай, парень.

Завершил фразу Никифор приглушенно, взгляд стал внимательным и пристальным, как у опекуна, когда проверял домашнее задание по креативности. В момент побега я прикидывал, двинуться севернее, по рассказам там хотя бы не так жарко и нет пустыни. Это куда лучше, чем перебраться в другой град и ждать, пока служебникам Лютецкого не приспичит выслужиться.

Поизучав Никифора еще немного, я коротко сообщил:

— На север.

Шипение концентратора затихло, система перешла в накопительный режим, а Никифор произнес негромко:

— Хорошее решение, парень. А теперь послушай, что я тебе скажу.

Выражение его лица сделалось таким же, как у опекуна, когда меня мелкого учил уму-разуму.

— Север не так прост, — продолжил он. — Страна у нас большая. Очень. В Красном граде тебе об этом вряд ли рассказывали. После коллапса система информационного контроля расцвела буйным цветом. Так вот. Был у меня друг давненько. Перед коллапсом он уехал на севера. Общались по смартфону, пока общий интернет не запретили.

Кивая с пониманием, я уточнил:

— На север, в смысле в старую столицу?

Никифор отмахнулся.

— Да какой же это север? Вам и правда там ничего не рассказывают. Нет, парень, север наш сильно дальше. И больше. Друг мой жил у Печоры в каком-то… Не помню, граде. Его после коллапса затопило.

— Печора это град? — спросил я из вежливости, поскольку рассказ деда стал напоминать бред.

Никифор покачал головой.

— Река. Про реки знаешь?

— Знаю. Читал.

— Ну вот. Река затопила все, что там было. Но главное другое. Дружище присылал мне картинки после коллапса еще несколько лет,

пока общий интернет совсем не отвалился. С деревьями, парень. И кустами. И мелкой люцерной.

Дед наклонился и заглянул мне в лицо с надеждой и тревогой, а я отодвинулся. Уверенность, что Никифор на старости лет двинулся умом, крепла.

Снова взяв капсулу с воздухом, я немного вдохнул и, убрав на каменный куб, проговорил аккуратно:

— Всем хочется верить в волшебный остров или сказочную страну, где все хорошо.

Лицо Никифора искривилось досадой, а я с сочувствием развел руками. Человеку, который видел мир до превращения в пустыню, сложно его принять. Даже если прожил в нем двадцать пять лет.

Мотнув седой головой, дед произнес убежденно:

— Не смотри на меня как на чокнутого, парень. Я видел эти картинки. На севере есть зоны с мягким климатом. Знаю, звучит безумно. Выветривание, опустынивание, нехватка воды, углекислый газ. Все это знаю. Но что, если где-то сохранилась зона, где жизнь все еще цветет?

На это я только терпеливо покивал. Со старика нечего взять, живет прошлым и надеждами на невозможное. И ищет свободные уши. Но оставаться дольше опасно, кто знает, когда заявятся служебники. А они заявятся, это первый постоялый двор после на пути от Красного града в северном направлении, его они точно отработают.

Я глянул на часы, начало десятого вечера. А дед поморщил губы, взгляд остался таким же внимательным и тревожным.

— Не веришь? — спросил он с горечью.

Я ответил максимально аккуратно:

— Если бы эта Печора существовала, разве Лютецкий об этом бы не знал?

— Может он знает, — предположил дед, — но держит в тайне, чтобы не потерять власть и влияние. Представь, что будет, если такая территория существует и люди о ней узнают?

Покосившись на зеленые деревца, траву и кусты под сводами подвала, я прикинул. Здесь около сотни квадратов зарослей, и уже выглядит впечатляюще. Если бы где-то росли километры такого, да еще в естественной среде, это была бы революция. Жаль только, что растет оно в воображении Никифора.

— Вот же рожа неверующая, — не выдержав, рявкнул дед. — Я ему тайну отрываю. Секретом делюсь, а он харю кривит.

Я хрустнул шеей и ответил терпеливо:

— Не обижайтесь, Никифор. Я первый, кто хочет, чтобы это оказалось правдой. Но даже если в двухтысячных такая земля существовала, сейчас она пустыня. Без пчел оазис не сохранить. Даже с ручным опылением. Это капля в море. Ее еле хватает на Красный град. Вся наша страна обрисована на карте, которую я сам много раз видел на этаже обучения. И заканчивается она слева Ново градом, справа Казна градом, а снизу Красным градом, за которым Темное море. Это даже дети знают.

Повисло молчание, в котором тихо шипит концентратор, нагнетая воздух и перераспределяя его по баллонам. Дед смотрел на свои деревца, но ощущение, что видит не их, а свою далекую молодость, когда деревья росли не у него в подвале, а по всюду. Потом вздрогнул, будто решился на что-то, и повернулся ко мне.

— Вот что, Андрей. Есть у меня еще кое-что.

Глава 3

Резко поднявшись, Никифор ломанулся мимо концентратора к дальней стене. Пришлось встать и отправиться за ним, кто знает, что от переживаний учудит старик. В правом углу между баллонами с кислородом нашлась металлическая дверь в половину моего роста. Чуть замедлившись, Никифор бросил на меня взгляд через плечо, надвинул брови и пробурчал:

— Фома неверующий…

Потом обернулся к двери и сунул в замок здоровенный ключ, который достал из кармана. Замок лязгнул, заскрипели петли, и дверь медленно открылась наружу.

— Ну шуми и не маши руками, — приказал дед, наклоняясь и шагая в проход.

Я примирительно поднял ладони, а сам думал о служебниках. Свежего воздуха к этому моменту надышался так, что разморило. Однако появление служебников перспектива плохая, но не близкая. Если не заявились к вечеру, на ночь вряд ли припрутся, поскольку песчаные дрезины ездят на солнечных батареях и быстро разряжаются при езде по барханам. Ночевать на постоялом дворе служебники едва ли захотят.

Поэтому, нагнувшись, я шагнул за дедом и не сразу понял, что чует нос. Да и глаза ясности не добавили: помещение примерно того же размера, что и первое, освещено бледно-розовым, не жарко, градусов двадцать пять. В середине деревянная будочка на ножках, а вокруг густым ковром мелкие растения с небольшими розовыми помпонами в середине.

Присвистнув, я проговорил впечатленно:

— Две зеленые фермы?

— Ха! — с какой-то злобной радостью отозвался дед. — Фермы. Иди сюда. Тихо только.

Он подозвал меня к будке и очень осторожно открыл крышу. Когда я нехотя заглянул, в нос ударил сладкий, густой запах. В полумраке будки разглядеть сперва смог только копошение, которое

сопровождается низким, негромким гулом. Пару секунд я присматривался, а когда дошло, выпучил глаза.

— Пчелы???

Рожа у Никифора сделалась довольная, как у кота, который сожрал особо жирную мышь. Только благодаря котам Красный град удалось спасти от нашествия мышей, когда основной пищей стала пшеница, кукуруза и картошка.

— Пчелы, — согласился он и аккуратно указал в середину будки, где копошится особо крупная пчела. — Это пчеломатка. Самая главная пчела.

Пчел я видел только на изображении смартфона на этаже обучения. Нам объясняли, что пчелы полностью вымерли в течение нескольких лет после коллапса, и увидеть их вживую я не рассчитывал никогда. Сейчас же передо мной в будке ползает несколько десятков, а может сотня настоящих пчел, а я таращусь на них.

— Откуда? — схватившись за лоб, спросил я.

— От верблюда, — хмыкнул дед. — Сохранил до коллапса и поддерживаю. Сменилось около десятка пчеломаток, но боюсь, эта последняя.

Я засмотрелся на пчел. Те сонно ползают по стенкам улья, залезают друг на друга, поблескивая в полумраке слюдяными крыльями. Матка ползает медленнее, а вокруг неё суетятся несколько пчел, подползают к жвалам, стучат лапами по брюшку: забоятся.

— Почему последняя? — спросил я.

— Кормить их нечем, — просто ответил Никифор. — Я держал их на сахарном сиропе и том, что собирали с тутошних цветков. Но это не заменит полноценного вылета. Каждая новая пчеломатка все слабее, и потомство такое же. Им нужна свобода и настоящие цветы.

— Всем нужны, — согласился я, впервые вдыхая сладкий медовый запах.

Повисло молчание, многозначительное настолько, что запищало в ушах, пчелы тоже притихли. О чем думает Никифор, я догадался сразу, лицо у него такое, что сразу понятно.

Я предупредил:

— Это дико.

— Откуда тебе известно? — уловив трещину в моем скептицизме, с воодушевлением спросил Никифор.

— Да потому что нет доказательств существования вашей земли обетованной.

— Как нет и доказательств обратного, — не отступал дед. — Ну чего ты в позу встал, а? Ты же все равно идешь на север. Так иди. Только чуть дальше. И пчеломатку бери с собой.

— Она погибнет дороге. Я не хочу на себя брать ответственность за потенциальную вторую гибель мира.

В отчаянии дед всплеснул руками и проговорил с жаром:

— Андрей, да пойми ты, это единственная надежа! Пчеломатка все равно погибнет со временем, а если возьмешь её и несколько пчелок, есть шанс.

От волнения дед наклонился вперед и сжал пальцами стенку улья так, что побелели костяшки. От него запахло адреналином, этот запах всегда очень сильный, его мой нос ловит часто.

Я потер лоб и покосился на пчел. Те неспешно ползают и не знают, что последние не только в своем роде, но и последние в качестве шанса на зеленый мир для людей. Верить в байку Никифора дело последнее, не может быть никакой Печоре деревьев. Иначе Лютецкий туда бы уже добрался. Кроме того, взять ответственность за спасение последней пчеломатки — слишком тяжелая ноша для одного разработчика.

Глубоко вздохнув, я покачал головой и произнёс:

— Нет, Никифор. Даже если допустить, что севере что-то есть, у меня ни маршрута, ни карты, ни транспорта. А логика подсказывает, переть туда не день, и не два. Так что пойду своей дорогой. Не серчай.

Надежда в глазах дед погасла, как солнце после вечерней зари, он прикрыл крышку улья и проговорил упавшим голосом:

— Дам тебе паек…

После чего прошаркал куда-то в темноту, какое-то время возился, потом вернулся с коробкой сухпайка, увеличенным, что значит, внутри дополнитиельно не только картошка, но и сладкий батат.

— Вот, — протянув мне коробку, угрюмо проговорил дед. — Тут достаточно на пару дней. Ты иди наверх, а я сейчас.

Хотелось остаться и ещё немного посмотреть на пчел, вряд ли ещё такое увижу. Но Никифор осунулся и поник, мой отказ участвовать его огорчил, я решил ему не мешать предаваться сожалениям и поднялся в кухню. Там Катерина, уже переодетая в

коричневые штаны, которые красиво облегают бедра, и серую рубашку с длинным рукавом и вырезом, обжаривала кукурузные лепешки.

Увидев меня, девушка охнула, щеки порозовели, она быстро перехватила волосы веревочкой в низкий хвост и прощебетала запыхано, будто не лепешки жарила, а по лестницам бегала:

— Ой, а ты здесь. Я думала, уже ушел…

— Хороший постоялый двор у вас, — сообщил я и непроизвольно расплылся в улыбке, глядя, как Катерина засуетилась.

— Это все Никифор, — согласилась она и стала перекладывать лепешки в глиняную плошку. — Но ты не останешься, да?

— Только на ночь, — ответил я, разглядывая Катерину со спины. Стройная, зад крепкий, бедра округлые, в штанах это видно особенно. В Красном граде у меня были девушки, но ни одной я не смог бы доверить тайну о своей мутации.

Катерина вздохнула так тяжко, что прозвучало нарочно, а когда пустынный ветер ворвался в форточку, до меня долетел её мятный и сладковатый запах. Пока Катя не видит, я прикрыл глаза — приятно.

— Как жалко, — проговорила девушка, я разомкнул веки и стал наблюдать, как она выставляет на стол плошки и чашки. — Я надеялась, что останешься хотя бы на несколько дней.

— С радостью бы, но не могу.

— Понимаю, — негромко отозвалась Катя и опустила взгляд в тарелку. — Голодный?

Козлятины я наелся плотно, но отказать Кате в голову не пришло, я кивнул, а она просияла, как утреннее солнышко.

— Тогда садись. У меня и соус есть.

Воодушевленно метнувшись к деревянному шкафу, Катерина выставила на середину стола небольшую миску с чем-то густым и желтоватым.

— Это из кукурузы, картошки, козьего кефира. И немного соли. Можно просто макать и есть, — сообщила девушка со смущенной улыбкой и придвинула мне лепешки.

То ли её порозовевшие щеки мне понравились, то ли надышался чистого воздуха, но, как дурак, заулыбался и начал жрать лепешки, окуная их в соус. Оказалось и правда вкусно, а когда дожевывал третью, из подвала вылез дед с небольшой сумкой наперевес и вытаращился на меня.

— Ну ты и жрать, Андрей, — хмыкнул он и потряс сумкой. — Вот провизии тебе немного. Сухпаек, вода.

— Понял. Спасибо.

— Катерина, а ты чего тут? — переведя взгляд на девушку, поинтересовался дед деловито. — А ну хватит увиваться. Парень он видный, но нечего тебе вести себя как швора.

Лицо Катерины вспыхнуло пунцовым, она вытаращилась и выдохнула:

— Дед Никифор, да какая швора!

— А вот никакая. Бери свои булки…

— Это лепешки!

— Ну лепешки. Бери и иди к себе. Не мешай человеку отдыхать, — строго проговорил Никифор. — Ему долгая дорога предстоит.

Против общества Кати я ничего не имел, даже наоборот, но Катя зыркнула на него ясными голубыми глазами и с недовольным видом ушла, оставив лепешки.

С Никифором мы ещё немного поговорили, потом пришла его жена, отругала за то, что засиделись и повела меня спать на второй этаж. Там выдала одеяло и оставила одного. На кровать я рухнул, как мешок. После двухдневной гонки, кислорода и пчел усталость ломила тело, и я уснул, как был, в одежде и с рюкзаком под боком.

Проснулся от настойчивого стука в дверь, когда полоска горизонта в окне едва заметно побледнела.

— Андрей, — донёсся встревоженный шепот Полины, — вставай!

На ногах я оказался через секунду и открыл дверь. По встревоженному взгляду жены Никифора понял — дело дрянь, а она протараторила негромко:

— Служебники внизу. Никифор их убалтывает. Тебе надо бежать. Идем, покажу выход. Быстрей.

Цапнув с кровати рюкзак, я метнулся за женщиной. Та, несмотря на габариты, пронеслась по коридору, как перекати поле, и в самом углу открыла дверку. Она вывела на крохотный балкон, на котором сушится белье.

— Внизу Никифорова дрезина, — быстро сообщила женщина, с опаской косясь назад, — он наказал тебе взять. Вот ключ, она с него заводится.

Полина протянула его, я сунул в карман и, перелезая через перила, поблагодарил. До песка чуть больше двух метров. Ерунда. Повиснув на нижней части балкона, я приготовился и спрыгнул в песок, перекувыркнувшись, как учили на самбо.

На дрезину я запрыгнул, как на верблюда, но, когда повернул ключ, она не завелась.

— Швора, — выругался я под нос и снова попробовал.

Безрезультатно. Глянул в небольшое пыльное окно, там Никифор что-то активно рассказывает группе служебников из пяти человек. Все в форме сафари-цвета, с арбалетами и с намордниками от песка. Судя по мрачным лицам, рассказ деда слушают внимательно, но кто знает, сколько ему удастся их отвлекать.

Я снова крутанул ключ, дрезина ответила упрямым молчанием. Когда собрался спрыгнуть и рвануть пешком, из-за угла выскользнула тень. Я рефлекторно крутанулся для удара ногой, и успел остановить ботинок у самого носа появившегося, потому что узнал детину.

Тихо ругнувшись, я шепотом спросил:

— Ты чего тут?

— Давай заведу, — отозвался тот и жестом показал, чтобы я сдвинулся на заднее сидение.

Косясь на окно, за которым служебники уже нетерпеливо переступают с ноги на ногу, я отодвинулся. Миха запрыгнул на сидение, чуть не снеся меня рюкзаком, что-то поковырял под коробкой зажигания, чирканул, заискрило, и дрезина завибрировала тихим, низким гулом.

Я присвистнул впечатленно, а Миха быстро объяснил:

— Я часто беру дрезину у Никифора. Все ее поломки знаю.

После чего, дёрнул рулевую перекладину, и дрезина с места рванула на бархан, раскидывая в стороны брызги песка. Меня до боли вжало спиной в упорную дугу, специально толстую, чтобы пассажира не срывало при езде, волосы затрепало, от ветра заслезились глаза.

Ухватившись за боковую ручку, я проорал на ухо Михе:

— Сколько дури в этой дрезине?

Тот замысловато рулил по песчаным волнам, он крикнул через плечо:

— Не знаю! Верблюдов сто! Может больше!

— Ого!

— Ага! Никифор в неё артефакт мощности загнал! Точнее, он купил, а я монтировал!

— Хреновый, ты козовод, я сморю! — проорал я ещё громче, потому что дрезина загудела отчаяннее и пошла на бархан, размером с постоялый двор.

Миха загоготал и прокричал так же через плечо:

— А то! Батя так и говорил! Вот я остатки коз Никифору и продал! Механика мне ближе!

Водил дрезину Миха так же ловко, как и завел. Мы быстро преодолели пару больших барханов. Но когда забрались на вершину второго, и дрезина замедлилась, порыв ветра в спину принес недобрый запах, который не перепутать.

— Погоня, — коротко сообщил я.

Миху это известие почему-то развеселило, он хохотнул и отозвался:

— Ещё бы! Держись!

После чего вдавил две педали на полную. Дрезина взвизгнула, как испуганная девчонка, чуть утопилась в песок, а после рванула вниз, на миг встав на дыбы. Меня чуть не выкинуло из сидения, еле успел схватиться за боковые ручки.

Отплевываясь от мелкого песка, поскольку намордников мы не надели, я вывернул голову назад. По песку за дрезиной тянется длинный, продолговатый след от магнитной подушки.

— Миха! Мы наследили!

— А?

— След, говорю, за нами!

— А… — многозначительно протянул Миха и резко крутанул рулевую перекладину.

Дрезина заложила крутой вираж, и детина пустил её по кругу на скорости. Секунд за десять он исчертил песок кругами и полосами, затем снова пустил дрезину вперёд, на этот раз не так быстро, чтобы она не раскидывала под собой песок.

— Пускай поищут, хе-хе, — усмехнулся Миха и плавно повел дрезину в сторону каменистой поверхности.

Над ней мы полетели чуть быстрее, затем свернули к дороге и какое-то время мчали по ней. Когда темно-лиловое небо с бледной полоской у самого горизонта стало светлеть, я сказал:

— По дороге ходят автоматоны. Не наткнуться бы.

Миха озадаченно хмыкнул и отозвался:

— Точно. Ходят. Хотя в такую рань не должны. У нас мимо «Медного ковчега» первый идет в шесть утра.

— Он же не из воздуха появляется, — проговорил я, цепляясь за боковые ручки. — Значит откуда-то выезжает раньше. На те, что ползут из града плевать. Но они и на дороге есть.

Немного подумав, Миха кивнул.

— Есть паровые станции. Там заряжаются дрезины попроще, которые без солнечных панелей. По идее, автоматоны там тоже могут подпитываться.

Выплюнув песок, я отозвался:

— О том и речь. Если какой-нибудь слезет с зарядки и поползёт на встречу, приятного мало.

— Почему?

Покосившись на кудрявый затылок Михи, я сперва решил, что он шутит. Но тот молчит, значит и правда не в курсе.

— В автоматоны встроены визионы. Работают на артефактах связи, — пояснил я. — С их помощью Лютецкий пользуется спутниками.

— Я думал, они после коллапса не работают, — удивился Миха.

Я покривился.

— Лютецкий их приспособил.

Пришлось Михе согласиться и снова увести дрезину с дороги на песок. К этому моменту от «Медного ковчега» мы улетели километра на четыре, служебники до сих пор не появились, значит потеряли след. Удивительно, что Лютецкий до сих пор не потерял ко мне интерес. На его месте, я бы давно решил, что сам исчезну где-нибудь в пустыне. Его внимание намекает — мой проект в нем всколыхнул интереса не меньше, чем производство кислорода для его пент-хауса. Из чего следует, погоню он не прекратит, и нужно где-то пересидеть, пока мультимиллиардер не решит, что я помер.

Мчались мы на дрезине ещё пару часов, пока взошедшее солнце не начало палить, как адская домна. Натянув капюшон с козырьком, я крикнул Михе в ухо:

— Надо переждать жару.

Он покивал и указал куда-то правее со словами:

— Там за дорогой есть скалы. К Сопочке мы же не поедем?

Служебники в первую очередь будут искать меня на следующем постоялом дворе, так что я отозвался:

— Не поедем.

Крутанув рулевую, Миха направил дрезину правее. На дорогу въехали через выпил в бетонном блоке заграждения и в напряжении мчались до следующего выпила справа, надеясь не наткнуться на автоматон.

Выпил нашелся через полверсты в тот момент, когда за поворотом послышался характерный дребезжащий звук автоматона, который сгребает песок с дороги. Миха свернул, и мы снова помчали по песку.

К скалам, которые оказались останками небольшого бетонного строения, мы подъехали, когда солнце напекло макушку даже через внутреннее покрытие капюшона. Миха спрятал дрезину в тень под обветренный, полуобсыпавшийся козырек, который когда-то был то ли навесом, толи частью балкона. И прикрыл её ветками перекати-поля.

— Не то, чтобы совсем не видно, — проговорил он, довольно оглядывая своё творение, — но лучше, чем ничего.

Внутри скал оказалось прохладно и немного сыро, пористый бетон ещё не потерял остатки ночной и утренней влаги. В углу обнаружились циновки, глиняная миска и небольшое кострище. На мой вопросительный взгляд Миха ответил:

— Козы иногда далеко забредали. Приходилось ночевать. Вот я тут себе и обустроил.

— Мудро, — согласился я и сел на одну из циновок. Зад заныл, сидения на дрезине жесткие, при долгой езде можно отбить все по самые гланды.

Чтобы разогнать кровь, поднялся и стал разминаться. Миха бросил под ноги массивный рюкзак. Опершись плечом на бетонную стену. Он стал жевать сухой картофель, который доставал из кармана, и внимательно наблюдать. Потом проговорил:

— Вот почему ты меня скрутил. А на вид, вроде, самый обычный. Давно занимаешься?

— С детства, — ответил я, переходя к отжиманиям. — Опекун приучил.

— Родители где?

— Не знаю.

— Жаль.

— Я как-то смирился, — отозвался я, выдыхая и мысленно отсчитывая десятое отжимание. — Бросили и бросили. Видимо были причины.

Жуя, Миха впечатленно покачал головой.

— Крепкий ты парень, — констатировал он. — Если бы меня батя бросил, я бы… Не знаю. Огорчился бы, ей богу.

Поднявшись, я ухватился за арматурину под потолком и стал подтягиваться, выдыхая слова:

— Спа…си…бо… За по.мо…щ. А тебе… обратно… не надо?

Миха покривился и ответил:

— Не. На постоялом дворе я лишний рот. Пускай Никифор и Полина с козами возятся. Им толка больше. С тобой отправлюсь.

Появление попутчика сперва озадачило. Знать я его не знаю, попробуй пойми, что выкинет по дороге. С другой стороны, дрезину он завел и пока помогает. Так что я кивнул и сказал:

— Погоня не смущает?

— Ты это видел? — вопросом на вопрос ответил Миха и показал надувшийся бицепс.

Я хмыкнул и промолчал. Его энтузиазм и вера в себя забавляют — если мне удалось его скрутить, несмотря на наличие бицепсов, которые вообще-то побольше моих, то со служебниками ему точно не справиться.

Спрыгнув с арматурины, я растряс руки и размял шею. Когда хотел снова присесть на циновку, с наружи донёсся звук, не похожий на звуки пустыни.

Я насторожился.

— Слышал?

Миха самозабвенно жевал картошку, он поднял взгляд и помотал с набитыми щеками головой.

— Пойду проверю, — проговорил я и бесшумно двинулся к выходу.

Глава 4

Жара над пустыней к этому времени поднялась такая, что в Красном граде прячутся в рабочих или жилых человейниках. Там есть система вентиляции, за счет которой они охлаждаются. А артефакты усиления распространяют прохладу по смежным корпусам. Здесь же, в пустыне такого никто не видел отродясь, и я, пыхтя и пропитывая потом футболку, прижался к стене боком.

Миха скрылся за камнем и настороженно оттуда выглядывает, взглядом показывая, что готов к немедленным действиям.

Я прислушался. Звук идет конкретно от места, где он оставил дрезину. Вариантов несколько и все они не сулят ничего хорошего, разве только что это верблюд, который сбежал от хозяина. Но верблюд зверь ценный, если он сбежал, значит хозяин идиот, что не уследил за такой драгоценностью. Так что я беззвучно вытянул нож из ножен на бедре и перехватил для атаки.

Когда за стеной зашуршало совсем близко, я осторожно выглянул.

Никого. Только одинокая дрезина прячется под покрывалом из перекати-поля. Пришлось на пальцах покинуть укрытие. Глянул вокруг: следов нет, а тот, что оставила дрезина уже понемногу затягивает песком.

Уже решил, что показалось, но звук снова донесся, на этот раз со стороны дрезины. Крадучись, я приблизился и, укрылся за ее передом. Шуршать продолжало, и я аккуратно начал выглядывать из-за дрезины, медленно и бесшумно, сжимая рукоять наготове.

Взгляду постепенно открылся песок, слева от дрезины какая-то жестяная крышка, затем пучок перекати-поля, а у самой дрезины, прислонившись к ней, засела спина в лохмотьях.

Пока я прикидывал, сразу окликнуть или обезвредить, а уж потом разбираться, фигура резко развернулась и кинулась на меня. Свой рефлекторный рывок ножом я успел прервать лишь в момент, когда нос уловил знакомый запах. Вывернувшись, я пропустил противника мимо, цапнул за руку и вывел в захват. Через секунду застыл лицом к лицу к Кате, приставив нож к ее горлу.

— Убьешь меня? — прошептала она с ужасом, таращась голубыми, как артефакт охлаждения, глазами.

Нож я приставил рефлекторно, а не для того, чтобы напугать. Но то, как ее грудь заходила ходуном, пока я ее придавливаю к дрезине, внимание мое все-таки уронило.

— Что ты тут делаешь? — спросил я, прочистив горло.

— Я хотела с вами, — коротко ответила Катя, все еще пуча на меня глазища.

Отняв нож от тонкой шеи, я отшагнул и вытер с лица испарину. Девушка для дороги надела плотную куртку, что разумно против песка. А на плечах грязно-коричневая мешковина. Я покосился на дрезину: она двухместная.

— И как ты сюда добралась?

— С вами на дрезине, — негромко сообщила Катя, поправляя мешковину на плечах.

— Что-то я не вижу третьего сидения, — заметил я.

Со смущенной улыбкой Катя подошла к дрезине сзади и открыла нижний отсек.

— Это для багажа, — сообщила она.

Я заглянул и присвистнул впечатленно.

— Ты как сюда поместилась?

Места в багажнике разве что на баул с картошкой. Катя почему-то довольно сообщила:

— Я стройная. И гибкая.

Взгляд мой непроизвольно снова прошелся по ее фигуре, я покивал и сказал:

— Хорошо. Но зачем тебе приспичило ломиться следом? На постоялом дворе Никифора как-то поспокойнее, чем среди пустыни.

Она повела плечиками, изящными, этого не скрывает даже мешковина, и ответила:

— Если честно, то не очень. Сам видел, какое спокойствие бывает на постоялом дворе. Я подслушала ваш разговор с Никофором. Не злись.

Не поспоришь. Если кочевники захаживают, значит для девушки уже неспокойно. Удивительно, как она доросла до сознательного возраста и уцелела.

Убрав нож, я кивнул чтобы следовала за мной. Когда мы вошли в прохладную тень руин, Миха выскочил из-за каменюки с арматуриной в руках и воинственно замахнулся. Но увидев Катерину, по-детски выпучил глаза выдохнул:

— Ой, Катерина. А ты чего тут?

— В багажнике с нами приехала, — констатировал я, садясь на циновку в углу.

Судя по хлопающим губам Михи, появления Кати он не ожидал, и теперь переводит глуповатый взгляд с меня на нее. Я подложил под спину комок тряпья, который нашел слева, и откинулся на стену. Затем проговорил:

— Ну это все хорошо. А дальше вы куда? Не думаю, что вам по пути с убегающим от служебников Лютецкого.

На это Миха пожал плечами и отставил арматурину к стене.

— Мне-то что? Мне вообще без разницы, — ответил он. — К Никифору возвращаться — значит его объедать. А я не хочу. Надо бы пользу какую-то приносить. Но пока не знаю, как. Так что пока я с тобой. А служебники пускай сами боятся. Я им во!

Он демонстративно показал массивный кулак. Может в сноровке и ловкости Миха не очень, но, если таким кулаком попадает по морде — размажет в лепешку.

Тихо вздохнув справа, подошла Катя и стащила с себя мешковину со словами:

— Меня, когда дед Никифор выгнал из кухни, я к себе пошла. У меня окна выходят как раз на двери. Долго уснуть не могла, а потом проснулась рано от шума. Выглянула, а там пять песчаных дрезин, все на солнечных батареях.

— Они быстрые, но магнитные подушки жрут энергию, как саранча. Могут разрядиться посреди ночи, — согласился я. — Значит, если все-таки доехали до «Медного ковчега», то установили артефакты-аккумуляторы.

Потупив взгляд, Катя опустила пушистые ресницы и негромко проговорила:

— Я тоже так подумала. А ведь дрезина Никифора тоже на солнечных батареях.

— Значит придется двигаться отрезками утром. В жару в пустыне тяжко, — заключил я.

— Может и не придется, — еще тише отозвалась Катя и сунула пальцы в мешковатую сумку через плечо. Поковырявшись, она вытащила из нее шарик размером с кулак, весь в шестеренках. Внутри сиреневым светится сердечник.

Вытаращившись, я изумился.

— Артефакт-аккумулятор? Откуда?

Катя неловко помяла плечами и с виноватой улыбкой ответила:

— Взяла у служебников. Пока никого не было. Отцепила от одной из дрезин.

Миха присвистнул и с озадаченностью поскреб щеку толстыми ногтями.

— Украла? Красть нехорошо. Особенно у служебников. Вряд ли они обрадовались, когда одна из дрезин у них заглохла.

Зыркнув на него неоднозначно, Катя приблизилась ко мне и протянула арт-аккум.

— Подумала, вам он тоже понадобится.

На девушку я посмотрел теперь не только как на обладательницу миловидного лица и форм третьего размера, но и как на человека, у которого в голове завалялось что-то кроме сплетен и платьев. Арт-аккум устройство замороченное, особенно в установке. Снять его немного легче, но все равно требует сноровки, чтобы не повредить тонкие шестеренки и не выпустить весь сиреневый заряд.

Бережно приняв его на ладонь, я поднес арт-аккум к носу и вдохнул. Запах от него металлический, со сладким привкусом. Как-то в Оазис-Техно мы пытались разнообразить вкусы картофеля и экспериментировали с сочетанием запахов. Провонялась вся одежда, до трусов, и волосы. Опекун дома, старый, седой и с плохим зрением, сказал тогда, что от меня пахнет малиной. От арт-аккума пахнет примерно тем же. Только с металлом и топливом.

Держа его на ладони, я проговорил:

— Смело, Катя. Не боишься, что за такое и тебя служебники начнут искать? А они начнут.

— Боюсь, — призналась она. — Но я потому и уехала из «Медного ковчега». Никифор хороший, не стоит ему все время нервничать из-за того, что ко мне всякое отребье пристает.

— Значит, твое исчезновение ему по нервам не ударит? — поинтересовался я, продолжая разглядывать пульсирующий сиреневый

свет в глубине шестеренок арт-аккума.

Катя помотала головой, сложив руки под грудью, от чего та эффектно приподнялась.

— Я ему сказала. Он сам дал добро. — Катя помолчала и добавила: — И про Миху.

Детина все это время молчал и хмурил брови в глубокой задумчивости. Лоб исходил морщинами, а губы надулись. Видно не привык так много напрягать извилины. Что и понятно, с такими кулаками можно сперва бить, а потом разбираться. Правда, как показал опыт, это работает не всегда.

— Мне он тоже дал добро? — наконец уточнил он.

Катя закивала.

— Сказал, что «нечего молодым загнивать в этой песчаной коробке, если на Севере есть шанс».

Я хмыкнул и покрутил в пальцах арт-аккум. Что подразумевал дед под «шансом» мне понятно. Судя по блестящим глазам Кати, она деду верит, хотя не уверен, что он рассказал ей то же, что и мне. Но это и не нужно, красавица ему доверяет по умолчанию. Чего не скажешь обо мне.

— Замотивировал он тебя, конечно, крепко, — украдкой снова оглядев ее подтянутую, в штанах и курточке, фигуру. — К сожалению, чтобы он тебе не понарассказывал, этого мало, чтобы все бросить и ломиться швора знает куда.

Катя поморщила носик.

— Можно подумать, ты сильно занят.

— Занят, — согласился я. — Убеганием от служебников Лютецкого.

— Я, если не заметил, тебе в этом помогаю, — деловито сообщила девушка и кивнула на арт-аккум.

Сдержать улыбку я не смог: бойкая девушка. Хотя выглядит хрупкой и беззащитной. Но, чтобы стянуть артефакт у служебников, потом залезть в багажник дрезины, а теперь пререкаться с незнакомым оазисным — надо иметь бубенцы. В одном она права: с артефактом перемещение станет гораздо эффективнее. Можно ехать ночью, а дрезину заряжать днем, прикрывая ветками и колючками. Но в остальном идея с движением на загадочный север полнейшая дичь, потому что ни на одной карте этажей обучения и архивов я не видел

ничего, что бы указывало на жизнь. Когда-то давно — да, вероятно. Но не теперь, когда уровень углекислого газа на планете стал выше, а вдалеке от градов жизнь тяжела и невыносима.

Я перебросил артефакт с ладони на ладонь, тот приятно завибрировал, послышалось легкое гудение, и запах металла с малиной от него потек сильнее.

— За помощь спасибо, — поблагодарил я. — Но в остальном, прости, не помогу.

— Но ты должен! — с растерянным видом выдохнула Катя и, вытянувшись в струну, сжала кулачки.

Повелительный тон к себе я последний раз слышал только от опекуна, но тот пять лет назад умер, а слушать чьи-то еще приказы, кроме инструкций на бывшем рабочем месте, я не привык.

— Во-первых, — спокойно произнес я, — сбавь обороты. Я тебе ничего не должен. Во-вторых, даже если куда-то намылюсь, артефакт еще нужно вставить в дрезину. А это не просто. В Оазис-Техно для этих целей работает целый отдел.

Слева послышалось покашливание Михи. Он до сих пор молчаливо хмурился, видимо решал, насколько правильно поступила Катя, украв у служебников артефакт. Но теперь лицо его разгладилось, и он сообщил добродушно:

— Я могу вставить. Ну… В смысле в дрезину. Артефакт.

На него я покосился с опаской.

— Уверен? Артефакт-аккумулятор штука хрупкая.

Миха кивнул.

— Уверен. Я с механикой на «ты». Не то, что с козами. То бодаются, то поразбредутся, попробуй собери. А такие артефакты я уже много раз ставил. То кочевникам, то служебникам. Сам понимаешь, постоялый двор место такое.

Ситуация становилась неоднозначной. С одной стороны, на хвост упали двое, а этого вообще не планировал. При чем один из попутчиков девушка, а это дополнительные сложности в дороге. С другой, свой механик никогда не помешает, а девушка уже принесла пользу: арт-аккум. С третьей — неведомый север, куда, по словам деда Никифора, непременно нужно ломиться.

Потерев лоб, я надул щеки и выдохнул, после чего посмотрел на пальцы и раскатал между ними свалявшуюся грязь.

— Так. Ладно. Раз мы здесь втроем оказались, нужно нормально познакомиться. Кто знает, сколько нам вместе двигаться. Не хочу, чтобы в спину что-нибудь прилетело…

Миха округлил глаза и выговорил:

— Да как можно! Ты что!

Вскинув ладонь, я отозвался:

— Всякое бывает. В общем, я Андрей Мечников. Бывший разработчик в Оазис-Техно…

— Ага! — изобличительно выкрикнул детина. — А говорил, не оазисный!

— Ты глухой? — мирно поинтересовался я. — Говорю же: бывший. Ты, если я ничего не путаю, очень плохой козовод и хороший механик. Объяснишь, как вышло, что в пустынной глуши ты вбил в руки механное дело?

Приосанившись, Миха хрустнул шеей и выпятил грудь, будто собрался на шагать на параде в честь основания Оазис-Техно.

— У меня с детства руки к этому стоят. Дядька еще был. Неродной. Друг бати. Он любую шестерню так присобачит, что лет сто без скрипа будет шпарить. Он когда нам на ферме собрал паровую мотыгу, ну, чтобы не самим корячиться, спину гнуть, а чтоб само катилось и пахало, я в диком восторге был. Он был механиком. Настоящим. В смысле в Красном граде учился. Как увидел, что у меня любая шестерня в руках оживает, научил всему, что знал. У меня и так перло в этом деле, а с его наукой вообще стал докой. Какие там козы… Батя ругался, что из-за меня ферма Пароварниковых под откос пойдет. Да видать прав он был.

— Жаль твою ферму, — с сочувствием проговорил я.

Тот отмахнулся.

— А мне не жаль. Ферму у бати хотели купить кочевники. Чтобы точку бивака обосновать. Огромные рубы предлагали. Могли бы Натуську, невесту мою, свозить в Красный град, вылечить от песчанки на них. А он в позу встал и отказался. Так что шмора с этой фермой.

На это осталось молчаливо покивать. Таких историй по миру ходит немало. А песчанка зараза такая, что лечится легко, но, если не лечить — ничего хорошего. Вызывает ее песок, который в далеких двухтысячных впитал частицы инсектицида. В Красном граде

антидоты есть в медпункте каждого человейника. На ферме среди пустыни такому взяться негде.

— Сожалею о твоей невесте.

— Спасибо.

Обернувшись к Кате, я спросил:

— А ты что расскажешь?

Катя подошла ко мне и селя рядом на циновку, Миха при этом зыркнул хмуро, но промолчал, а она вытянула ноги и стала разминать икры, видимо, затекли от езды в багажнике.

— Да что рассказывать? — с кроткой улыбкой ответила она. — Как зовут меня вы знаете. А что было в прошлом, то не важно. Воспитывал меня с трех лет Никифор с Полиной. Пою красиво. Больше и нечего сказать.

— Ты и сама хороша, — ляпнул я и отвернулся, чтобы по глазам не поняла, что мне неловко.

Катя хихикнула, а Миха покосился на меня сурово, как экзаменатор. Неловкую паузу я прервал словами:

— Тогда сделаем так. Миха, сможешь закрепить артефакт на дрезине? Тогда вытащим ее на солнце, пускай копит заряд. А как спадет жара, двинемся в путь. Идет?

По лицу Михи скользнула тень, взгляд стал цепким, будто и впрямь проверяет меня на пригодность, но все же кивнул и подошел, протянув руку.

— Давай артефакт, — проговорил детина. — Присобачу.

— Спасибо, — поблагодарил я, передавая артефакт. — Как справишься, толкни меня, выведем на солнце. Я пока покемарю.

— А если служебники нагрянут? — так же хмуро поинтересовался Миха, всматриваясь в сиреневые переливы внутри шестеренок.

Я, укладываясь на бок, ответил:

— Не нагрянут.

— С чего такая уверенность?

— Им нет интереса за мной гнаться так далеко, — пояснил я. — То, что они притащились в такую даль, как «Медный ковчег», уже слишком много для моей чести. Разработки они, скорее всего нашли и сожгли. А без ресурсов Оазис-Техно я для них пыль.

— Смотри сам, — буркнул Миха и бережно убрал артефакт в карман.

Когда он вышел, я сомкнул глаза и попытался подремать, но запах Кати слишком яркий и близкий, что значит, сидит и испытующе смотрит на меня. Судя по всему, надеется, что я передумаю и кинусь в сомнительный поход ради спасения того, что осталось от человечества.

Как она сверлит взглядом, я ощущал спиной. Прошли пара минут, и я произнес, не разлепляя век:

— Я не передумаю.

— И очень зря, — донеслось за спиной совсем близко, Катя заерзала, я уловил движения воздуха — она придвинулась ближе. — Откуда ты знаешь, может на севере что-то есть. Ты же там не был.

— Если бы было, туда бы добрался Лютецкий, — снова привел я бетонный аргумент.

— А если он не знает?

— Если он не знает, то я футболист. Знаешь, что такое футбол? Игра такая, мячик ногами гонять надо. С его деньгами он бы первым там был. Катя, все хотят верить в лучшее, но ты, вроде умная. Сними розовые стекла с глаз и посмотри на правду: грады и пустыни это все, что осталось от мира.

За спиной послышался горестный вздох, Катя всхлипнула:

— Ты совсем ни во что не веришь! И даже не пытаешься помочь!

Меня аж перевернуло, обернувшись к ней, я оказался так близко от лица, что разглядел крошечные черточки у глаз, что говорит — Катя любит посмеяться.

— Да ладно? Меня уволили из Оазис-Техно и преследовали как раз за то, что пытался помочь. И я очень даже верю. В науку, в артефакты, в человеческий организм.

— И все равно не хочешь искать северные земли, — надув губы, не отступила Катя.

— Потому что это сказки! Выдумка! Байки для тех, кто верит в землю обетованную! — не выдержал я.

— Ты все равно пойдешь на север, — упрямо заявила Катя и поднялась, отряхивая со штанин песок.

— И не подумаю.

— Посмотрим.

Глава 5

Проводив взглядом подтянутую фигуру Кати, которая вышла наружу, я перевернулся поудобнее. В проходе видно, как Миха возится с дрезиной. Он быстро обошел ее, подергал рычаги, потом завел, а когда она поднялась в воздух, нашел камни и подставил под нее. Затем снова отключил и лег под дрезину. Выполнял он это, как прожженый механик, который знает где, какая деталь у аппарата.

В полудреме и медленно моргая, я наблюдал, как он ловко раскрутил нижнюю коробку, вложил в сердцевину дрезины артефакт и так же умело завинтил. Такой скорости я не видел даже в Оазис-Техно на этаже механиков. А они там верблюда съели на этом. Потом я все-таки задремал и во сне видел каменистую пустыню, а в дали что-то зеленое. Вроде бы даже пытался к бежать к этой зелени, но ноги вязли в чем-то. Потом снилась Катя в коротенькой юбке и тонкой маечке, Лютецкий, которого в живую никогда не видел, только на картинках и баннерах. Дальше пошел сумбур из песка, дрезин и пчел, во главе которых почему-то Никифор с пчелиными крыльями.

Сколько проспал не знаю, но проснулся от того, что в плечо мягко, но настойчиво толкнули. Отрыв глаза, обнаружил над собой встревоженное лицо Кати.

Она шепнула:

— Мечников, вставай.

— Уже обед? — попытался пошутить я и сел, сразу размяв шею и плечи.

В дальнем углу Миха на циновке тоже дремлет, откинувшись на стену и придерживая широкой ладонью рюкзак. Мясистые губы пошлепывают, а из груди доносится негромкий, но плотный храп. Катя быстро переместилась к нему и тоже осторожно потрогала за плечо. Детина, не открывая глаз, отмахнулся от нее, как от прилипчивой песчинки, и перевернулся, пряча ладони подмышками.

Катя всплеснула руками и уже настойчивее потолкала его в спину со словами:

— Миха, просыпайся.

Тон девушки насторожил, через секунду я стоял во всей готовности с рюкзаком на спине.

— Что такое? — спросил я.

— Служебники, — коротко ответила Катя.

Я покосился на проход. Судя по солнцу, там примерно полдень, значит я не просто дремал, а неплохо доспал то, чего не хватило ночью. Ветер гонит песок с бархана на бархан, горизонт плавится маревом, кое-где торчат верблюжьи колючки и катятся сухие кусты.

— Тебе сон плохой приснился, Катенька? — чуть расслабившись, поинтересовался я и спустил рюкзак с плеча.

Но Катя толкать Миху стала с двойным усердием, а мне бросила через плечо:

— Они еще за барханами. Но минут через пять, максимум десять, будут тут.

От ее толчка в поясницу Миха недовольно заворчал и нехотя сел, надув сонно губы, как большой круглолицый ребенок, которого разбудили спозаранку и гонят умываться.

— Катя, да ну что ты заладила? — простонал он, протирая кулаками глаза. — Какие служебники? На кой им в эту дыру?

— Это хороший вопрос, — согласилась она. — Можете мне не верить. Но когда они сюда вломятся… В общем, я предупреждала.

Девушка выглядит взволнованной, щеки розовые, то ли от жары, то ли от нервов, прядь из низкого хвоста выбилась и прилипает ко лбу. Ее дорожная сумка уже на плече, а спина покрыта камуфляжной желтовато-коричневой мешковиной. Значит и правда собралась в дорогу.

Прищурив один глаз, я побежденно выдохнул и проговорил:

— Ладно. Схожу проверю, что тебе там примерещилось в пустынном мареве.

Бросив рюкзак в угол, я вышел из укрытия под раскаленное до бела солнце. Макушку нагрело моментально, я вытер лицо от песка, который тут же снова на него налип, и трусцой побежал к ближайшему бархану, утопая ногами в рыхлом песке.

С высоты обзор всегда лучше. Хотя и меня будет заметно отлично. Но только в случае, если Катя и впрямь что-то видела. Что вряд ли. Лютецкому нет резона посылать служебников так далеко ради поимки рядового работника. Разве что сами служебники хотят выслужиться и

получить повышение, а значит прибавку к кислородному пайку, провизии и рубам.

Склон бархана я преодолел быстро, но упарился и взмок, как батрак на зеленой ферме. Взобравшись на его вершину, приложил ладонь козырьком ко лбу и окинул взглядом песчаный горизонт. Он весь плавится и плывет, в этих сполохах померещиться может что угодно.

Я хмыкнул под нос с усмешкой:

— Эх, Катенька.

Но когда собрался спускаться, нос уловил то, чего не должно быть в пустынном воздухе. Повернув голову, я вдохнул сильнее и прикрыл глаза. Стою я как раз под ветром, и нос отлично считывает металлический запах, приправленный малиновым, к которым прибавлены терпкие, резкие частицы мужского пота.

— Да ладно… — не поверив собственному носу, пробормотал я и разлепил веки, чтобы пристальнее вглядеться туда, откуда ветер несет запахи.

Марево размазывает горизонт, не удивительно, что с первого раза я ничего не заметил. Но теперь, присмотревшись, разглядел вдалеке небольшое облачко песчаной пыли. Оно движется быстро, распуская желтые клубы по сторонам и, судя по размерам, Катя права: доберется оно сюда минут через пять-семь.

— Вот швора… — выругался я и развернувшись, сиганул с бархана.

Скатившись по горе песка, я рванул к руинам, а когда вбежал под их тень, скомандовал и закинул рюкзак на спину:

— Это правда. Они летят, надо уходить.

На секунду Катя горделиво выпятила грудь, вроде «надо было сразу слушать, я ведь такая умница-разумница», но долго наслаждаться триумфом не стала и побежала за мной, когда я выскочил к дрезине.

На двухместную дрезину мы вскочили с Михой одновременно: я вперед, Миха позади, а Катя осталась стоять рядом, растерянно округлив глаза. На ее чистом личике мелькнула тень страха, что ее оставят здесь посреди пустыни на растерзание служебникам и пустынным тварям, из которых самые безобидные это звери. Мне осталось только хмыкнуть. Воспитывал меня опекун, как сам говорил,

по старой закалке, так что мысли бросить Катю в опасности у меня и не возникло. Это больше по части служебников.

Я протянул ей руку и усмехнулся.

— В багажнике не удобно. Лучше между мной и Михой.

Густо покраснев, Катя ухватилась за пальцы, я дернул ее и усадил позади себя. Теплое девичье тело прижалось грудью к спине, а в носу приятно засвербело от ее запаха. Пришлось несколько секунд считать дроби, чтобы остыть. Потом сказал ей:

— Держись крепче.

Тонкие руки Кати обхватили меня за пояс, я повернул ключ, и дрезина, низко загудев, поднялась над песком и рванула с места.

Ветер с мелким песком ударили в лицо, на зубах сразу захрустело. Я отплевался и крикнул через плечо:

— Сильный арт-аккум!

— Ага, — услышал я ответный крик Михи, — мощный!

Катя испуганно пискнула у меня за спиной:

— Ой, это все из-за меня! Артефакт, наверное, очень ценный…

— Ценный, — согласился я так же громко, — но не на столько, чтобы ломиться за ним в такое пекло.

Дрезина пошла на крутой бархан, спрятавшись в его спасительной тени. Я крутанул рулевую перекладину, чтобы не перевернуться, и наклонился вперед. Катя наклонилась следом, прижавшись к спине и с силой сдавила руки на поясе.

— Ты мне душу выдавишь! — отозвался я со смешком. — Но продолжай!

Катя охнула и попыталась отодвинуться, но не смогла из-за Михи, который подпирает со спины. Он крякнул и недовольно проворчал:

— Хватит ерзать! Я тут вообще-то с краю!

— Я удержаться пытаюсь! — взвизгнула Катя.

— Не знаю, за что ты там держишься, но задом ты меня выдавишь из дрезины!

— Не такой у меня и большой зад, — обиделась Катя.

Под их перепалку я вывел дрезину на гребень бархана, и жгучее солнце вновь обрушилось невидимым ливнем. На пару секунд я замедлил ход дрезины и оглянулся. С бархана обзор хороший, дрезина гудит негромко, потрескивает нагретый металл и подвывает горячий ветер.

— Может передумали? — с надеждой прошептала Катя.

— Если поехали в такую даль, то вряд ли, — ответил я, вглядываясь в горизонт.

Сперва он просто плыл маревом, но вот я снова разглядел вдали облачко песка и чёрные точки в нем. Пока бесформенные, поэтому не ясно, сколько дрезин отправились следом.

Я констатировал:

— Не отстанут.

Миха закряхтел на заднем сидении и заметил:

— Может дрезина у нас теперь и на аккуме, но если это служебники, то все равно догонят. У них-то колымаги всяко резвее.

— Верно, — согласился я, быстро перебирая варианты, как ускориться.

Оставить попутчиков дело практичное, но не в пустыне, а в безопасном месте. Катя дрожит, спиной чувствую. Боится. Что думает Миха — не ясно, но судя, по его мрачным взглядам, тоже чем-то не доволен.

Миха брякнул:

— Так, а чего стоим тогда?

— А ты знаешь, куда ехать? — огрызнулся я.

— Да куда-нибудь!

— И где-нибудь нас догонят, — отозвался я угрюмо. — Нужно что-то очень быстрое. Быстрее дрезин служебников. Если у тебя в кармане завалялись башмаки-скороходы, доставай, потому что у меня таких нет.

Миха засопел угрюмо.

— Чего это ты огрызешься?

— Не огрызаюсь. Я думаю.

Облако песка тем временем приближалось, я пустил дрезину по склону, чтобы скрыться с глаз. Ярость детины понятна. Я бы тоже бесился, если бы уехал с непонятным беглецом, за которым гоняются служебники. С другой стороны, я никого за собой не тащил. Да только бросить теперь не могу.

— Думай быстрее! — рявкнул Миха.

— Стараюсь! Ты ж у нас не обременен думаньем.

— Чего?!

— Ребят, — негромко позвала Катя.

Мы хором гаркнули:

— Что?

Из-за спины послышался ее испуганный ик, потом глоток, и Катя быстро проговорила:

— Не ругайтесь. Я тут это… В общем туда посмотрите.

Она указала направо, на восток, где за барханом движется бледно-розовый дымок.

— Никифор рассказывал, что по восточному тракту идет железная дорога. Утверждал, раньше там было что-то под названием М4, не помню… Но главное, что Лютецкий проложил там железку. Кажется, как раз поезд идет. Нам бы на него.

Я даже обернулся на девушку.

— Катенька, ты откуда такая умница?

После чего надавил на педали дрезины, и она рванула правее в погоню за розоватым дымком.

Сердце качало кровь, в ушах свистело, я гнал колымагу изо всех сил, виляя между барханами, и отплевываясь от песка. Но дымок несется с очевидным ускорением. Если догоним поезд, служебники за ним не успеют. Вопрос как раз в том, чтобы догнать.

— Чего дым розовый? — крикнул я через плечо.

Позади послышался невнятный писк Кати, а зычный голос Михи прокричал:

— Да артефакт там, поди, такой же! Только побольше будет.

— Логично, — согласился я. — Поезд тащить, не коз доить.

Сзади Миха хмыкнул громко и отозвался поучительно:

— А ты попробуй сперва подои, а потом умничай. Кая лягнет тебя рогатая, будешь потом ходить с фингалом. А то и с поломанным ребром.

Я бросил назад, сильнее вдавливая педали дрезины и забирая по дуге еще правее:

— Чувствуется опыт.

— Вот не надо ерепениться, — посоветовал Миха. — Найду тебе козу и посажу доить. Посмотрим тогда.

Я открыл рот чтобы сказать, что предпочитаю другую грудь, но дрезина подпрыгнула на камне, нас подкинуло, Катя взвизгнула, а Миха выругался:

— Швора дрянная! Тебя где водить учили?

— В Оазис-Техно, — бросил я.

— Оно и видно.

— Зато быстро, — оправдался я.

Промчавшись еще с десяток метров, мы вывернули из-за бархана, и в долине открылась длинная железная дорога, которая теряется в мареве горизонта. Рельсы тянутся через пустыню, плавно изгибаясь. По краям заграждения от песка. Значит и тут прокатываются автоматоны, только рельсовые. По рельсам несется состав, насчитал пять вагонов и локомотив, из трубы которого вырывается малиновый дымок. Движется с ускорением, а мы сейчас примерно на его середине.

— Догоняй! Чего ползешь? — выкрикнул Миха.

— Это не я, а дрезина, — бросил я. — Что за древнее корыто!

— Не корыто, а винтаж, — философски заметил Миха.

Дрезина и впрямь стала двигаться рывками, выплевывая в стороны песок из-под магнитной подушки. Я выжал педали, это немного помогло, и она пошла ровнее, но гудеть стала громче.

Вывернув шею, я спросил громко:

— Ты ничего не сломал, пока монтировал артефакт?

— Я никогда ничего не ломаю в механике, — важно сообщил Миха. — Но артефакт не совпадает с дрезиной. Мощности разные. Дрезина старая, а арт-аккум новый.

— Ты раньше сказать не мог?

— Когда? — удивился Миха. — Ты ж прибежал и всех погнал.

Пришлось молча кивнуть. Не гнать было бы потерей времени. И я просто жал изо всех сил на педали, приближая дрезину к заграждению, за которым мчится паровоз. Тот вздымает завихрения песка и поблескивает боками с облупившейся темно-синей краской.

Через несколько секунд между заграждениями замелькали проемы для техобслуживания. Узкие. Но нашу старенькую дрезину вместят, если въезжать аккуратно, не на скорости.

— Мечников, да впихивайся уже! — проорал Миха позади. Ему на краю особенно несладко, потому что подкидывает и дергает.

— Тебе в лепеху расшибиться или все же на поезд? — огрызнулся я.

— Лучше бы на поезд!

— Тогда не ори под руку! Видишь? Проемы узкие! Будет подходящий — проедем!

— Поняла тебя, — отозвался детина. — Но ты все равно, ищи поскорее. А то там, за спиной, не очень!

Стараясь держать дрезину как можно ближе к заграждению, я выставил рулевую прямо и коротко оглянулся. По спине прокатилась неприятная горячая струйка, а кровь по венам потекла быстрее. Пять новых дрезин бета класса. Черные, с блестящими магнитными подушками, по бокам приварены шипы. Корпуса крытые, что защищает от зноя, а ветровое стекло спасает от песка в глаза и рот.

— Швора! — выругался я. — Точно хотят прибавки!

— За твою поимку? — не понял Миха.

— Видимо!

— Ты важная шестеренка что ли? — опять удивился детина.

Я бросил через плечо:

— Да какой там! Обычный разраб! Держитесь!

В этот момент широкий проход блеснул справа выкрашенным в белый бортом, я сбавил скорость и в крутом вираже зарулил в него. Дрезина завизжала, песок волной вздыбился из-под магнитной подушки и обсыпал часть заграждения. Налип на губы. Я с хрустом прожевал и снова погнал дрезину уже впритык к поезду.

Движение сдвинулось восточнее, теперь несемся на ветер, он обжигает лицо, приходится щуриться. Бок поезда блестит совсем близко, и колёса ритмично гремят, отзываясь глухо где-то в животе.

Я прокричал:

— Вон там приступка! И дверь! Надо запрыгивать!

Катя жалобно воскликнула:

— На ходу?!

— Да, Катенька! — отозвался я. — На ходу! Но ты не бойся! Ты же с нами!

По её дрожи я понял, что мои слова уверенности ей не добавили. Но все равно ободряюще похлопал девушку по колену.

Я подался вперёд, пальцы сжали рулевую до белых костяшек, затем вжал педали на полную, а Миха сзади снова прокричал:

— Едут!

Пришлось снова покоситься назад, едва не потеряв управление и не впечатав нас в бочину поезда. Бета-дрезины сократили расстояние

так, что у служебников можно рассмотреть забрала от песка. Одна из дрезин встала на дыбы и вырвалась вперёд, а когда из-под её магнитной подушки выстрелил трос со стрелой-якорем, мне пришлось резко вильнуть, из-за чего снова чуть не врезался, в этот раз в заграждение. Зато якорь воткнулся где-то позади в песок.

Катя закричала:

— Вправо!

— Ты убить нас хочешь?! — заорал Миха.

— Сплю и вижу! — отозвался я.

— Я так и думал! Хорошо, что я с вами!

Послышалась возня, звук отпираемого замка рюкзака, потом охнула Катя, а я, когда оглянулся, увидел в его руке самопальную гранату, вернее бутылку с фитилем и жидкостью. В другой руке у Михи зажигалка, а на лице по-детски счастливая улыбка.

Я вытаращил глаза.

— Что у тебя в рюкзаке?!

— Ща мы им покажем, кто тут козовод, а кто механик! — радостно выкрикнул детина.

И с размаху швырнул бутылку в дрезины служебников. Через несколько секунд громыхнуло, я рефлекторно пригнул голову, Катя пискнула и прижалась ко мне, а Миха довольно загоготал.

— Врагу не сдается наш гордый моряк!

— Варяг! — поправил я его, чувствуя даже с расстояния, как запахло чем-то резким, похожим на спирт.

Снова послышалась возня в рюкзаке, Миха отозвался:

— Не знаю никаких варягов. Моряк понятно. По морю ходит. А варяг? Варит кого-то?

За спиной встрепенулась девушка, она дрожащим голосом проговорила торопливо:

— Да никого он не варит, неуч. Варяги — это племена. В древности были.

— Ничего не знаю, — отрезал Миха. — Моряки понятно. А варяги — нет.

К этому моменту вагон с приступкой замаячил уже метрах в пяти. Сквозь тучи песка борта вагонов с облупленной краской подрагивают, вблизи видно, как в некоторых местах их поела ржавчина. Приступка покачивается тревожно, но за ней дверь. Локомотив впереди выпускает

розоватые облака пара, которые становятся все ярче, что значит, будет ускоряться. Так что времени у нас совсем мало.

— Миха, я подведу дрезину к приступке, а ты помоги Кате! — скомандовал я, ускоряя дрезину и прижимая её вплотную к вагону. — Потом лезь сам!

— А ты? — окликнул меня Миха.

— Я следом.

Дрожь Кати за спиной стала сильнее, она испуганно выкрикнула:

— А если не получится?

— Тогда в лучшем случае нас перемелет под поездом! — со злым задором отозвался Миха позади.

Катя всхлипнула.

— Почему в лучшем?

— А кто знает, чего нам эти гончие приготовили! — гоготнул он.

Со стороны служебников раздался металлический голос в мегафоне:

— Андрей Мечников, немедленно прекратите побег и сдайтесь!

Надвинув брови на лоб, я рванул дрезину вперёд, сокращая последние метры до приступки. Борт вагона нёсся рядом, если неудачно вильнуть, можно оставить себе на память шрам на плече, а то и вовсе стереться в пюре. От служебников предупреждения я не ожидал. Но если заговорили, значит хотят взять живым. Какой в этом толк — вопрос хороший. Лютецкому, скорее всего, все равно, как меня обезвредить. Так на кой я им сдался живым? Разве что допросят, а потом пришибут.

— Ишь, болтать начали! — присвистнув, удивился Миха.

— Давай! — скомандовал я Кате, подведя дрезину вплотную, что даже престарелый Никифор перелез бы.

Задрожав, как песчинка на верблюжьем хвосте, Катя за моей спиной поднялась. Миха что-то заворчал, видимо придерживает её, чтобы не грохнулась, а она цепляется за мои плечи тонкими пальцами, как клещами.

Миха сердито выкрикнул:

— Да прыгай ты! Чего стоишь?

— Страшно!

— Да ё-моё! — гаркнул он.

Затем послышался визг Кати, краем глаза я уловил, как её хрупкое тело пронеслось слева и грохнулось за перилами приступки, а Миха удовлетворенно пробасил за спиной:

— Ну вот. А то «страшно, страшно». Ничего не страшно.

Судя по всему, он просто швырнул дрожащую Катю и умудрился попасть. Смело, хотя и безрассудно.

— Ты псих, Миха? — спросил я через плечо. — Только честно.

Тот гоготнул и ответил:

— Такой же, как и ты.

— Резонно, — пришлось согласиться мне. — Твоя очередь.

Бета-дрезины служебников тем временем сократили расстояние настолько, что несутся слева уже на хвосте. А пар из локомотива становится все насыщеннее, значит вот-вот рванет на крейсерской скорости.

— Андрей Мечников, повторяем, немедленно прекратите бегство и добровольно сдайтесь, — снова повторил кто-то из служебников в мегафон, причём довольно громко, что значит, тоже усилен артефактом.

На это, не оборачиваясь, я показал им фигу левой рукой и снова приблизил дрезину к приступке, где Катя сидит на полу и, держась за перила, таращит глаза и дергает ручку двери.

— Прыгай, — приказал я Михе.

В эту секунду в заграждении снова мелькнул широкий проход, и в него проскользнула одна из дрезин служебников. Миха с воинственным улюлюканьем перелетел с сидения на приступок и швырнул бутылку, закидывая массивный рюкзак на спину. Громыхнуло, спину окатило волной жара и запаха гари с копотью, детина радостно прокричал, протягивая мне руку:

— Попал!

Пришлось подвести дрезину так, что её магнитная подушка заползла под состав, одно неверное движение, и я верхом на ней улечу в мясорубку. Лоб взмок, спина тоже, а глаза замылились от песка и напряжения. Я вытер лицо, держа рулевую максимально ровно одной рукой, и потянулся к Михе. Расстояния все равно не хватило, пришлось приблизить ещё. Теперь дрезина Никифора зажата между двумя вагонами, что и для поезда не очень хорошо — если её затянет под вагоны, состав сорвет с рельсов.

— Ещё чуток! — прокричал Миха и свесился с приступки, держась за перила.

Быстро прикинув траекторию движения дрезины, я отцепил правой рукой боковой поручень и, обливаясь потом от мысли, что могу вильнуть и улететь под колеса, упёр его в одну из педалей. Тоже проделал с левым. В груди качало, как водяной насос для полива зеленых ферм. Выдохнув, я подтянул ноги к коленям и встал на сидение, продолжая держать рулевую руками. Все качалось и дергалось. Балансируя, как канатоходец, я одной ногой удерживал руль, а второй уперся в сидение. Правая рука ещё на руле, но левая крылом выставлена в строну.

— Мечников! Прыгай! — скомандовал Миха.

— Твою за копыто! — заорал я и сиганул ему навстречу.

Оставшись без управления, дрезина от толчка, как и рассчитывал, рванула в лево. Она врезалась в заграждение и перевернулась, подняв тучи песка, и перелетела его, перегородив дорогу ещё двум служебникам. Я тем временем летел в прыжке. Время замедлилось, мелькнула тревога, что недостаточно сильно оттолкнулся, но когда сухая и грубая лапа цапнула за запястье и дёрнула на себя, втащив на приступку — отлегло.

— Фуууух... Едрена-швора... — выдохнул Миха и рванул ручку двери, с которой все это время не могла справиться Катя.

Ручка скрипнула и побеждено опустилась, а дверь с тихим скрипом открылась наружу. Пришлось потесниться, прежде чем мы втроем ввалились в темноту вагона, который оказался багажным. Запахло старыми вещами и нафталином, а когда глаза привыкли, смог рассмотреть приваренные к стенам и полу стеллажи, на которых покоятся чемоданы и сумки. Поезд в этот момент дернуло, и стук колес участился, а ветер сильнее загудел в щелях.

— Ускорились, — с облегчением проговорил я и отполз к одному из стеллажей, где стоит особо большой чемодан, на который удобно опираться.

Миха уселся, как вошел: в проходе и свесил кисти, положив локти на колени, а Катя нашла какой-то запакованный куб и уселась на него.

Во рту пересохло, я сглотнул горячим языком и стащил со спины рюкзак.

— Кому воды? — спросил я.

— Мне, — еле слышно попросила Катя.

Миха кивнул.

— Я тоже буду.

Раскрыв рюкзак, я нырнул рукой в него и пошарил в поисках баклажки. Но кроме неё пальцы нащупали что-то гладкое, прохладное и длинное. Ухватив, я вытащил и уставился на прозрачную голубую капсулу в металлическом корпусе. Голубой гель внутри сохранного артефакта подсвечен, а в его середине замерла пчеломатка и десяток пчел поменьше. Рядом мешочек. Обалдев, пощупал. По звуку семена, очевидно, цветковых растений.

— Твою ж за ногу, — только и смог сказать я.

Делаю проду. Ваши комментарии, всякие лайки и библиотеки помогут мене выложить ее завтра!

Глава 6

Колеса поезда ритмично тарахтели, покачиваясь на рельсах. Для простых людей между градами курсируют локомотивы и составы самые обычные: колесные и на обычных артефактах-аккумуляторах для поездов. В отличие от личного поезда Лютецкого. Тот идет над рельсами, и на магнитной подушке, а артефакт у него особый, что дает скорость под двести километров в час. Свою личную охрану он тоже снабжает дополнительными артефактами, это известно всем. К счастью, служебники, которые за нами гнались, таковыми не обладали, и в открытой двери вагона дрезины преследователей быстро исчезли.

Миха тем временем сидел и таращился на голубую капсулу у меня в руках, а его брови медленно, но уверенно ползли на лоб. Спустя секунд двадцать, он спросил ошалело:

— Это че?

Я сам все еще рассматривал насекомых в капсуле. Они застыли в специальном геле артефакта, который может хранить живой организм в таком виде очень долго, в зависимости от мощности артефакта. Вряд ли у Никифора арт какой-то высококлассный, но даже самый простой удержит жизнь в течение года.

— А сам не видишь? — отозвался я и приподнял за металлический каркас капсулу над головой.

С силой зажмурившись, так, что лицо превратилось в сморщенную картошку, он прошипел и открыл глаза со словами:

— Вижу. Но не верю.

Сидящая на коробе Катя, достала из сумки мешочек, вынула из него кусочки сушеных помидоров. Протянув Михе, она проговорила:

— Не понял еще? Это пчелы. На вот, пожуй.

— Да вижу я, что пчелы! — с изумлением воскликнул он, механически принимая у нее сухпай. — Откуда?!

Катя поднялась и подошла ко мне, тоже вручив несколько красных сухих кружочков. Рядом села близко и наклонилась разглядывать капсулу.

— Какие они маленькие, — спустя несколько секунд проговорила Катя. — А их исчезновение так поменяло мир.

Я молчал и думал. Конечно же капсулу мне подложил Никифор, никто, кроме него, не выловил бы пчеломатку из улья и не поместил вместе с другими пчелами в артефакт. Хитрый дед. Он прекрасно понимал, что я взвалю на себя этот груз, если не будет выбора. Вот он мне его и не оставил. Ясности это не добавляет: куда идти, где искать эту землю обетованную, о которой грезит старик — квест на миллион рубов.

Миха все еще очумело глазел на сокровище в голубой капсуле. Вытерев нос от песчаной пыли, он проговорил:

— Так, Катя, я что-то не понял. Ты что ли знала?

— О чем? — не поняла девушка, переведя взгляд сперва на меня, затем обратно на пчел.

— Ну как, — возмутился детина. — О пчелах. Откуда они у него? Если скажешь, что из Оазис-Техно, я к шутам выпрыгну из вагона.

Охнув, Катя распахнула глаза, видимо решив, что Миха и правда сиганет, даже без Оазис-Техно. Откуда ей знать, что это даже не манипуляция, а фигура речи для придания драматичности моменту.

Пришлось покачать головой и взять слово.

— Никифор дал, — коротко сказал я. — У него в подполье ферма. Была.

— Да ладно! — не поверил Миха. — Катя, ты и про это знала?

Ее молчание прозвучало красноречивее слов, Миха с негодующим цоканьем шлепнул себя массивными ладонями по бедрам и пробасил:

— Ну здорово. Все всё знают, а я как обычно.

— Никифор держал улей в тайне и не разбалтывал всем подряд, — заметил я и осторожно убрал капсулу обратно в рюкзак, уложив его между сменным бельем, чтобы улучшить амортизацию.

Покраснев, как сушеный помидор, который нервно грызет, Миха огрызнулся:

— Ты слова-то выбирай, Мечников. Я не «все подряд», я его с детства знаю.

— Это не значит, что ты бы не проболтался кому-нибудь, — произнес я спокойно.

На это Миха вскочил, будто ему в зад воткнулась верблюжья колючка, он с шумом проглотил остатки помидора и сжал кулаки, прогудев мрачно:

— Охренел? Думаешь, я трепло? А ну иди сюда, сейчас разберемся, кто тут трепло!

Биться с Михой я не собирался, тем более после погони, когда отдохнуть бы и подкопить сил, потому как теперь придется крепко переиначить все планы. Но тот стоит и бычит лоб, будто собирается боднуть, именно так делают молодые бычки на фермах Алексея Лютецкого. Пришлось подняться и, выпрямившись, сказать:

— Успокойся. Я не хочу конфликта.

— Чего-то не верится, — отозвался Миха.

— Один раз я тебя уже скрутил, — напомнил я. — Ну серьезно, Миха. Я ж не чтоб обидеть тебе говорю. А чтобы объяснить поведение Никифора. Он трясся над своей подземкой. Потому и не сказал.

Покривившись, Миха фыркнул, все так же хмуря брови:

— А тебе, значит, сказал. Ты, значит, у нас надежный и проверенный. Признавайся — украл?

Я покачал головой.

— Я отказывался. Но Никифор убежден, что я смогу отнести пчеломатку в какие-то живые земли на севере. Это полный бред. Но теперь у меня на руках пчела, и надо что-то думать.

Судя по движениям мышц на лице детины доверия мои слова у него не вызвали, он шагнул вперед, сжав кулаки так, что побелели костяшки, и проговорил с угрозой:

— Ага, прям я так и поверил. Нашел дурака. Тебе он вот так взял, и отдал пчелу. Почему Никифор мне ее не отдал?

Чуть согнувшись для броска, Миха поднял кулаки, от него пахнуло кортизолом и другими гормонами, которые говорят — еще секунда, и здоровенный кулак полетит мне в лицо. Но я успею увернуться. Впрочем мои мышцы тоже налились кровью, готовые к драке, которая сейчас вообще не к месту.

Чем бы она закончилась, можно только прикидывать, но драка так и не началась благодаря Кате, которая вскочила и шагнула между нами.

— Миха! — выдохнула она, выпрямив спину, как отличница на экзамене этажа обучения. — Ты серьезно? Ты? Донести пчеломатку в живые земли? Да тебе коз доверить нельзя, все разбредаются! А тут последняя в мире пчеломатка! Никифор нашел подходящего человека и доверил ему это. Я лично все видела.

Обернувшись, Катя виновато улыбнулась и робко пожала плечами, проговорив:

— Я подслушивала, когда Никифор тебе показывал зеленую ферму и улей. — Она снова обернулась к Михе, которой немного осунулся, плечи обмякли. — Ты хороший человек, Миха, но ты ж как большой ребенок. Сильный, добрый и прямолинейный. И сболтнуть ты мог не со зла, а из соображений чести и порядка. Понимаешь? Успокойтесь оба, а? Еще нам друг с другом не хватало ссориться.

Удивительно, как иногда хрупкая женщина может помахать крылышками и потушить океан огня. Обычно я просто отодвигал девушку за спину, чтобы не мешала и не пострадала, а сам разбирался с проблемой. Но Катю Миха не обидел бы, по лицу видно.

Еще пол минуты мы стояли, как два барана и пучили друг на друга глаза, а хрупкая Катя героически разделяла эти два метра между. Если детина и правда не слишком умный и все же ломанется в атаку, я успею оттолкнуть девушку и принять бой. Слева в углу как раз мягкие чемоданы.

Наконец Миха шумно выдохнул, грудь его опала, а сам детина развернулся и ушел в дальний угол вагона, где сел нахохлившись, как цыпленок. Катя послала мне извиняющий взгляд и поплелась к Михе. Опустившись рядом, она что-то стала ему говорить, а я вернулся к рюкзаку, в котором лежит ценность всего мира.

В голове после погони звенело, на зубах хрустел песок, а язык все еще царапал небо. Найдя в рюкзаке баклажку, я напился и поставил ее рядом. Катя из угла робко покосилась на нее, я молча кивнул и откинулся головой на чемодан, прикрыв глаза. Пульс успокаиваться не торопится, но уже не такой бешеный, как на дрезине, и я даже смог минут на пять отключиться.

Глаза открыл, когда Катя рядом ставила баклажку на пол.

— Спасибо, — поблагодарила она, скромно улыбнувшись.

— Обращайся, — отозвался я и кивнул на Миху, который все еще косится на меня хмуро из угла. — И ему дай.

— Я уже, — ответила Катя и опустила ресницы, — в смысле дала воды.

Поезд качнуло, Катя не устояла и полетела на меня. Я поймал прежде, чем она успела вскрикнуть. Она оказалась легкой, как козленок, с такой можно версту на руках пробежать, не устанешь.

Замерев на руках, девушка, уставилась на меня, медленно заливаясь румянцем. Вырез рубашки, в котором отлично просматривается ее богатое достоинство, заходил ходуном. Пару секунд она смотрела на меня, затем поерзала задом, стараясь подняться, и проговорила:

— Эм… Прости.

— Да не за что, — не удержал смешка я.

Катя красивая девушка. Она правильно сделала, что сбежала из «Медного ковчега» посреди пустыни. Только для побега она выбрала не того человека. Теперь с пчеломаткой на руках мой путь лежит в неизвестность. А ей с такой внешностью и голосом место в уютной жилой капсуле, а лучше — в настоящем доме, с чистым воздухом, свежей пищей и заботой, которая нужна каждой женщине.

Встать я ей помог. Быстро поправив рубашку, она смущенно отшагнула и стала перевязывать волосы в новый хвост. Под стук вагонов я засмотрелся на замысловатое действие: никогда не понимал, как женщины завязывают эти веревочки. В этот момент ручка на противоположной двери вагона скрипнула и пошла вниз. Я моментально оказался на ногах. Миха тоже, он метнулся вперёд и прижался спиной к стене, заняв выигрышную позицию слева от двери, которая стала медленно открываться.

Катю я моментально дернул за себя, а сам подсогнул колени для броска. Тем временем в полумраке проступила фигура, а через миг в вагон шагнул престарелый проводник в невысоком цилиндре и с громадными окулярами на лбу. Зачем они проводникам — не знаю, но опекун рассказывал, что на каждой остановке поезда, особенно за пределами града, они обязательно их надевают.

Пару мгновений проводник молча смотрел на меня бледными старческими глазами. Я напрягся, не желая вредить старику, но, если тот нападет, придется ответить. Однако, спустя еще миг, проводник задумчиво хмыкнул и произнес, по-старчески причмокнув:

— И чего вы тут, судари, делаете? В вагоне что ли не сидится? Тут жарко ж. А там, поди, какой-никакой холодок.

С Михой мы переглянулись, тот молча пожал плечами, а проводник продолжил мирно:

— Да ладно вам. Вижу я, что зайцы. Что ж я, по-вашему, не видел, как вы в вагон запрыгивали?

Проводника я видел впервые. Слухи о них ходили разные, но все сводились к тому, что проводник заступает на поезд и работает на нем, пока не выгорит артефакт-аккумулятор. Когда это происходит, значит и самому локомотиву осталось не много, поскольку артефакт сплавляет в механизме детали. Они становятся куском металла, его только на переплавку. А проводник как хранитель поезда, знает о нем все и уходит с гибелью локомотива. Ждать от такого преданного делу человека можно чего угодно, так что я сжал на всякий случай кулаки.

От внимания проводника это не ускользнуло, он усмехнулся по-стариковски и мягко произнес:

— Ну куда ты ерепенишься, малый? С кулаками на старика? Не смеши мои вагоны, парень.

— Так, — наконец проговорил я, все-таки разжав пальцы.

— Да не ссажу я вас посреди пустыни, — не гася улыбки, снова сказал проводник. — Что ж я, изверг что ли? Скажи лучше, чего за вами служебники гнались?

Миха, который стоит за спиной проводника, бесхитростно открыл рот, чтобы заговорить, и я осознал глубину смыла слов Кати о простодушности детины.

И опередил его быстрой фразой.

— Кое-что позаимствовали у них.

Глаза на морщинистом лице проводника округлились, брови приподнялись, он впечатленно произнес:

— Позаимствовали?

— Артефакт-аккумулятор, — коротко ответил я и поймал недоумевающий взгляд Михи.

Если верить Кате, простодушный Михаил выложил бы все, что знает лишь потому, что проводник — пожилой человек и вызывает доверие. Именно поэтому он продолжает таращить глаза с озадаченным лицом. Проводник завел руки за спину и впечатленно причмокнул губами.

— Вот как, — проговорил он. — Ну что ж, видимо, это очень ценный артефакт-аккумулятор, если служебники помчались за вами следом.

Бледные, но очень живые глаза проводника уставились на меня, и по шее скатилась горячая струйка. Моя легенда хлипкая, а для умудренного опытом проводника тем более. Что намекает: он

прекрасно понимает — причина нашего бегства и погони совсем не в артефакте. Я снова напрягся и покосился за спину на дверь, через которую мы ввалились. За ней прицеплен еще один вагон. Если проводник поднимет тревогу, будет время перескочить в него, пока не прибежит охрана, а когда дернут стоп-кран, спрыгнуть. Оказаться в пустыне без дрезины развлечение так себе, но гораздо лучше, чем быть схваченным.

Однако проводник жать на тревожную кнопку в кармане не торопился и с выжиданием рассматривал меня и Катю. Затем все так же мирно произнес:

— И сударыня с вами? Охота вам было такую красоту тащить в эти дали? Или силой умыкнули? Ты, дитятко, только скажи. Мигом разберемся.

Чуть выступив из-за моей спины, Катя негромко покашляла и ответила:

— Я сама поехала. Меня никто не заставлял.

— Точно?

Она кивнула.

— Ну смотри, — предупредил проводник, — ежели что не так будет, сразу говори. — Затем снова обратился ко мне. — А ты, парень, не дергайся. Сказал уже, не буду я вас ссаживать. И приятелю своему внуши. А то он позади меня так сопит, что спину нагрело.

Стоящий за ним Миха и действительно пыхтит, как паровоз. Он что-то невнятно проблеял и насупился, проговорив:

— Ничего подобного.

Проводник развернулся к нему в пол-оборота и, приподняв над лбом край цилиндра, заметил:

— Можно подумать, ты, парень, не собирался напрыгнуть на меня со спины, если потребуется. Скажешь нет?

В ответ Миха снова что-то проворчал, а проводник продолжил спокойно:

— Со спины нападают только кочевники и разные другие дегенераты. Вы на таковых вроде не похожи.

Снова на несколько секунд повисла пауза, я ее прервал.

— Мы не кочевники. Мы —нормальные.

Что такое «нормальные» я для себя усвоил из мудрости опекуна, который прививал мне понятия ответственности, честного боя и

человечности. Допускаю, что такие установки действительны не для всех, и проводник может иметь другие устои. Но я уверенно выпрямился и расправил плечи.

Крякнув, проводник поправил цилиндр и отмахнулся.

— Ладно, беглецы, — сказал он, разворачиваясь, — можете сидеть тут и преть, как пролежни. А можете пойти со мной в вагон. В первый класс не поведу, не хочу после вас чехлы на диванах стирать. А вот в общий вполне. Там хоть и не приватно, зато прохладно.

Мы с Михой переглянулись, он развел руками, а я спросил:

— И в чем подвох?

Пожав плечами, старый проводник ответил:

— Не веришь в обычную человечность?

— Не на поезде, в котором мы едем зайцами, — ответил я.

Проводник покивал.

— Твоя правда. Я бы тоже не верил. Особенно, когда за спиной такая красотка. Ее оберегать надо, а не по пустыням и вагонам таскать.

— Понимаю, — согласился я и испытующе уставился на старика.

Но тот уже не смотрит: развернулся и шагнул обратно в проход, из которого гулко гремят колеса. Что нужно проводнику от нас пока не ясно. Но вряд ли он воспылал сочувствием к беглецам. Куда вероятнее, что пытается придержать нас, пока не появятся служебники, которым он при удобном случае даст сигнал. Однако деваться нам некуда, прыгать с поезда на такой скорости значит перемолоться в труху. А сидеть тут или в пассажирском вагоне — разницы нет. Только там прохладнее. И проводник будет относительно на виду, что даст если не форы, то хотя бы наблюдение.

Пока я в раздумии хмуро всматривался в темноту прохода, где скрылся проводник, на плечо легли теплые пальцы Кати.

— Тут жарко, — негромко проговорила она у меня за ухом.

В багажном вагоне действительно пекло. Систему вентиляции сюда не привели, а металлический корпус под раскаленным солнцем плавится, а внутри похож на духовку.

— Ладно, — спустя пару секунд согласился я. — Перейдем в пассажирский вагон.

И, закинув рюкзак на спину, направился следом за проводником. Катя и Миха, лицо которого опять от чего-то недовольно сморщилось, двинулись за мной, Катя воодушевленно, а детина — качая головой.

Когда перешли в тамбур следующего вагона, кожу сразу обдало прохладой: вентиляция здесь что надо, она тоже усиливается артефактом. Проводника видно в щели следующей двери, которая ведет уже в вагон. Он оглянулся и кивнул влево на пустые сидения. Миха поравнялся со мной и проговорил, глядя ему вслед:

— Не нравится он мне.

— Да? Это не ты пару минут назад собирался выложить ему про нас все? У тебя на морде было написано, — заметил я, продолжая смотреть на проводника и пассажиров. Кто-то из них таращится в окно, кто-то вяжет, иные вовсе спят. Опасности на первый взгляд нет.

— Ничего я не собирался, — угрюмо отозвался Миха. — Просто он спросил. А я врать не привык.

Детина изобличающе на меня уставился, я покачал головой, не отрывая взгляда от пассажиров, и проговорил:

— Я не врал, а сказал часть правды, которая нам не повредила.

Миха хмыкнул.

— Все равно что соврал.

— Не путай кислое с горячим, — отозвался я. — Нельзя выкладывать каждому встречному нашу подноготную. Может он служебникам нас сдаст.

— Вот я и говорю, не нравится он мне, — охотно согласился детина. — Может ты и прав, конечно, про правду. Но я не так воспитан.

— Ты вообще не воспитан, — встряла Катя.

На что Миха возмущенно выпятил губы и выпрямился, раскрывая грудную клетку и демонстрируя величие и великолепие всей козоводской натуры.

— Враки! — сообщил он важно. — Мой батя был козоводом. И его батя. И меня воспитывали козоводом. Так что воспитание у меня самое что ни есть высшее козоводское.

Катя хихикнула.

— Угу. Поэтому у тебя все козы разбредались?

— Это просто козы не дрессированные, — пояснил Миха и деловито поднял палец. — Вот если бы я их выдрессировал.

— Почему не выдрессировал?

— Я ж их Никифору продал, — наставительно пояснил он Кате такую ясную и очевидную истину.

Мы с Катей переглянулись, она с понимающей улыбкой закатила глаза и чуть покачала головой. Козовод из Михи может и плохой, но до механики руки у него торчат не просто из нужного места, а из самого лучшего места для этого дела. Так что я промолчал, оставив спор между ними, и шагнул в вагон со словами:

— Держимся вместе.

Глава 7

Раньше в поездах я не ездил и представлял, что в общем вагоне люди едут на металлических лавках, обязательно с козами вместе. Но сидения оказались мягкими креслами, обтянутыми грубой, но чистой мешковиной, расположены по четыре на квадрате, два на два против друг друга. Прохладный воздух подается через четыре вентиляционные решетки на потолке в середине вагона, который размашисто покачивает от скорости.

Когда мы вошли, часть пассажиров оглянулась, но быстро потеряла интерес и занялась своими делами. Место, куда нам указывал проводник, у окна, и свободные все четыре.

— Вроде пока тихо, — негромко проговорил Миха.

— Вряд ли он устроит засаду во время движения, — согласился я.

Мы заняли места, я сел по направлению движения, Миха рядом, а Катя напротив. Пустыня за окном плывет быстро, дрезины такой скорости не развивают, разве что набабуренные дрезины Лютецкого и его охраны. Солнце палит, но стекла толстые и сберегают прохладу внутри.

Проводник в это время что-то проверял у девушки на соседнем квадрате сидений. Блондинка с пухлыми губами, волосы до плеч распущены, корсет из мешковины туго перетягивает ей пояс и приподнимает грудь, которая предусмотрительно прикрыта рубашкой. Но все равно видно, что богатства у нее много, не меньше, чем у Кати точно. Штаны свободные, но крепкие бедра тоже легко разглядеть.

— Слюни-то подбери, — негромко посоветовал Миха.

— Я изучаю обстановку.

— Ага, видал я, какую обстановку, — хмыкнул детина одобрительно.

Послышалось раздраженное фырканье Кати, она вздернула тонкий подбородок и, выпрямив спину, демонстративно отвернулась к окну. Мне осталось промолчать, поскольку Катя хоть и красавица, да вот в дороге эти охи и ахи только помешают. Однако блондинку я осмотрел с удовольствием, как и Миха, который делала это не украдкой, а прямиком, чем вызвал у блондинки румянец. Правда от

внимания она не отвернулась со смущением, а наоборот выкатила грудь и вытянула шею.

Проводник закончил проверять другого пассажира и вернулся к нам. Сев на свободное место, он проговорил:

— Рад, что вы воспользовались предложением. Ну что, вещайте, куда едете.

Четкого маршрута у нас пока нет, особенно с учетом открывшегося обстоятельства с пчелами. Катя обиженно молчала, глядя в окно, Миха скреб затылок ногтями, а я ответил:

— Сказать по правде, еще не решили. Куда едет этот поезд?

— В Москова град, — немного помолчав, ответил проводник и поправил окуляры под цилиндром. — Вы, похоже, в старой столице никогда и не были. Верно?

Мы вразнобой покивали, а старик-проводник продолжил:

— Так и думал.

— Почему? — спросил я.

— Да лица у вас… Такие…

— Какие?

— Чистые что ли, — пару секунд подбирая слова, ответил проводник. — Ну и загорелые, а не черные от копоти. В Москова граде грязи много в воздухе и каменной взвеси. Вот лица-то и пачкаются от пыли.

Я поправил лямку рюкзака и уточнил:

— Пыль от буров?

Проводник кивнул.

— От них, от самых. После коллапса-то, когда регионы перестали отправлять пищу и разное другое, старой столице пришлось крепко извернуться, чтобы найти для себя новую энергию. Народ-то не захотел работать на электростанциях, пока семьи голодали. Все кинулись фермы делать. Энергетика встала. А она нужна. А рубы кончались быстро. Вот, начали бурить и продавать Лютецкому воду за артефакты, рубы и еду.

— Воду? — удивилась Катя, удостоив нас с Михой снисходительным взглядом. — Откуда там вода?

— Так озеро там залегает, — ответил старик. — Глубоко правда. Вода соленая, минеральная. Очень полезная, говорят. Я ее не пробовал. Дорого, да и продают они ее все больше в Оазис-Техно.

Мне в Оазис-Техно минеральной воды пить тоже не приходилось, значит привозят ее скорее всего непосредственно в башню Лютецкого на самый верх.

— Я бы вас угостил, будь у меня такая вода, — проговорил я.

Проводник по-стариковски добродушно усмехнулся:

— Спасибо, парень. В общем я к чему. Вам бы я туда ехать не советовал. Вы, конечно, вольны сами выбирать, но на пути у нас будет две остановки. Одна вне града, на песочной станции сорок пять. А вторая в Рязна граде. Вот там можете сойти. Там спокойнее.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я.

Понемногу проводник подозрительным казаться переставал. Разговаривает мирно, купить ничего не предлагает. Остается угроза, что он сообщил о нас служебникам, наверняка в этом поезде есть артефакт связи, который позволяет смартфонам обмениваться информацией на расстоянии. Но тут останется лишь действовать по обстоятельствам.

— Вы подремлите пока, — посоветовал проводник. — До песочной станции еще несколько часов пути. А там стоять будем около часа.

Снова обернувшись, Катя спросила заинтересованно:

— А что на ней? На станции.

— Погрузка, дитятко, — ответил он. — Грузы в багажный вагон укладывают, и пассажиры садятся. Там они, правда, редкость. Там места неспокойные, потому и жителей мало. То кочевники, то твари Но ты не боись, дитятко. Я давно сопровождаю этот поезд. Погрузимся, да поедем. Мне пора дальше по вагонам идти. Вы, если есть захотите, идите в самый первый. Там есть уголок с водой и пайками. Скажете, от проводника. Вам и выдадут. Только не борзейте. Там пайка на всю дорогу.

Прозвучало так складно, что я непроизвольно покивал и спросил:

— А вы почему нам помогаете?

Опершись сухой, морщинистой ладонью на колено, проводник медленно поднялся, его вздох получился громким и глубоким.

— Да сына ты мне напоминаешь чуток. Только молодого. Такой же внимательный был, резвый, вникал во все. А там как уехал на заработки, так и не видел я его больше. Сперва он вести слал, что женился. А потом и вести прекратились.

Глаза проводника остановились на невидимой точке, взгляд затуманился, он потер щеку и выпрямился, со вдохом.

— Чего уж. Былого не воротишь, — проговорил он. — Мне пора работать. Если что, ищите меня в начале поезда в первом купе. Там табличка «проводник».

Развернувшись, он направился к двери бодрой и уверенной походкой для такого возрастного человека. А с учетом того, что вагоны качаются, как трусы на веревке во время песчаной бури, и того чемпион.

— Служебникам он нас сдаст, — констатировал Миха негромко, наклонившись вперед.

Глядя, на спину проводника, которая через несколько мгновений скрылась за дверью вагона, я проговорил:

— Может и не сдаст. Не похоже.

— Точно сдаст, — уверенно повторил детина. — Я разбираюсь в людях.

Обернувшись, Катя вскинула соколиные брови и выпучила глаза.

— Ты? В людях? — изумилась она. — Да ты кочевника от оазисного не всегда отличаешь. Вон, Андрея побить хотел.

Миха пожал плечами.

— Технически, я не ошибся. Мечников и правда ж оказался оазисным. Даром, что не таким, как они.

— И все равно. Проницательности у тебя, как у бетонной колонны, — не отступила Катя. — Помнишь, как тебе глазки строила постоялица? Рыжая, улыбчивая. Что ты ей сказал, когда она тебя позвала чайного гриба попить?

Брови Михи сдвинулись, он нахохлился, как громадный цыпленок и пробурчал:

— Что не люблю чайный гриб.

Раскрыв ладони, как в танце-присядке, Катя выговорила изобличительно:

— А я что говорю?

Отмахнувшись, Миха, скрестил руки на груди и отвернулся к противоположному окну.

— Да ну тебя. Это все ваши бабьи выверты. Нет, чтобы прямиком сказать. Так нет, все иносказательно, с двойным дном. Откуда я знаю, что у вас значит «попить чайного гриба».

Катя закатила глаза.

— Можно и догадаться, что на ночь глядя девушка строит глазки и зовет на чайный гриб совсем не для чая.

— А вот и нельзя.

— Ну-ну, — хмыкнула Катя. — Это я все к тому, что проводник и правда может оказаться надежным.

Их подколки я слушал в пол-уха, прикидывая, как ретироваться, если прав окажется Миха, а не Катя. Даже если он вызовет или уже вызвал служебников, раньше, чем на сорок пятой песочной станции они не нагрянут. Не догонят они поезд. Я покосился назад, затем по сторонам. Дверь, в которую мы вошли с задней части поезда, скорее всего будет перекрыта. Во всяком случае, я бы на их месте перекрыл. Окна не открываются, что понятно — открывать окна в поезде через пустыню значит постоянно кормить песком пассажиров. Да и выгребай его потом из всех углов. Спереди тоже вряд ли выйдешь, служебников отправят и туда. Остается вентиляция. Она достаточно широкая, чтобы пропустить меня. Михе может будет и тесно, но воздуховод выведет нас на крышу, а оттуда можно рвать когти.

Звонкий и дерзкий женский голос прервал размышления.

— Скучаешь?

Подняв голову, я сперва уткнулся взглядом в пышную грудь в корсете, даже рубашка не скрывает ее объемов. И только потом поднял его к лицу, на котором сияет смелая улыбка, а миндалевидные карие глаза блестят хитростью и озорством.

— Уже нет, — ответил я расхожей фразой.

Девушка, не дожидаясь приглашения, плюхнулась задом на свободное сидение, Миха глуповато заулыбался, а Катя сверкнула глазами и сцепила зубы.

— Слышала, вы в Рязна град едете? — проговорила она все так же уверенно. — Значит, нам по пути.

Катя фыркнула, а я улыбнулся.

— В хорошей компании время идет быстрее.

— Я там живу, — продолжила девушка, зрелищно закинув ногу на ногу. — Ездила к маман, у нее постоялый двор в этих краях. Дыра-дырой, сами понимаете. Пустыня. Но тут дело такое, маман все-таки. Хочешь-не хочешь, а навещать надо. Я Аделаида. Ада по-простому.

— Андрей.

— Миха.

Катя покосилась на блондинку и натянула улыбку, с которой самое то выписывать штрафы, и проговорила слишком дружелюбно:

— Екатерина.

На нее Ада только покосилась, зато на Михе взгляд остановила подольше, какое-то время рассматривала, потом потерла подбородок и произнесла:

— Миха… Миха… А ты не тот Миха, что с козячей фермы? Ну той, что разорилась.

Лицо детины сперва просияло, видимо, обрадовался, что его узнали, но потом лоб нахмурился, а он ответил настороженно:

— А чего вдруг такой интерес?

— Да просто я помню из детства мальчишку с той фермы. Тоже Михой звали. Мы маман туда ездили за молоком и козьим мясом. Но потом мамкин постоялый двор стал хиреть. Теперь вот перебивается с одного на другое.

С полминуты Миха двигал бровями, по лбу волнами ходили морщины, что означает: думает изо всех сил. Потом брови взлетели на лоб, а он выдохнул:

— О! Так ты дочка Сопочки что ли?

— Она самая, — с довольной улыбкой ответила Ада.

Развернувшись к ней всем корпусом, Миха хлопнул себя по бедрам и присвистнул. Его взгляд еще раз оценивающе прокатился по блондинке с головы до ног и обратно, задержавшись на пышных формах.

— Вот ты какая стала! Выросла-то как!

— Да ты тоже, как я посмотрю, — довольно хмыкнула Ада и повернулась ко мне. — А вы, значит, едете за лучшей жизнью в Рязна град?

Мы втроем переглянулись, пока Миха набирал воздуха для ответа, я проговорил:

— Что-то вроде.

— А почему не в Красный град? — поинтересовалась Ада и, откинувшись на спинку сидения, от чего рубашка на груди натянулась, достала из кармана мешочек с сушеным бататом и бросила кусочек в рот. — Там-то жизнь точно побогаче, чем везде. Говорят, зеленых ферм полно. И кислород бесплатно раздают

Она протянула мне мешочек и взглядом предложила угоститься. Приличия ради я взял пару долек и кивнул на Миху с Катей. На это Ада пожала плечами и передала мешочек им. Катя с хмурым лицом покачала головой, зато Миха с удовольствием цапнул и одну за другой стал закидывать дольки в бездонную пасть.

Я проговорил:

— В Красном граде ничего не бывает бесплатно.

— Говоришь так, будто наверняка знаешь. Откуда? — поинтересовалась блондинка, щурясь.

— Люди говорят, — ответил я уклончиво.

На что девушка отмахнулась и поправила пышные волосы.

— Люди всякое говорят, — сообщила она деловито. — Если бы я верила всему, что говорят люди, давно сдохла где-нибудь в канаве Рязна града. Но ничего, выжила и преуспела.

— Похвально.

— Именно. Я девушка деловая, сразу вижу, с чего будет толк, а с чего нет.

— И чем ты занимаешься, деловая девушка? — спросил я, поглядывая то на хмурую Катю, то за окно, где проносятся песчаные горы с кустами в колючках.

— В основном торговлей, — сообщила блондинка и заправила за ухо светлую прядь. — Продаю, покупаю, покупаю продаю. А вы?

— А мы пока в поиске, — снова не дав Михе ответить, проговорил я.

— Безработные значит, — заключила Ада и, обернувшись к Михе, забрала у него мешочек с сухим бататом, который детина ополовинил. — Ну смотрите, если будет нужна работа или жилье, обращайтесь.

Я покивал.

— Звучит, как деловое предложение.

— Говорю же, я деловая. Не люблю болтать без толку.

На вид блондинка с выдающимися формами вызывает разве что слюноотделение и тесноту в штанах. Но ведете себя уверенно, даже немного развязно, что говорит либо о связях, которые её, в случае чего, прикроют, либо о том, что она действительно хваткая и умеет вести дела. Всех нас она еще когда рассаживались по местам, рассмотрела внимательно и с пристрастием. Что-то да высмотрела, если решила подсесть.

— А ты всем незнакомым предлагаешь помощь? — спросил я прямо.

На это Ада откусила белоснежными зубами от дольки батата и с ослепительной улыбкой ответила:

— Только тем, кто мне понравился. Я отлучусь не на долго.

Она неторопливо поднялась, убрав мешочек в карман, и изящно развернулась, красиво прогнув спину. После чего направилась в сторону передней двери вагона, придерживаясь пальцами за спинки сидений и покачивая вздернутыми ягодицами.

Я чуть наклонил голову, провожая ее взглядом, Миха вывернул шею и тоже смотрел ей вслед, а когда она скрылась за дверями, проговорил с придыханием:

— Вот же какая… Выросла.

Слева Катя с поднятым подбородком и прямой спиной бросила коротко:

— Швора.

Миха охнул.

— Катерина, не ругайся. Девушке не положено ругаться. Ну и почему сразу швора? Красивая девка стала. У нее… Ну… Вон какое добро.

Я выпрямился. Добро у Аделаиды действительно внушительное, не пропустишь.

— Не поспоришь, — согласился я. —Ты хорошо ее знаешь?

Пожав плечами, Миха ответил:

— Да как, знаю. В восемь лет вместе играли на ферме, когда они с мамкой приезжали. Ну и когда мы к ним на постоялый двор с батей заезжали тоже. А потом как-то перестали. Да и все. А теперь вот видишь, как случайно встретились.

Снова раздалось раздраженное фырканье Кати, она сложила руки под грудью и произнесла:

— Да она же вся перед вами на изнанку вывернулась. Особенно перед Андреем. Так себя приличные девушки не ведут. Швора.

В Красном граде нравы в целом сдержанные, но не строгие, никто не станет оглядываться на девушку в юбке выше колен, но прилюдное проявление чувств не приветствуется. Хочется интима — идите в жилую капсулу и вперед. Но за пределами Красного града правила сильно разнятся, и чем глуше местность, тем темнее порядки.

«Медный ковчег», откуда вышла Катя —постоялый двор продвинутый, да и она сама, не будь козьим пухом, ломанулась за нами в багажнике дрезины. Чего взъерепенилась на блондинку — не понятно.

— Катя, не ревнуй, — хмыкнул я в шутку. — Мы тебя больше любим.

Щеки ее вспыхнули, как малиновый сердечник в центре арт-аккума, глаза выпучились, а губы раскрылись.

Она выдохнула:

— Я? Да я не ревную! Да вы… Ты… Я просто не хочу, чтобы вы попали в передрягу!

— Катенька, — ласково обратился я к ней негромко, — мы убегаем с последней пчелой в мире от служебников Лютецкого на поезде через пустыню. Мы уже в передряге.

— Да, но с ней мы закопаемся еще глубже! — упорствовала она.

— Значит, придется выкапываться, — заключил я. — Пока она вреда не принесла. А мы, если начнем отбрыкиваться, вызовем подозрения. Где ты видела мужчин, которые прогоняют красотку, которая сама подошла пообщаться.

Носик брюнетки сморщился, будто она нюхнула прокисшей похлебки.

— Хотите, ее прогоню я? Я девушка. Мне можно.

Тут вступил Миха, которому все это время предусмотрительно не давали влезть в разговор.

— Не надо никого прогонять, — с возмущением сказал он. — Мешает она тебе что ли? Ну сидит, ну разговаривает. Кому от этого плохо?

Глаза Кати на это только закатились в возмущении, она нетерпеливо выдохнула и помотала головой, замолчав и откинувшись на спинку сидения.

Глава 8

Обхватив рюкзак и опершись спиной на стык между сидением и стеной, я в полудреме покачивался в вагоне. За окном в пустыне стали чаще попадаться камни и скалы. Кое-где молчаливыми исполинами, торча из барханов, проплывали руины, как напоминание о былом величии цивилизации. Ада не вернулась, видимо, ушла в вагон-столовую. Миха и Катя тоже дремали.

Расслабленной рукой я скользнул в рюкзак и достал баклажку. Отпив, убрал обратно и покосился на сохранный артефакт, который в темноте рюкзака подсвечивается светло-голубым. Пчелы в середине геля умиротворенные, будто не от них зависит судьба всего биоценоза Земли. Да и куда им о таком беспокоиться. А мне — в самую пору. Только идей пока примерно чуть больше, чем ноль. Ломиться на север, ориентируясь только на сказки Никифора дело заведомо прогарное. Но сидеть и ждать, как говорят, у бархана пыльную бурю, значит тратить ценное пчелиное время. А его Никифор обозначил очень конечным.

Почесав лоб, я накрыл артефакт с пчелами нижним бельем и, застегнув рюкзак, откинулся на спинку. Катя открыла глаза и посмотрела внимательно и с пониманием.

— О чем думаешь? — спросила она.

— Как выкручиваться, — честно ответил я.

Она вздохнула.

— Надо делать, как сказал дед Никифор…

— Говорить, Катенька, не мешки ворочать, — заметил я. — Сказать он сказал. Но без конкретики, маршрутов и направлений его слова не больше, чем детская байка.

— Что же делать-то тогда? — охнула Катя с досадой и сцепила пальцы на коленях так сильно, что тонкие косточки побелели.

— Есть у меня кое-какие варианты.

— Поделишься? — спросила она и подняла на меня ясные, изумрудного цвета глаза.

Я кивнул.

— Позже.

По зажатым плечам, вытянутой спине и губам, которые Катерина время от времени кусает не сложно догадаться — она хочет ехать на север, причем со мной. Но ответственности за пчел и так предостаточно, если тащить за собой еще и девушку нагрузки добавится, а профита нет. Миха в этом вопросе куда эффективнее. Но Катю я одну бросить тоже не могу, так что придется оставить и его, что бы защищал.

Солнце тем временем стало клониться к горизонту, разливая расплавленное золото на барханы, которые выступают из тела пустыни, как спины громадных рыб. О рыбах много статей на этаже обучения, их я читал, когда опекун подключал смартфон к общей базе. Эти рыбы вообще-то не рыбы, а млекопитающие, размером больше человека в восемнадцать раз. Они почти не пострадали от исчезновения пчел, только ушли дальше от берегов, чтобы меньше сталкиваться с судами Лютецкого. Он ведет отлов рыбы, для прокорма Красного града и продажи, но, учитывая скорость отлова, процесс этот в перспективе закончится.

— Замедляемся, — заметила Катя, глядя как солнце опустило край за бархан.

Я прислушался, но только через пару минут ощутил, как покачивания вагонов стали плавнее, а стук колес размеренней.

— В тебя измеритель встроен? — хмыкнул я впечатлившись.

На это она загадочно улыбнулась и, поморгав пушистыми ресницами, снова отвернулась к окну. Поезд некоторое время замедлялся, а когда пополз совсем неспешно, из мегафона над дверью прозвучал голос проводника.

— Внимание, пассажиры, мы прибываем к песочной станции сорок пять. Стоянка сорок минут, просьба от вагонов далеко не отходить и соблюдать технику безопасности. Ждать никого не будем.

Через десять минут послышался скрип колес о рельсы, шипение пара и клапанов, за окнами опустились облачка малинового пара, и поезд плавно остановился. Слева прямо из бархана торчит на бетонных сваях гранитная плита, сверху лист металла вместо крыши. Три человека ждут на станции, оглядываясь и переступая с ноги на ногу. Двое с небольшими сумками, а третий пассажир немолодая женщина с башней чемоданов.

Катя, уткнувшись носом в стекло, проговорила с изумлением:

— А где же лавочки? Поезд так редко ходит. Им что, на ногах ждать?

Я предположил:

— Возможно, сорок пятая станция не то место, где люди хотят сидеть на лавочках.

— Да не в этом дело, — возмутилась она. — Но можно же хотя бы немного позаботиться о людях.

Она поднялась.

— Ты куда? — спросил я.

— Пойду спрошу, почему на станции нет лавочек, — сообщила брюнетка деловито и перелезла через вытянутые ноги Михи, который все еще посапывает. — Колени разомну.

— То есть пока убегали, тебе разминки не хватило? — поинтересовался я и тоже поднялся, закидывая рюкзак на спину.

Она покачала головой со словами:

— Это другое. А ты чего встал?

— Думаешь, я тебя отпущу одну?

— Я взрослая девочка, — отозвалась Катя, но по улыбке видно, забота ей приятна.

Перешагивая Миху, я зацепил его коленку носком, детина всхрапнул и проснулся. Увидев нас в проходе, выпучил глаза и резко сел.

— Что такое? Приехали?

— Еще сорок пятая станция, — ответил я. — Спи.

Смачно хрустнув шеей так, что и мне захотелось, Миха потянулся и встал, сообщив:

— С вами выйду. Воздухом подышу.

— Раскаленным? — уточнил я со смешком.

Миха кивнул.

— Ага. А то от этой вентиляции нос замерз.

— На тебя не угодишь.

— Угодишь, — убежденно проговорил Миха. — Я привык к солнцу и жаре. А тут дубак, у меня вон, пупырки.

Для пущего эффекта он поднял локоть и продемонстрировал трицепс в крупной гусиной коже.

Из вагона мы спрыгивали на перрон по очереди. Песок сухо хрустел под ботинками, пустынный ветер завывал протяжно и

заунывно, но шипение локомотива бодро разбавляло эту мелодию барханов.

Выпятив грудь, Миха сладко вдохнул сухой воздух и проговорил, расплывшись в довольной улыбке:

— Вот это я понимаю. Тепло, хорошо. А то от холода кости не шевелятся и мышцы дубеют.

Я размял шею и плечи, а Катя обернулась на детину и отозвалась:

— Можно подумать, ты в морозилке ехал.

— Чем не морозилка? — удивился Миха. — Я озяб, как голая девка на рассвете.

— Будто много ты видел на рассвете голых девок, — хмыкнула Катя и, потянувшись стройной фигуркой, зашагала к краю платформы.

Я предостерег:

— Осторожней там.

Катя отмахнулась.

— Что вы со мной, как с фарфоровой.

Подойдя к ступенькам, она присела и стал что-то разглядывать, а Миха, покачал головой и сказал, вытирая с губ налипший песок:

— Вот нос свой везде сует. Потом спасай ее.

— Вроде пока не совала, — заметил я.

— Это ты просто не знаешь, — кивая, проговорил детина. — С кочевниками-то ладно, они сами полезли. Но в дрезину-то Катерина нарочно залезла.

— Тоже верно, — улыбнулся я, разглядывая, как Катя на корточках что-то бормочет и рассматривает на ступеньках.

Миха продолжил:

— А было как-то вот что. Приехали в «Медный ковчег» странствующие певцы. Пели хорошо, ничего не скажешь. Катерина к ним пристала, чтоб дуэтом петь. Они и не против были. Только ночью чуть не увезли насильно. Продать кочевникам хотели. Я тогда троим хрусло-то поразукрасил, хе-хе.

— Ты хороший друг, — согласился я.

На что Миха развернулся и сурово надвинул брови со словами:

— То-то и оно. Вижу, как ты на Катерину смотришь. И вот я тебе что скажу: вздумаешь ее обидеть, не посмотрю, что ловкий. Извернусь и пришибу. Понял?

Он выжидательно на меня уставился. То, что Миха мой интерес к брюнетке заметил, я понял сразу, хотя ни в чем, кроме спасения от кочевников, его не проявлял. Да и поступил бы так любой нормальный мужчина. Но Катя и правда, как глоток прохладной воды в этой пустыне, такую хочется оберегать, пылинки сдувать, чтобы пальчик не прищемила и не запнулась ненароком. Слишком открытая и чистая для тягот дороги и разных передряг. Хотя чистота не помешала ей упереть артефакт у служебников, что значит, не такой уж она и козий пушок.

Ответив на взгляд Михи, я проговорил:

— Я не собирался ее обижать.

— Знаю я вас, оазисных, — фыркнул он. — Был один уже. Лет пять назад. Все заезжал, в уши ей желтую воду лил, обещал забрать в Красный град, в поднебесный человейник жить. А потом перестал приезжать. Заезжие оазисные сказали, что женился. Катя неделю рыдала. Голос чуть не потеряла. Месяц петь не могла.

— Швора, тот оазисный, — согласился я, и самому стало горько, когда представил заплаканную Катю с опухшими глазами и красным носом.

Миха кивнул.

— Швора и есть, — подтвердил он. — В общем я тебя предупредил. Она мне как сестра младшая. Обидишь — прибью.

На том порешили. Проводник с окулярами, которые надвинул на глаза, тем временем помогал пассажирам грузить вещи в багажный вагон. Двое справились быстро, а женщина возилась с чемоданами, пытаясь их затащить внутрь, но те падали, башня разваливалась, а женщина всплескивала руками и причитала. Проводник пытался ей помочь, но он тоже не молод для такой работы.

— Надо помочь, — проговорил я, глядя на их старания, и крикнул Кате: — Катенька, ты бы шла в вагон!

Повернув счастливое личико, она помахала рукой и отозвалась:

— Тут ящерица! Я еще побуду!

— Только не сходи с перрона! — наказал я.

Она покивала, и мы с Михой трусцой подбежали к женщине и проводнику. В близи женщина оказалась бодренькой старушкой с живыми глазами и откуда-то идеальными зубами.

Миха подскочил к ней первым и залихватски гоготнул:

— Давайте-ка лучше мы.

От неожиданности женщина охнула и отшагнула, ухватившись за сердце, но потом с облегчением выдохнула.

— Ой, ну слава богу, — проговорила она. — Намаялась я с этими чемоданами. Хотела все бросить, так дочка наказала брать все, что увезу. Переезжаю я к ней в Рязна град.

— Бережливая у вас дочка, — похвалил я, хватая ближайший чемодан, который по весу оказался не меньше пуда, и закинул его в вагон, куда уже залез Миха, где и принимает.

Женщина отмахнулась.

— Да не бережливая, а скупердяйка. Говорю. На кой-тебе старая швейная машинка? Ты ж шить-то не умеешь. А она «научусь и буду рубы зарабатывать сама, а не на шее у мужа сидеть».

— Так она еще и помогать хочет, — отозвался я, кидая второй чемодан Михе. — Похвально же.

Ловя чемодан, Миха согласился:

— Ну да. Все бы так. А то «то не хочу, это не буду, а ты мне давай все и сразу». Как, говорите звать, вашу дочку?

Цокнув языком, женщина покачала головой, хотя гордую улыбку за то, что вырастила такую, оказывается, замечательную дочь, скрыть не смогла.

— Так за мужем она, говорю ж, — сообщила она и приложила ладонь к щеке.

Приняв очередной чемодан, Миха с нарочной досадой вздохнул.

— Эх, вот опять не успел.

— Ничего-ничего, — поторопилась успокоить его женщина, — такие хорошие парни всегда нарасхват. Выручили вы меня, вот честное слово.

— Да бросьте, мать, — улыбнулся Миха. — Как же не помочь.

Женщина чему-то закивала.

— Станция-то здесь нелюдимая, мало кто выходит на перрон. Оно и понятно. Тварей к вечеру вылезает, лишний раз нос из дому не высунешь. А девушка ваша, во-он, там, зачем с перрона спустилась? Вы ей скажите, что не надо. Опасно это.

Мы с Михой разом обернулись. Катя, увлеченная ящерицей, спустилась по ступенькам на песок и продолжает рассматривать. В груди у меня шевельнулось недоброе, сердце заработало быстрее. Швырнув последний чемодан, я побежал к ней, крича на бегу:

— Катя! Поднимись быстро!

Оглянувшись, она прищурилась от солнца и снова помахала с улыбкой, видимо, не расслышав. Я снова проорал, уже громче:

— На перрон, говорю!

Отмахнувшись, она снова присела к ящерице, а я ускорился. И очень вовремя, потому что нос неожиданно уловил незнакомы запах, и он мне не понравился. Резкий, кисловатый, сухой. Пока он слабоват, но по мере приближения к Кате, становится сильнее.

Проигнорировав ступеньки, я сиганул с перрона прямо на песок и приземлился рядом с Катей. Девушка вздрогнула, а зеленая ящерка, которую она с таким рвением изучала, шмыгнула куда-то в песок.

Развернувшись ко мне с надвинутыми бровями, Катя уперла кулаки в бока и проговорила недовольно:

— Ну и зачем ты ее напугал?

— Всё, — скомандовал я, — экскурсия с пресмыкающимися закончена. Пойдем.

Объяснить ей все собирался по пути в поезд, но брюнетка решила проявить характер и, вскинув подбородок, резко пригладила волосы и выдохнула:

— Чего это ты раскомандовался? Поезд стоит еще двадцать минут. Я здесь рядом. Что я, маленькая, чтобы за мной бегать?

После чего резво зашагала к песчаному холмику, где скрылась ящерица. Пришлось рвануть за ней, но когда догнал, Катя припустила еще резвее, бросив через плечо:

— Да ну что ты в самом деле!

— Катя, проводник предостерег спускаться с перрона! — предупредил я громко, буксуя по рыхлому песку.

Звонко рассмеявшись, Катя отозвалась, с легкостью молодой козочки взбираясь на бархан:

— Лучше скажи, что захотелось покомандовать. Иди, вон, блондинку строй.

— Что? Да какая муха тебя укусила?

От перрона мы отошли метров на двадцать, что относительно недалеко, но кислый, резкий запах стал сильнее, и кулаки у меня непроизвольно сжались.

— Катенька, ну в самом деле, что ты как маленькая, — взмолился я. — Проводник не стал бы предупреждать просто так.

— Или ему просто не хочется собирать потом по всей пустыне пассажиров, который вышли размяться и разбрелись, как козы.

— Что тоже обоснованно, — согласился я. — Мы и так умотали далеко из-за твоей ящерки.

— А я тебя с собой не звала, — хихикнул брюнетка, — сам увязался.

На упрямство Катерины осталось только развести руками. Но дальше ей гоняться за ящерицами не позволю, если продолжит скакать по барханам, придется закинуть на плечо и тащить обратно в поезд.

Она тем временем залезла на самый верх и обернулась с лучезарной улыбкой, глядя сверху вниз. Несколько секунд она улыбалась, но потом улыбка стала меркнуть, и лицо быстро приобретало сперва сосредоточенное, а затем встревоженное выражение. Развернувшись полубоком к пустыне, она будто к чему-то сосредоточенно прислушалась, а потом глянула на меня и шепнула побелевшими губами:

— Кажется, ты прав.

Выругавшись под нос, я догнал ее и цапнул за руку, не дожидаясь объяснений в чем конкретно прав.

— А ты думала, я от нечего делать за тобой гоняюсь?

— Если честно, почти, — отозвалась Катя, уже не сопротивляясь тому, что я тащу ее обратно к перрону, где малиновым паром пыхтит локомотив.

Кислый запах все усиливался, бежать по песку тяжело, и чем быстрее пытаешься передвигать ногами, тем сильнее они вязнут и буксуют. Проводник на перроне к этому моменту подбежал к самому краю и что-то подкрутил в окулярах, которые делают его похожим на громадную жабу, каких видел в смартфоне.

Схватившись за опору навеса, он указал куда-то нам за спины и прокричал:

— Быстрее!

Кислая вонь стала невыносимой, засвербело в носу, а Катя взвизгнула:

— Оно сзади! Скрипит!

Скрипит оно или нет, мне не слышно, но отлично чуется запашок, от которого слезятся глаза. На бегу я обернулся, и по спине

прокатилась струя горячего пота, а в груди застучало быстрее, разгоняя кровь, чтобы шевелился проворнее.

Звери в пустыне встречаются не часто, и все больше где-нибудь подальше от людских маршрутов. Но иногда, когда становится совсем голодно, набираются смелости и вылезают к трактам и железным дорогам. Если бы это были безобидные дикие верблюды, я бы сам полез погладить. Но инсектицид Лютецкого повлиял не только на пчел, но и на некоторых зверей. В народе их стали звать просто твари.

Одна из них сейчас гонится за нами.

Ящероподобная зверина размером с верблюда размашистыми прыжками сокращает расстояние до нас. Морда в песке, пасть время от времени открывается, а в ней блестят ряды коротких, но острых зубов. Глаза на выкате, на голове гребень налился краснотой, что говорит: тварь настроена атаковать.

— Ой, мамочки! — пискнула Катя, после того как тоже оглянулась.

— Это, наверное, мама той ящерки, за которой ты гонялась, — бросил я, ускоряясь и утаскивая девушку за собой. До ступенек метров пять, но и тварина позади пахнет так, что вот-вот цапнет за голову.

— Так я же просто посмотреть хотела! — чуть не плача, выкрикнула Катерина, спотыкаясь и замедляя бег.

— Она об этом не знает!

Катя опять оглянулась и всхлипнула:

— Не успеем, Андрей!

Вывернув шею, я снова выругался и с о всей силы швырнул Катю вперед к ступенькам. Броска хватило, чтобы она с тихих возгласом приземлилась рядом с ними, а я резко развернулся назад и, заняв боевую стойку, заорал:

— Ну! Давай!

_____Вот такая движуха продолжается. Пишите ваши комментарии к книге. Чем больше ваших отзывов, тем быстрее работается. Самые активные получат чибиков к себе в гостевой после завершения книги. Ну и не забывайте добавлять в библиотеку и подписываться на меня. Есть много задумок для книг. Будете знать, когда они превратятся в романы. Или серии. 😎

Глава 9

Биться в рукопашной с пустынным ящером мне не приходилось, но кроме приемов самбо ничего нет, так что, когда тварь на скорости подбежала, я изо всех сил вломил ей правый хук. Кулак обожгло болью, и она в момент растеклась до самого локтя. Будто ударил по железной плите, хотя обычно в запале драки боль притупляется. Больно становится потом.

Но удар ящера если не вырубил, то обескуражил: качнувшись, он покосился и нелепо переступил в сторону. Кулак горел и пульсировал, а ящер зашипел и развернул ко мне раскрытую пасть. Из нее пахнуло зловонием, я успел рассмотреть красное небо прежде, чем над ухом просвистело, и пасть с визгом закрылась.

Арбалетная стрела впилась твари в заднюю лапу, ящер крутанулся и с яростью принялся выдергивать стрелу из своего филе. Проводник, который выпустил стрелу, проорал с перрона, свисая с него и держась за упор:

— Быстрее, парень! Он скоро очухается!

Похожий на постаревшего арлекина в громадных окулярах и цилиндре, он помахал арбалетом. Я, тряся ушибленной рукой, рванул к ступенькам, по которым Катя успела взбежать и Миха уже тащит ее к вагону. Поднялся на перрон в момент, когда ящеру удалось зубами выдрать из бедра стрелу и перекусил ее пополам. Злобно зашипев, тварь кинулась следом, прихрамывая едва заметно.

Проводник скомандовал:

— Резвее, парень! Тваринную шкуру только гарпуном бить! Арбалет его так, почесал!

К моменту, когда мы добежали до вагона, пассажиров с перрона сдуло ветром, все сидят в безопасном вагоне и таращатся из окон. Еще бы — такое развлечение бесплатно показывают.

Внутрь мы влезли, быстро, едва не сшибив Катю, которая во все глаза таращилась и порывалась кинуться нам на помощь, но Миха вцепился ей в локоть. В этот же момент лапа ящера шлепнулась на мраморную поверхность перрона. Проводник рывком дернул дверь, та

жалобно заскрипела, но захлопнулась, а старик сорвал со стены горлышко переговорника и проорал в него:

— Михалыч, трогай! Тварь на подходе! Врубаю артефакт защиты!

Из переговорника сквозь хрипы и рябь донеслось:

— Принято!

Раздалось шипение локомотива, прозвучал гудок, и состав двинулся вперед. Пока неспешно, и этого недостаточно, чтобы уйти от ящера. Тот уже полностью влез на перрон и, прихрамывая, шлепает лапами к вагонам.

— Нам бы побыстрее, — проговорил я, морщась от боли, пальцы все еще дико болят. Поднял руку и сплюнул от досады — пальцы распухли, как сосиски из козлятины.

Проводник улыбнулся с диким задором, все еще не снимая окуляры, и хохотнул:

— Не играть тебе на гитаре в ближайшее время.

После чего рванул на стене рубильник, и снаружи полился голубоватый свет, а ящер, который упорно преследовал поезд, завизжал и бросился с платформы обратно в пески.

— Ну все, — с облегчением выдохнул он, — теперь не догонит. Артефакт защиты-то у нас хороший. Купил его в Рязна граде у уличного торгаша за десять тысяч рубов. Думал, облапошил он меня. Ан-нет, работает артефакт.

Лишь теперь он сдвинул окуляры на лоб, от них вокруг глаз остались небольшие вмятины, а проводник на мой вопросительный взгляд ответил:

— Думаешь, просто так мы их носим? Это тепловизионные окуляры с усиленной дальностью. Твари любят зарываться в песок. Засады устраивают. А пассажиры, сами видите какие.

Он выразительно посмотрел на Катю, та опустила виноватый взгляд и спрятала пальцы подмышками.

— Простите… — тихо проговорила она, подняв глаза только на секунду, но этого хватило, чтобы заметить, как они заблестели от влаги. — Я не подумала… Что…

Всхлипнув, Катя снова опустила ресницы, я махнул рукой, а Миха хлопнул меня по плечу и проговорил бодро:

— Как ты его приложил справа, а. Это ж надо, ящеру морду набить.

Проводник крякнул с усмешкой.

— Дури у тебя и правда не занимать, парень, — согласился он. — Чешуя у тварей считай, что алюминий. Может и не самый жесткий, но металл. Крепкий у тебя удар. Крепкий.

— Вариантов не было, — отозвался я, морщась и глядя в дверное окно, где пустыня начинает плыть быстрее.

Он кивнул.

— Тоже верно. Пойдем, парень, посмотрим, что там с рукой.

Развернувшись, проводник шагнул в соседний вагон. Катя дернулась следом, но Миха ее удержал и, покачав головой, негромко произнес:

— Угомонись уже.

— Да ладно, — отозвался я и подмигнул Кате, шагая за проводником и поправляя лямки рюкзака. — Любознательная она. Ничего не поделаешь.

— Не любознательная, а любопытная, — поправил Миха. — Любопытство сгубило кошку.

Катя уронила лицо в ладони, плечи задрожали, послышался ее приглушенный со всхлипами голос.

— Я не хотела…

Обернувшись на детину, я постучал пальцем себе по виску и проговорил:

— Ты зачем девушку до слез довел? Катенька, не плачь. Ну накуролесила, с кем не бывает. Все живы.

Миха воздел палец к потолку и ответил значительно:

— Чтобы неповадно было.

— Ты себя воспитывай, — хмыкнул я и подмигнул Кате.

— Вот те раз. Я вообще-то на твоей стороне, — вскинув брови на лоб, выдохнул Миха. — Даже обидно.

Я вздохнул и ответил:

— Мы все на одной стороне, Миха.

Поезд качнулся, набирая скорость, Катя запнулась и ухватилась за мой локоть.

— Прости, — шепнула она. — Не злись.

Мои губы сами поползли в улыбке. Злиться на женщину, все равно, что на ребенка. Опекун еще в шесть лет популярно объяснил, что женщины существа эмоциональные, порой не поймешь, их логики.

Мало ли, что ей понадобилось от ящерицы. Может суп из нее сварить хотела или в качестве питомца забрать. В любом случае, орать на нее бесполезно. Только заплачет, а все равно не поймет.

Я ответил:

— Да не злюсь я.

— Правда?

— Правда.

Перешагнув порожек, я оказался в другом вагоне и, пройдя его насквозь, вошел в купе проводника. Тот, сидя на лежанке, уже разложил перед собой на столе бинты, йод и бутыль с антисептиком. Рядом в виде большой лупы в шестеренках и толстой зеленой линзой блестит артефакт-медик.

— Много у вас артефактов, — заметил я, входя в купе.

Проводник хмыкнул, кивая.

— Так и я проводник, а не какой-нибудь кочевник. Рубы имеются. Садись, поглядим.

Когда уселся напротив, проводник быстро поводил зеленой лупой над моими пальцами, покряхтел, позаглядывал и с видом мудрствующего доктора заключил:

— Повезло. Переломов нет.

Глядя на распухшие пальцы, я заметил с сомнением:

— А так и не скажешь.

— Распухли от ушиба, — объяснил он. — Есть у меня одно средство. Намажем, замотаем и будешь как новый.

Он достал из-под стола пузырек с зеленой мазью. Он еще закупорен, но мой нос уже уловил приторно-гадкий запах. Я поморщился, а проводник усмехнулся, откручивая крышку.

— Выглядит может и не очень, — сказа он. — Зато помогает.

Когда крышка оказалась на столе, я отвернулся, не зная, куда деть нос, потому что завоняло, как из помойной кучи.

— Не кривись, — снова хмыкнул он. — Потом спасибо скажешь.

— Куда я денусь, — обреченно отозвался я.

Со стороны двери повеяло чем-то знакомым, потом в проходе появилась сперва грудь, затем и сама блондинка. Она оперлась плечом на косяк и ослепительно улыбнулась, сложив руки под грудью, от чего та эффектно приподнялась.

— Я видела, как ты убегал и сражался с тварью, — произнесла она одобрительно. — Мне понравилось.

— Как убегал или как сражался? — уточнил я, глядя, как проводник длинной палочкой перемешивает зелень в бутыли.

Ада чуть наклонила голову, выигрышно открывая нетронутую загаром шею.

— И то, и другое, — усмехнулась она и предложила проводнику: — Давайте я нанесу мазь? У меня пальцы более ловкие.

На это дед пожал плечами и неторопливо поднялся, будто не он недавно, как акробат, свисал с перрона, успевая стрелять из арбалета. Поправив деловито цилиндр, он ответил:

— Вперед. Мне еще обход делать. Только густо не мажь. Мазь действенная и ценная. Нечего попусту расходовать.

После чего покинул купе. Аделаида с довольным видом резво плюхнулась на его место и цапнула меня за ушибленные пальцы.

— Ай!

Она кукольно округлила глаза и выдохнула с удивлением:

— Больно?

— Щекотно, — покривившись, отозвался я. — Страсть как щекотки боюсь.

Аделаида засмеялась негромко и немного томно, пальцы перехватила теперь аккуратнее и посмотрела на меня, чуть наклонив голову вперед. При этом выпрямилась, и все ее достоинство зрелищно качнулось над столешницей.

— Я могу щекотать и помягче, — многозначительно хмыкнула она.

После чего достала из бутыли палочку и, придерживая мои распухшие пальцы, стала наносить вонючую мазь. Запах перегрузил нос так, что даже эффектная блондинка с четвертым размером не смогла его перебить. Пришлось отвернуться к проходу, откуда немного, но тянет свежестью.

Аделаида встрепенулась и спросила, нарочно округляя пухлые губы:

— Что такое? Опять слишком щекотно?

Сказать про вонь неудобно, еще поймет не так, поди разбери этих женщин, но смердит так, что хоть топор вешай.

Пришлось признаться:

— Мазь ароматная.

Опустив взгляд сперва на бутыль, затем на мои измазанные пальцы, а потом переведя его снова на меня, блондинка озадаченно закусила губу.

— Вроде пахнет не сильно, — заметила она.

— Не сильно, — выкрутился я. — Но настойчиво.

— Надо же, — задумчиво протянула Аделаида и, прищурившись, продолжила наносить мазь мне на кожу. — Какой ты чувствительный. И чувственный.

Намазывать она прекратила и, взяв бинт, стала с нарочитой медлительностью обматывать пальцы. В Красном граде, как, наверное, и в любом другом, есть категория легкодоступных женщин. Для них используют слово «шпилька». Опекун, мир его праху, говорил, что с женщиной, которая не имеет ничего, кроме тела, в долгую дорогу отправляться нельзя. Потому как сегодня она продастся тебе, а завтра — тому, кто предложит больше рубов. Если и обращаться к ним, то только конкретно и на один раз.

Относится ли Аделаида к таковым — пополам на пополам. Напрямую она цену не озвучивала, так обычно делают в Красном граде. Но кто знает, как принято за его стенами.

Ада тем временем продолжала бинтовать мне пальцы. Я разглядывал ее спокойно и прямо. Узкий подбородок, пухлые губы, вздернутая грудь, которую она демонстративно выпячивает. По косвенным признакам похожа на шпильку, но если спросить и ошибиться — будет резонная обида.

Я начал издалека:

— Ты всем кидаешься бинтовать руки?

Судя по снисходительной улыбке, Аделаида поняла, куда я клоню, глаза ее хищно сверкнули.

— Только тем, кто этого заслуживает, — ответила она елейным голосом и затянула оборот бинта с такой силой, что я покривился.

— И часто? — не отступал я, потому как ясности все еще нет.

Хмыкнув, Аделаида сделала последний оборот бинта и резким движением затянула узел, я снова скривился, а она завязала бант и проговорила:

— Если девушка смелая, не прячет голову и все, что у нее есть в песок, вовсе не значит, что она шпилька.

От прямоты я поперхнулся слюной, но тут же прочистил горло со словами:

— Что смелая это точно.

— Просто ты мне понравился, — прямо заявила блондинка, закручивая бутыль с мазью, от чего дышать мне стало значительно легче. — Ты ведь не занят? Или у вас с брюнеткой что-то?

— Не занят, — ответил я по факту, потому что намерений относительно Кати я не озвучивал, да и какие намерения после пары дней знакомства. Катя мне интересна, но лучшее, что могу для нее сделать, это быть подальше.

Поправив волосы, Ада улыбнулась шире.

— Тогда не вижу препятствий, — сообщила она и потеребила пуговку на рубашке, под которой вздымается достояние пустыни.

Не соблазниться такими формами нельзя чисто физически. Любой живой мужчина среагирует, я — не исключение.

Но все же сказал:

— Смотря к чему.

— А к чему ты хочешь?

Признайся Аделаида, что шпилька, я бы положил на стол оговоренную сумму, закрыл бы дверь в купе и содрал бы с нее брюки. После погони и пустынной твари разрядиться бы не помешало. Но девушка утверждает, что приличная, а с приличными так не поступают. Впрочем, впервые вижу, чтобы приличная сама вешалась на шею. Платить? Не платить?

— И ты действительно очень красивая девушка, — начал я, аккуратно подбирая слова, чтобы выяснить, что с меня в итоге попросят за услугу.

Но Аделаида поднялась и, приблизившись, наклонилась и прижала палец к моим губам.

— Меньше слов, Андрей.

Сев передо мной на стол, она оперлась ладонью на столешницу и потеребила шнуровку корсета. Боль в пальцах стала меньше. От мази или от тесноты в штанах, ясно не до конца, но вид однозначно приятный.

— Так что вы ищете в Рязна граде? — приглушенно спросила Аделаида, покусывая нижнюю губу.

Вопрос отрезвил, теснота в штанах пропала, хотя боль в пальцах не вернулась. Значит, все же мазь.

Надув щеки, я выдохнул.

— Для начала ночлег. А там посмотрим.

— Неплохо, — согласилась Ада и убрала у меня с волос невидимую песчинку. — Слушай, если вам нужно где-то остановиться, могу помочь.

— Только не говори, что ты хозяйка постоялого двора, — улыбнулся я, чуть отклонившись, чтобы она не дотянулась до моих волос.

Кокетливо пошевелив плечами, Ада проговорила:

— Постоялый двор у маман. В пустыне. Маман говорит, это мое наследство. Только это наследство еле дышит. Надо перезапускать, чтобы стал процветающим. Не хуже «Медного ковчега». Но сам понимаешь, ресурсы.

— Понимаю. И что предлагаешь?

— У меня в Рязна граде есть знакомый, — ответила блондинка, — у него над столовой во владении целый этаж с комнатами. Конечно. Это не те этажи, что в Красном граде, я наслышана о тамошних человейниках. Но все же лучше. Чем ночевать под мостом.

При этом девушка поерзала, ближе придвигаясь ко мне. Теперь я снова в зоне доступа ее длинных рук и тонких пальцев. В довершение она развернулась ко мне, теперь ее достояние пустыни колышется прямо перед лицом, что игнорировать технически невозможно.

Чуть наклонившись вперед, Аделаида добавила приглушенно:

— Ну что? Как тебе предложение?

Смотреть в этот момент в глаза я не мог, и таращился на то, что в зоне прямой видимости. Думать в таком положении затруднительно, пришлось считать дроби в уме, но и это помогало слабо, поскольку отвлекающие элементы все еще перед носом.

— Хорошее предложение, — наконец ответил я. — Что ты за него попросишь?

Небрежно отмахнувшись, девушка отозвалась:

— Все ты про плату спрашиваешь. Неужели так трудно поверить, что люди иногда помогают другим просто так? Разве не встречал такого?

— Встречал, — согласился я. — Но при других обстоятельствах и в иных формах.

— А чем тебе не угодили мои формы? — усмехнулась Аделаида и перекинула копну волос на другое плечо.

Спине стало жарко, футболка прилипла к спине несмотря на хорошую вентиляцию. Сглотнув, я с трудом перевел взгляд с этих форм на кушетку и проговорил:

— Почему не угодили? Очень даже угодили.

Она засмеялась негромко и уверенно.

— Чего тогда теряешься?

— Ты про ночлег или про что-то другое? — уточнил я.

Аделаида снова наклонилась ко мне, приоткрыв пухлые губы и ответила:

— А тут как сам захочешь.

Повисла неловкая пауза. Внутри меня столкнулись два начала: логическое и природное. И как бы ни хотелось верить, что интеллект венец эволюции, что человек оседлал в себе зверя, оседлать требовалось сейчас совсем не зверя. Инстинктам куда больше лет, чем неокортексу, и бороться с ними, когда добычу запихивают в рот почти противоестественно.

Почти.

Вполне возможно, природа взяла бы свое и в этой ситуации, но в момент, когда Аделаида стала приближать ко мне лицо, справа запахло мятным и приятым, послышался тихий вздох.

Обернувшись, я увидел Катю. Глаза круглые, как у козленка, рот раскрыт, лицо бледное, а губы дрожат. От нее донеслось едва разборчивое:

— Извините…

И Катя тенью скользнула обратно в коридор.

— Швора… — выругался я и, высвободившись из пут Аделаиды, вышел следом.

Глава 10

Спина Кати мелькнула в проходе, я сперва рванул следом, но потом притормозил. Собственно, формально ничего не произошло. Свободный мужчина уединялся со свободной, судя по всему, женщиной. Кате я ничего не должен.

Но все равно гаденько.

Момент с Аделаидой уже упущен, так что я вытер лицо незабинтованной ладонью и пошел к своему вагону. В дверях встретил Миху со скрещенными руками и хмурым взглядом, который предвещает разборки.

— Я тебя предупреждал? — произнес он сурово. — Обидишь ее — получишь.

Выдохнув, как готовый к нападению бык, Миха занес кулак, но я успел проговорить прежде, чем он полетел в направлении моего носа:

— Я ей ничего не сделал.

— Да? — сильнее надвинув брови на глаза, прогудел детина. — А чего она убежала носом хлюпать?

— Хороший вопрос, — отозвался я, на всякий случай отшагнув назад, чтобы если Миха все-таки решит атаковать, иметь место для маневра. — Аделаида на меня вешалась, Катя увидела. С чего-то расстроилась.

Плечи Михи чуть опали, но кулак пока не убирает, видимо решает, насколько велика моя вина в слезах Катерины.

В конце концов он согласился, опуская кулак:

— Ну, так-то да. Сговоров у вас Катериной не было. Ну и всякого такого. Предъявить нечего.

— Я о том же, —подтвердил я, поглядывая на дальнюю дверь, где скрылась Катя.

Миха тоже оглянулся и спросил:

— Аделаида, говоришь, сама вешалась?

— Ну, — согласился я.

— Шпилька что ли? — уточнил он и поскреб ногтями щеку, где пробилась небольшая щетина.

Цокнув языком, я пожал плечами и ответил:

— Да непонятно.

На что Миха демонстративно прыснул и, расправив плечи, будто собрался на парад в честь основания Оазис-Техно, хрустнул шеей.

— Ну ты даешь. Щас выясним, — хмыкнул он и, обойдя меня, скрылся в проходе.

Оставшись на месте, я прислушался и принюхался. В воздухе все еще витает едва уловимый мятный запах Кати, со спины подтягивается стойкое амбре Михи. Какое-то время только колеса стучали по рельсам, и негромко разговаривали пассажиры. Но спустя несколько минут из купе проводника раздался шлепок, донеслось возмущенное женское:

— Да пошел ты!

После чего из дверей купе вывалился Миха, держась за щеку. Хаватаясь за стену одной рукой и качаясь в такт поезду, он подошел.

— Не, — сообщил Миха убежденно, — не шпилька.

Потом отнял ладонь от щеки, на ней проступила красная пятерня. Поправив челюсть пальцами, Миха проговорил:

— Удар у этой Аделаиды, что надо.

— Обиделась?

Он покривился.

— Не знаю. Но челюсть болит.

— Она помощь предлагала, — заметил я. — У нее в Рязна граде какие-то подвязки.

— Ты ей доверяешь?

Пожав плечами, я ответил:

— На меня она вешалась, а тебе съездила по морде. Значит, какие-то принципы у нее есть. Все равно нам нужно будет где-то остановиться в граде. Она может с этим помочь.

В вагон мы вернулись вдвоем и заняли места. Рука стала болеть значительно меньше, похоже, вонючая мазь проводника действительно эффективная. Катя пришла чуть позже, молчаливая, тихая и с красным носом. На меня старалась не смотреть, да и я не особо к ней лез.

Когда солнце покатилось к закату, я переложил рюкзак под голову, не снимая одну лямку. Катя пыталась дремать, откинув голову на спинку сидения. Но та прямая, на такой особо не подремлешь.

— Обопрись на меня, — предложил я спокойно.

— Аделаида против не будет? — поинтересовалась Катя мирно, но выражение лица при этом сделалось оскорбленно-возвышенным.

Я удивился.

— С чего бы?

— Судя по всему, в купе я помешала вашему тесному общению, — пояснила она.

— Разве что немного, — не стал спорить я. — Но это ничего не значит. Во всяком случае, не запрещает тебе лечь удобнее. Повторяю, можешь опереться на меня. Не хочешь — можешь на Миху. Он больше.

Детина в это время глазел на закат, который в пустыне превращает мир в расплавленное золото, которое льется с неба и растекается по оранжевым барханам. При упоминании его имени, он обернулся и приподнял брови.

— Я не толстый, если что. Я коренастый.

— Да-да, вот на него и обопрись. На коренастого, — усмехнулся я, выразительно косясь на слегка выпирающий над штанами Михи живот.

Миха мой взгляд заметит и сообщил важно:

— Я на массе.

— Жировой? — хмыкнул я в шутку, поскольку и сам знаю, как наращивают мышцы. Опекун всю жизнь занимался спортом и подробно рассказывал, как питаться, какие упражнения делать. От него я усвоил, что здоровому мужчине физические упражнения нужны так же регулярно, как еда, сон и половая жизнь.

— Ничего ты не соображаешь, — покровительственно ответил Миха. — Сила она набирается вместе с едой. Ты может и верткий, но, если я сяду сверху, хрен поднимешься.

Я кивнул.

— Главное слово «если».

— В тот раз тебе просто повезло, — отмахнулся Миха.

— Еще бы, — согласился я и снова оглянулся на Катю, которая ерзает и так и сяк, но никак не может удобно устроиться.

В итоге я просто цапнул ее за локоть и притянул к себе, аккуратно уложив себе на бок. В первый момент она что-то возмущенно вякнула, но быстро затихла. Когда я заглянул в лицо Кати, она уже мирно посапывала.

— А разговоров было, — констатировал я.

Звучно почесав плечо, Миха проговорил впечатленно:

— Ишь, за две секунды уснула.

— Вымоталась, — заключил я. — Храбриться можно сколько хочешь, но женщине нужен отдых и безопасность, как ни крути.

Миха цокнул и покивал коротко и часто.

— Умеешь ты, я смотрю, с девушками ладить. Одна на него сама полезла, вторая злилась, а потом, вон, под боком уснула.

— Опекун научил, — просто ответил я.

— Хороший, видать, мужик.

— Был.

— Жаль.

Стянув с себя куртку, я накрыл Катю. Вечерняя вентиляция в вагоне охлаждает сильнее. Может простыть, если не согреть.

Под мерный стук колес и покачивание я тоже уснул чутким, но спокойным сном. Перед глазами снова мелькали служебники, Катя, Аделаида, сражался с ящером и летал на нем верхом. Казалось, что вроде и не проваливался в глубокий сон, но проснулся от затяжного толчка и шипения локомотива.

Когда открыл глаза, за окном утро только занялось бледной полоской света на горизонте, а поезд остановился у городской стены, вдвое меньше той, что огораживает Красный град. Катя под боком все еще сипит, зато Миха поднялся и прилип носом к окну.

— Видал? — очарованно спросил он и ткнул пальцем в стекло. — Приехали.

Я осторожно пошевелил Катерину за плечо, та посопела и попыталась перевернуться, во сне шаря пальцами в поисках одеяла.

— Дед Никифор, еще рано… — пробормотала она сонно.

Сдержав смешок, я снова аккуратно, но настойчиво ее пошевелил. На этот раз Катя разлепила веки и села с растерянным лицом. На левой щеке отпечаталась вмятина моей футболки, губы пухлые, как у херувима. Катя повертела головой, в первые секунды с непониманием, потом во взгляде проступила осознанность, и она спросила хрипловатым после сна голосом:

— Стоянка?

— Лучше, — ответил я. — Выходим.

Однако из вагона нас выпустили не сразу. Сперва пришел долговязый комендант с хитрыми глазами, круглым карманным компостером и деревянной дубинкой за поясом. Переговорил с проводником. Тот кивал на нас и что-то объяснял, а комендант поглядывал в нашу сторону и хмурил брови.

— Похоже, будут проблемы, — негромко заметил я и взглядом указал Михе на коменданта.

Оглянувшись, детина хрустнул шеей и сообщил негромко, но бодро:

— С этим тощим? Да я его одной соплей перешибу. А второй накрою.

— Это не кочевник, — сообщил я. — Если этот полезет в драку, то на законных в Рязна граде основаниях. А нам такое точно не нужно.

— Что ты предлагаешь? — вытаращив глаза, поинтересовался Миха, оскорбившись, что ему не позволяют решить вопрос кулаками.

— Выйдем из задней двери, — коротко сказал я. — Ты у нас боец с переменным успехом.

— Но-но-но, — оскорбился детина. — Я тебя от кочевников спас. Забыл?

— Не забыл. Помню.

— А скрутить меня тебе просто повезло.

— Как скажешь, — отозвался я, глядя на коменданта, чьи косые взгляды все мрачнее и недовольнее.

О чем беседуют проводник и комендант не слышно, но запах от долговязого через весь вагон тянет неприятный. Так обычно пахнут фанатично увлеченные люди, поэтому редко стирают одежду и забывают помыться. Этот запах разит даже без моего обоняния.

Когда мы встали, комендант напрягся и дернулся в нашу сторону, но проводник ухватил его за локоть и продолжил что-то настойчиво объяснять. Тот высвободился из захвата, но проводник так жестикулировал, что коменданту нехотя, но пришлось выслушивать.

— Давайте без суеты, но шевелимся, — негромко скомандовал я, затягивая рюкзак на спине. — Проводник дает нам время.

По закону подлости остальным пассажирам приспичило встать и стоять в проходе, дожидаясь открытия дверей. Их, видимо открывают по указке комендантов. Стараясь не торопиться и не толкаться, мы просочились до задней двери вагона.

Миха покосился назад и сказал:

— Вроде не гонится.

— Может обойдется? — с надеждой предположила негромко Катя.

Но, когда дверь открылась, на перроне в комендантской форме оказались еще трое с компостерами и недобрыми лицами.

— Тьфу, швора… — ругнулся я. — Давайте дальше.

Пришлось перейти в следующий вагон, но и у его выходов уже переминаются с ноги на ногу двое комендантов. Едва пассажиры стали сходить с поезда, те принялись проверять документы и билеты. Сердце качнуло кровь активнее, а рефлексы быстрее мозга среагировали на опасность и плеснули в кровь коктейль гормонов, кулаки сжались.

— Бюрократы, — бросил я.

Со стороны пассажирского вагона, в котором мы ехали, потянуло нестиранными вещами, а я когда глянул поверх голов, то трое комендантов уже настойчиво протискивались между пассажирами.

— Твою швору… — выдохнул я. — Бегом!

И дернул все еще сонную Катю за руку проталкиваться в сторону багажного вагона. Уверенности, что там представителей железной дороги не будет, нет, потому что кто-то должен заниматься разгрузкой. Но это фора.

Теплые пальцы Кати попытались выскользнуть из захвата, но я сцепил крепче, она пробормотала с негодованием:

— Да почему мы бежим?

— А ты чем предпочитаешь платить за въезд в город? — пропихиваясь между недовольными пассажирами и таща за собой девушку, спросил я. — На тех, кто платит натурой ты не похожа.

— Ой! — охнула она за спиной.

Я помнил, что следующий вагон должен быть багажным. Но после тамбура оказался еще один пассажирский, видимо, пока стояли на песочной станции, прицепили еще несколько. Здесь вентиляции нет и душный воздух заполнен запахом пота, пропитанной им одежды и нагретого металла. Народа здесь больше, вместо удобных сидений в ряды обычные лавки со спинками.

Протискиваясь между дородной женщиной в сарафане, на спине которого до самой поясницы мокрое пятно, и таким же мужчиной в рубахе, я тащил за собой Катю. Пассажиры стали возмущаться.

— Молодой человек, что вы себе позволяете.

— Не толкайтесь.

— Нет, ты посмотри, какой. Вперед всех ему надо.

— Ща я его усмирю.

Запах в вагоне за секунду изменился: агрессия всегда пахнет резко и с кислинкой, гормоны меняют концентрацию в крови и пот через поры выходит с узнаваемым ароматом. Так что от оплеухи я успел увернуться на долю секунду раньше, чем она прилетела мне по лицу. Со звонким шлепком она ударила по лоснящейся щеке другого пассажира — крупного, с толстой шеей, которая скорее головогрудь. От удара щека колыхнулась, как студенистое желе, его голова стала медленно поворачиваться, а глаза медленно наливаться кровью. Сперва его взгляд остановился на мне. Пришлось выразительно помотать головой и указать в сторону на того, кто пытался мне вмазать, но промахнулся. Им оказался мужчина с сухим лицом и бегающими масляными глазками, которые сейчас озадаченно пялятся на коренастого.

Секунду висела тишина. Потом вагон содрогнулся от зычного, густого баса.

— Щенок сопливый!

И коренастый, как локомотив, ринулся всей массой на обидчика. Я едва успел дернуть на себя Катю и прижать к груди, когда увесистая туша бильярдным шаром промчалась мимо. Вернее, рухнула, поскольку в проходе тесно и разогнаться негде. Катя, теплая и дрожащая, подняла на меня взгляд, я ее успокоил:

— Они еще долго будут заняты.

Началась всеобщая потасовка. Миха через нее протискивался с трудом, потому как сам не маленький. Когда он вынырнул из людской пучины, я мотнул головой, указывая на дверь в конце вагона.

— Может там не будет комендантов.

Сквозь дерущихся мужиков, от которых разит потом и ржавыми шестеренками, мясотелых женщин с кошелками и тюками мы продирались, как чеснок через пресс: с треском, трением и пониманием, что теперь от нас несет борьбой за выживание.

Мой чувствительный нос сходил с ума от увесистых ароматов, я задерживал дыхание, держа подмышкой хрупкую Катю, и

уворачивался от ударов, которые предназначены не мне, но вполне могут предназначиться.

В следующий тамбур я толкнул дверь в надежде, что хотя бы там будет свободнее. Но толпа, медленно вытекающая на перрон через руки комендантов эти надежды рассыпала в труху.

Миха вывалился к нам следом, взъерошенный, с каплями на лбу и злой.

— Ну все, — шумно выдохнул он и вытер рукавом лицо, — если ехать поездом, то только в вагоне с сидениями.

— Губу-то закати, — предложил я. — Нам просто повезло с проводником. А теперь не очень.

Я кивнул на выход, где коменданты придирчиво осматривают билеты и пробивают их в круглых, блестящих, как подшипник шарах.

— Вредители, — заключил Миха.

Я напрягся. Какое-то время можно потолкаться в тамбуре, но рано или поздно поток людей иссякнет, придется выходить, а тогда стычка с комендантами неизбежна.

Поднявшись на носки, снова посмотрел поверх голов пассажиров в предыдущий вагон. Коменданты хоть и застряли в живом потоке, но попыток через него прорваться не оставляют.

— Швора… — прошипел я под нос и покосился на противоположную стену тамбура. Там окно. Идею разбить стекло откинул сразу — поезд сделан для поездок через пустыню, значит стекла крепкие на столько, что выдерживают атаки кочевников и тварей.

— Догонят, — испуганно проговорила Катя и механически шагнула ко мне.

Миху кто-то толкнул сзади, он героически поморщился, но утерпел от ответного тычка и проговорил:

— Чего гонятся? Непонятно.

— Да понятно, — бросил я, кривясь. — проверяют билеты. Въезд в град обычно фиксируется, чтобы четко знать, кто прибыл, кто убыл. В Красном граде тоже так.

— Даже кочевников записывают? — удивился Миха.

Я кивнул.

— Особенно кочевников. Видимо, проводник сказал, что везет кого-то без билетов. Может думал, что прокатит. А может сдал. Не

знаю.

— Вот гад, — с досадой качая головой, отозвался Миха.

— Ему тоже кушать хочется, — ответил я. — Если его поймают на нарушении, то снимут с должности. Так везде.

Толпа все вытекала из тамбура, а мы поплавками удерживались на месте. Я торопливо соображал, как вылезти, но пока путь один.

— В багажный, — скомандовал я и снова потащил Катю за собой.

Выяснилось, что прицепили на песочной станции три вагона и все пришлось пройти насквозь прежде, чем мы вывалились в уже знакомый багажный вагон со стеллажами.

— И что дальше? — хмуро спросил Миха.

— Выйдем, так же, как и попали на поезд, — предложил я.

Мы рванули к дальней двери, но добежать не успели: металлическая бочина вагона протяжно заскрипела и пошла в сторону.

— За стеллаж! — негромко скомандовал я.

Едва спрятались за дальним стеллажом, стена вагона отодвинулась. Через просветы между чемоданами и саквояжами я разглядел грузчиков и комендантов, которых уже пятеро и рыщут они с лицами очень выразительными.

— Пристали как пыль к заду, — шепнул я.

Дрожащая Катя негромко проговорила:

— Они нас найдут.

— Найдут, — согласился Миха философски. — Ну и что? В угол что ль поставят?

— Скорее в уголь, — поправил я, наблюдая за комендантами из засады. Те приблизились к вагону и достали дрожжевые фонари. — Отправят шахты копать, или чего хуже.

— Не, ну я-то могу, — задумчиво отозвался детина. — А вот Катя не для такого сделана.

Я промолчал. Миха прав, Катя для уютного дома и чистой постели. Но эти не станут разбираться, скажут: все безбилетники, значит всех на уголь. Или еще куда. Позволить так с ней поступить, значит опозориться по самые яйца.

Я прошептал уверенно:

— Значит так. Катенька. Сейчас надеваешь мой рюкзак, затягиваешь. Мы с Михой переворачиваем стеллажи и ломимся в перед. А ты по моему сигналу бежишь и не оборачиваешься. Поняла?

Глаза Кати стали как у испуганного козленка и выпучились на чистом личике.

— А вы? — пискнула она.

— О нас не беспокойся.

— Я без вас не побегу.

— Побежишь.

— Нет.

Я бы успел ее убедить до того, как в вагон забрались бы коменданты, но воздух колыхнулся, Катя развернула голову, будто к чему-то прислушивается, а я уловил знакомый сладковатый аромат.

Через секунду сверху донеслось негромкое женское:

— Вам тут не тесно?

Глава 11

Расставив широко ноги, Ада стояла на верхних полках сразу двух стеллажей, одна ее ладонь уперлась в потолок, другая облокотилась на колено, и выглядит, как разбойница. Внушительная грудь впечатляюще свесилась, чем на пару секунд сбила внимание.

— Тесно, — придя в себя, с задранной головой отозвался я. — Так тесно, аж переночевать негде.

— С этим попозже, — хмыкнула Ада. — А с остальным… Я вас выведу.

Мы с Михой переглянулись. Доверять женщине, принадлежность которой невозможно идентифицировать, рискованно, но еще рискованней оставаться здесь и ждать, пока коменданты обыщут багажный вагон.

Я кивнул.

— Твои предложения?

Улыбка девушки стала шире, ровные зубки сверкнули в бледном свете дрожжевых ламп.

— Лезьте сюда, — скомандовала она. — Только тихо.

— А там что?

— Люк на крыше, — пояснила она.

Вариант более рабочий, чем нападать на комендантов. Первым покарабкался Миха. Несмотря на его внушительную массу, вышло у него это проворно, как у многопудовой гориллы: методично, выверено и бесшумно.

— Ты где так лазать научился? — спросил я.

— А ты попробуй ветряки Никифора почини, — ответил сверху Миха негромко, с трудом разворачиваясь на узкой верхушке стеллажа.

Подсаживая Катю, я так же тихо продолжил:

— Часто ломались?

— Так ржавые же, — разводя руками, ответил детина.

Лезть по стеллажу у Кати получалось менее проворно, чем у Михи, пришлось толкать ее под колени и упругие бедра. Возмущаться она даже не пыталась, только зыркнула из-под соболиных бровей неоднозначно: то ли смутилась, то ли порадовалась. Когда она влезла

наверх, Ада оглядела ее снисходительно сверху вниз и наклонилась ко мне, любезно протягивая руку.

От помощи я отказался и с легкостью вскарабкался наверх. На вершине стеллажа тесно, мы все оказались нос к носу. Ада выпрямила спину и, хмыкнув, поинтересовалась:

— Гордый?

— Самостоятельный, — поправил я и повертел головой, потому как коменданты внизу уже подкатили ступеньки и лезут в вагон. — Где люк?

Блондинка указала на потолок. Он выложен одинаковыми серыми квадратами из металла, ровными, стык в стык.

Я заметил нарочно миролюбиво:

— А ты шутница, как я посмотрю.

— Еще какая, — отозвалась Ада и, бесшумно пройдя по краю стеллажа, встала на цыпочки и надавила на одну из пластин.

Та негромко щелкнула и поддалась, после чего, блондинка сдвинула ее на выдвинувшихся салазках в бок. Открылся узкий проход, который легко пропустит стройную Катю. Михе же придется потрудиться.

— Выше второй люк, — сообщила Ада. — Но я до него не достану, если только подсадите.

Она мне ослепительно заулыбалась. Катя сбоку и держится за мой локоть. Вижу ее только краем глаза, но пахнет от нее мятой сильнее, чем обычно, значит напряжена или взволнована. А может и то, и другое. Тем не менее, подсадил бы я Аду незамедлительно, но Миха опередил: он шагнул вперед и одним махом поднял блондинку столбиком.

— Давай, — приказал он, — открывай свой люк.

Натянув благодарную улыбку, девушка уперлась одной ладонью ему в макушку, а второй пошарила вверху. К этому моменту комендант с морщинистым лицом и седыми волосами уже поднялся в вагон и двигает дрожжевым фонарем перед собой.

Пока я с тревогой косился на него и подтягивал испуганную Катю к себе, тот бросил коллегам через плечо:

— С этим праздником аэростатов все с ума посходили! Тут ни зги не видать! Нужен фонарь побольше.

Второй, моложавый и свежий, как весенняя картошка, ему посоветовал со ступенек, по которым поднимался:

— Включи освещение в вагоне.

— Не могу, — ответил пожилой, — проводник сказал, освещение только в пассажирских вагонах.

— Не может быть. Брешет.

— Брешет или нет, а света нет, — заключил пожилой комендант. — Хочешь разбираться с ним, иди и разбирайся.

Моложавый развернулся и стал спускаться обратно со словами:

— И пойду. Что за брехня? Света у него нет. На крыше поезда для чего солнечные панели? Артефакт-аккумулятор ему зачем?

Пожилой предположил терпеливо:

— Для езды ночью. Поезд поди разряжается быстрее дрезины, если без арт-аккума.

— Ничего не знаю, — не угомонялся моложавый, спрыгивая на бетонный перрон. — Свет должен быть.

После чего широкими шагами направился вдоль вагона, пока не скрылся. Тот, что остался внутри, покривился морщинистым ртом и продолжил шарить дрожжевым фонарем перед носом, по шагу продвигаясь вперед.

— Делать больше нечего, за проводниками бегать, — пробормотал он. — У них и зад в тепле, и заработки. Мне бы на диван, под плед виды созерцать, а я по багажным вагонам шастаю…

Пока я наблюдал за проводниками Ада справилась со вторым люком. Она тихо меня окликнула:

— Эй, красавчик, долго будешь коз считать?

Когда оглянулся, Миха уже выталкивал пышнозадую Аду в верх, не упуская шанса пощупать ее за бедра. По виду блондинка вроде не против, но, едва выбралась на крышу и заглянула сверху в люк, ее улыбка стала хищной, и она произнесла с нарочитой ласковостью:

— Миха, сладкий, еще раз так сделаешь, я тебе пальцы переломаю. Понятно?

Лицо детины вытянулось, будто он не при чем и понятия не имеет, о чем речь. Разведя руками, он выдохнул:

— А что я? Я вообще ничего.

— За зад меня тоже не ты лапал? — с той же нарочной любезностью поинтересовалась Ада.

— Так я не лапал, — с жаром заявил Миха. — Я оказывал незаменимую услугу. Коэффициент полезного действия вырабатывал.

— Ты со своим коэффициентом сходи в квартал шпилек, — предложила Ада. — А то он у тебя из штанов выпирает.

— Ничего не выпирает, — отозвался Миха, на всякий случай мельком опустив взгляд себе на передний шев штанов. — Я ж ради общего дела стараюсь. Тяжести поднимаю.

Глаза блондинки покруглели, как два блюдца, она выдохнула:

— То есть, я толстая?

Даже Катя, несмотря на очевидную неприязнь между девушками, в этот момент сокрушительно покачала головой, а я толкнул Миху под бок и сказал:

— Не время. Полезли.

Следующим под сердитыми взглядами Ады вылез Миха, потом вдвоем под ворчание блондинки в его адрес мы вытолкали Катю, следом выбрался я.

Нос очумел от запахов горячей смазки, раскаленного металла, озона, чемоданов и десятков людей разной конституции. Помотав головой, я потер лицо и помассировал крылья носа. После чего огляделся. Сверху вокзал просматривается во все стороны. Позади поезда несколько рельсовых полотен уходят в песчано-каменистую даль, с другой стороны локомотив теряется в широких квадратных воротах. Пока раннее утро, темно, и есть шанс пробраться в город по крышам вагонов незамеченными.

Кивком я указал вперед.

— Пригнулись и как мыши пошуршали.

— Мог бы и спасибо сказать, — заметила Ада.

— Я и сказал, — ответил я.

— Когда?

— Да вот только что, — с улыбкой отозвался я. — Спасибо.

Хихикнув, блондинка подсогнула колени и, оттопырив обтянутый штанами зад, направилась за Михой, который, как пустынный альфа-козел, ломанулся к носу поезда.

— Я ей не доверяю, — пробурчала Катя, проходя вперед меня.

Придерживая ее за локоть, я двинулся следом.

— Не доверяй, — посоветовал я.

Катя покосилась на меня через плечо, осторожно обходя заграждение солнечной панели.

— Ты мне не веришь, — с пониманием произнесла она. — Ада эффектная. И помогает. Но… Не знаю. Не нравится она мне.

— Ну… — заметил я, обходя загородку, — девушка она и правда красивая.

Катя не обернулась, но в утренней мгле ее плечи передернулись.

Мы двигались бесшумно. Внизу гомонили пассажиры, отдавали команды коменданты, кто-то куда-то бежал, гремели тележки и приставные ступеньки. Полоска света на горизонте ширилась, что значит шевелить ногами нужно активнее. Я поторопил Катю, а та фыркнула:

— Думаешь, коменданты полезут на крышу?

— Полезут, если увидят нас на ней, — ответил я, придерживая ее за руку, пока она перебиралась на следующий вагон. — А это произойдет, если не успеем до рассвета. Нас тут как на ладони будет видно.

— Успеем, — отозвалась девушка, — Все равно проводник им наплел с три короба.

— Откуда знаешь?

— Слышала.

— Когда успела? — удивился я, перепрыгнув следом.

Катя смахнула затянутые в хвост волосы за спину и ответила неоднозначно:

— Некоторые внимательно слушают, а не пялятся на всяких.

Прикидывая, когда это проводник успел наплести комендантам так, чтобы Катерина могла подслушать, я ответил:

— Ну почему на всяких. Я и не на всяких могу пялиться. Если есть на что.

На это Катя хмыкнула, вроде не довольно, но спину распрямила, а плечи расправила. Девушки создания неоднозначные, могут улыбаться, а потом зарядить по морде. А бывает наоборот, орет чего-то на своем птичьем, а после придет и приласкается. Главное не пытаться понять, а просто любить и защищать, потому что, как говорил опекун, если женщина тебя по-настоящему выбрала, она за тобой и на край пустыни поедет.

К носу поезда мы добрались, когда небо побледнело и обрело бирюзовые оттенки. У края локомотива ада с Михой о чем-то шепотом спорили.

— Если тебя увидят первым, могут появиться вопросы, — вещала Ада.

Миха перегородил ей путь и сказал:

— А если там будут коменданты, тебя, чего доброго, поймают. Придется за тебя вступаться, а это нас раскроет.

— Да с чего им меня ловить? Я в Рязна граде, как ящерка в песке, — изумилась блондинка. — Никто ко мне приставать не будет. Тем более сам посмотри.

Она кивнула вниз. Локомотив отдыхает в небольшом депо, впереди еще приличное расстояние до отбойника, чтобы при необходимости уместить весь состав. По краям полупустые перроны, время от времени пробегают носильщики и работники станции, но комендантов не видно. Судя по всему, все заняты пассажирскими вагонами.

Поправив рюкзак на спине, я проговорил:

— Поспорите потом. Спускаемся. Тихо, по одному и на правую сторону.

Обычно на таких локомотивах лестницы по обеим краям, но справа перрон ближе, а чуть дальше по диагонали широкие двери, скорее всего либо в город, либо еще куда. В любом случае, нам в первую очередь нужно покинуть перрон.

Под недовольные шепоты Ады и Михи, мы спустились с крыши поезда.

— Куда ведет та дверь? — спросил я.

Бросив на Миху сердитый взгляд, Ада ответила:

— На привокзальную площадь, конечно.

— Отлично. Там мы и затеряемся, — сказал я и, сделав знак рукой, чтобы следовали за мной, быстрыми перебежками двинулся к дверям.

До нее оставалось метра три, когда мой нос учуял спиртовой запах чужака, а Катя позади шепнула:

— Там кто-то идет.

Уточнить, как она это поняла не успел, дверь открылась и в вестибюль депо шагнул мужчина ростом на полторы головы выше

меня, и с плечами шире Михиных. Судя по опухшему лицу, заплывшим глазам, которые косятся то в одну, то в другую сторону, пил этот бугай не томатный сок. Но на ногах стоит уверенно.

Сперва он посмотрел на Миху, затем на меня, а после перевел взгляд на Катю, которую я прячу за спиной, и прогудел басовито:

— Кто это у нас тут?

Я шагнул вперед, перегораживая Катю полностью.

— Мужик, иди куда шел.

Осоловелый взгляд бугая снова переполз на меня, понимание в глазах читается, но замедленное и недоброе.

— А я уже пришел. В шпилечную, — произнес он веско и попытался отодвинуть меня массивной ладонью.

С места я не сдвинулся, хотя устоять оказалось сложно — масса бугая такая, что зрелого козла поднимет, как пушинку. Сохраняя внешнее спокойствие, внутри я напрягся, кровь закипела, а мышцы налились.

— Ты дверью ошибся, — произнес я миролюбиво, но на бугая посмотрел прямо и с вызовом.

Тот глянул сверху вниз и с пренебрежением выдохнул, обдав меня зловонным дыханием. Затем сально осмотрел Аделаиду, которая прячется за Михой.

— Чет ты врешь мне, парень, — прогудел он, растягивая слова, — тут вон какие красотки. Значит шпилечная. Думаешь, мало заплачу? Да у меня вон сколько рубов!

Для наглядности бугай сунул пальцы в карман дырявых на колене штанов и вытащил раздутый кошелек, сообщив заплетающимся языком:

— Заработок был. Имею право расслабиться. Говори, сколько твои шпильки стоят. Возьму обеих. Меня на двоих хватит.

То, что потасовки не избежать, я догадывался, но опекун учил: «лучшая победа в драке — не допустить драки», так что еще раз попытался донести ему мысль словами.

— Повторяю тебе, — сжимая до хруста кулаки, проговорил я, — это не шпилечная. Оглянись.

Нехотя бугай покрутил головой, но надежда на его здравый смысл рассыпалась в песок, когда он, кривясь на одну сторону, фыркнул.

— Ну и чо? Я плачу. Давай своих девок.

С Михой мы успели переглянуться и обменяться сигналами до того, как бугай двинулся на меня, прогудев:

— Жадный?

Быстрым для такого увальня рывком он ухватил меня за ворот куртки, жесткая ткань натянулась подмышками.

Дальше все происходило молниеносно и на рефлексах, спасибо регулярным тренировкам: одной рукой я ухватил бугая за запястье и надавил на болевую. Тот заорал, его взгляд резко прояснился, а я другой рукой ударил снизу в локоть. Захват в миг ослаб. Пользуясь моментом, я шагнул вперед и резко развернулся всем корпусом, не выпуская запястья бугая, после чего рванул вниз. Что-то щелкнуло, а бугай заорал от боли:

— Шворааа!!!

Катя позади взвизгнула:

— Ты ему руку сломаешь!

— Только вывихну, — отозвался я, утаскивая бугая на пол. — Миха, вяжи его!

Подскочивший сзади детина выверенным движением вырубил бугая. Когда тот обмяк, Миха притащил откуда-то веревку, но Катя опять жалостливо проговорила, прижимая ладони то к груди, то ко рту:

— Вы его так и бросите в вывихнутой рукой?

Глядящая на все с круглыми глазами Ада зыркнула на нее и, потрепав воротничок рубашки, потому как вспотела от напряжения, что видно по крохотной капельке на шее, выдохнула:

— Он хотел нас обесчестить, а ты ему помочь хочешь?

— Человек был не в себе, — не успокаивалась Катя. — Нельзя его так бросать.

— Откуда такие берутся, — проворчала Ада и с недовольством покачала головой. — Мальчики, делайте, как считаете нужным. Я бы его вообще отпинала в какую-нибудь канаву.

На бугая мне в целом плевать, вывихнутая рука — не страшно, вправят в любом медпункте, в Рязна граде таких должно быть полно, как и в любом граде. Будет как новенький и даже не вспомнит про нас, учитывая его осоловелую морду. Но взгляд Кати такой, что я не смог игнорировать. Пришлось с Михой повозиться и вправлять бугаю руку прямо здесь.

Аделаида бегала вокруг и ворчливо причитала:

— Вы правда будете этим заниматься? У нас времени в обрез. А если сейчас коменданты придут?

— Тогда побежим, — ответил я, понимая, что Ада так-то права и играть с судьбой в данной ситуации рискованно.

Но когда увидел, с каким восхищением на меня смотрит Катя, мысленно махнул рукой: справимся. Главное уберечь рюкзак с пчелой и определить в безопасность Катю.

Из-за массы бугая вправление руки растянулось на несколько минут. Только после этого мы с Михой его отволокли в угол между башнями из паллетов. Вязать не стали, смысла нет, поскольку он и так в отключке. Но в себя прийти может в любой момент.

Я поторопил всех:

— Теперь уходим.

На этот раз дверь выхода из вестибюля депо пропустила нас без проблем, и мы вышли на залитую утренним солнцем привокзальную площадь Рязна града. От смеси запахов дрезинного масла, жареных лепешек, людских тел и массы другого в голове на секунду помутнело. Пришлось ею помотать и на несколько секунд зажать нос, чтобы привыкли рецепторы. Только тогда смог оглядеться.

Человейников, как в Красном граде нет, но есть башни до пяти этажей, каменные, с квадратными окошками, в которых золотится отражение рассвета. На тротуарах блестят отполированные сотнями ботинок камни, дороги тоже мощеные. Что понятно — камень доступен всегда и везде. Люди бегут кто куда, дрезины парят по своим делам, а вдалеке крутятся ветряные мельницы и на опорах сверкают солнечные панели. Между ними на трубах малиновым цветом переливаются артефакты-аккумуляторы в шаровой защите. Это от непогоды, чтобы ни зной, ни ветер не испортили.

Катя слева от меня зачарованно охнула:

— Как красиво.

— Еще бы, — отозвалась горделиво Ада по правую руку от Михи. — Это тебе не пустыня с перекати-полем.

Я спросил Катю:

— Нравится?

— Очень, — призналась она.

В груди засаднило, но я промолчал. Если так, то как бы ни хотелось взять ее с собой, здесь и придется ее оставить. Ласковую,

мягкую и нежную, чтобы жила в комфорте и безопасности. Вместе с Михой, чтобы приглядывал, он ее давно знает и не оставит в беде. А Ада поможет по-женски. У женщин это происходит на каком-то особом языке.

Я вознамерился рвануть через площадь и поискать постоялый двор, но Ада мне перегородила путь пышной грудью.

— Погоди, красавчик.

Глава 12

Когда Аделаиде удалось привлечь внимание, она продолжила:

— Я не шутила, когда предлагала помощь.

Мимо пронеслась дрезина доставщика, у которого за спиной короб больше, чем он сам, воздух от них завихрился и волосы блондинки эффектно вскинулись.

— Ну допустим, — согласился я. — Что взамен?

Похлопав ресницами, Ада надула губы и сказала:

— По-твоему я не могу помочь просто так?

— По-моему нет, — усмехнулся я, поглядывая на ее выпяченное великолепие под рубашкой.

Расплывшись в улыбке, она ответила:

— А зря. После того, как вы храбро спасли нас от того верзилы, я просто не могу ответить черной неблагодарностью. Правда, Андрей, Миха, у меня есть возможность. Не откажите принять такую скромную благодарность.

То, что Катю она не упомянула, от моего внимания не ускользнуло, видимо полагает, что решений девушка не принимает. Что недалеко от правды, и все же я уточнил:

— Нас трое.

И указал на Катю, которая так очаровано глазеет по сторонам, что не заметила, как ее пытаются исключить из уравнения.

Ада закатила глаза.

— Ну конечно трое, — проговорила она, складывая руки под грудью. — Я умею считать. Так что? Будете стоять здесь или пойдете со мной туда, где есть еда и чистая постель?

Переглянувшись с Михой, я пару секунд подумал и кивнул. Помогать нам ее никто не заставлял, могла, как все, сойти с поезда и отправиться по своим делам. Это немного настораживает, но, с другой стороны, она рисковала, выводя нас из вагона через вентиляцию: если бы ее поймали с нами, тоже наказали бы.

Аделаида буквально расцвела, как помидорный куст.

— Ой, как я рада, — прощебетала она и повела нас через площадь.

Та быстро наполнялась народом, поскольку день занимался и люди шли по своим делам, спеша закончить их до наступления пекла. В граде, когда солнце в зените, никому не охота шастать под палящим зноем. Не понятно, где хуже: в пустыне, на безлюдных территориях, когда не знаешь, где добыть воды, или в граде среди раскаленных каменно-металлических зданий.

В Рязна граде я впервые, но принципы градоустройства и инфраструктуры везде примерно одинаковые, так что вокруг я посматривал с интересом, но без восторга. Чего не скажешь о Кате, которая невинной козочкой таращилась по сторонам и вертела головой, время от времени налетая на прохожих. Я только успевал ее дергать на себя. В конце концов взял за руку и крепко сжал.

— Будешь идти рядом, — сообщил я строго.

Щеки Кати порозовели, она покивала и посеменила сбоку, продолжая рассматривать град.

Миха шел с видом напускного безразличия и важности, спина прямая, широченные плечи расправлены, подбородок вперед. Но нет-нет, да покосится на особо вычурно построенную пятиэтажку, раскрашенную дрезину или девушку в юбке, едва прикрывающую бедра.

— Одеваются тут, как я посмотрю, не так, — проговорил он, провожая взглядом очередную девицу в мини, когда мы перешли на тротуар и двинулись вдоль площади.

Ада пожала плечами.

— В граде как-то попроще к этому относятся. Хочешь мини — надевай мини.

— И что? Не пристают? — удивился Миха. — Кочевники всякие или просто, ну… Ты поняла.

— Если надеваешь мини, надо уметь за себя постоять, — сообщила Ада бойко. — Я быстро это поняла. В Красном граде, говорят, служебники блюдут безопасность. Здесь немного иначе.

Я поинтересовался:

— Это как?

— Местные коменданты следят за порядком, — пояснила блондинка, — но ты и сам должен не лезть на рожон.

— Это везде так, — со знанием дела, отозвался Миха.

Ада неоднозначно покачала головой.

— Со своими нюансами, — сообщила она.

Мы повернули за угол, запахло выпечкой, вареной картошкой и тушеными помидорами. Значит где-то пекарня. Я втянул дразнящий запах, в желудке негромко квакнуло. Полноценно ел я еще у Никифора, в остальном сухпаек. А им не то, чтобы наешься до отвала.

Как я почесал на ходу живот, Катя заметила и нырнула пальцами в карман. После чего вытащила мешочек и протянула мне.

— Поешь, — предложила она негромко.

Хотел сказать, чтобы оставила сухпай себе, еще пригодится, но она так преданно на меня посмотрела, но не смог отказать.

— Спасибо, Катенька, — сказал я и вытянул из мешочка длинную сушеную картофелину с солью.

На лице брюнетки засветилась робкая улыбка, а я притянул ее поближе, чтобы не налетела на долговязого прохожего, и отправил картофелину в рот.

— Ты тоже пожуй, — предложил я.

— Я попозже. Обязательно.

Вышагивающая левее Ада поправила пышные волосы и произнесла значительно:

— Ничего, красавчик, сейчас дойдем и ты забудешь об этих сухих ошметках, как о страшном сне.

— Пожрать бы нормально, это да, — поддержал ее Миха. — Воды чистой.

— Будет тебе и то, и другое, — победно отозвалась Ада.

Зато Катя помрачнела и отвернулась, из-за чего споткнулась и едва не упала, но я успел подхватить.

— Спасибо, — негромко поблагодарила она. — Но я не такая беспомощная, как тебе кажется.

— Знаю, — ответил я. — Беспомощная бы не уперла у служебников артефакт и не ехала бы в багажнике дрезины.

Мы прошли еще минут десять, после чего повернули и оказались напротив двухэтажного здания из больших каменных блоков. На первом этаже невысокая дверь, над ней вывеска «Постоялый двор номер один», на втором — стекленые окна, что говорит: постоялый двор не бедствует. Впрочем, и Рязна град не на последнем месте в стране.

Ада довольно сообщила:

— Пришли.

Дверь на постоялый двор она толкнула по-свойски и вошла, как к себе домой. Людской гомон и гогот обрушился со всех сторон, характерные запахи кухни, пропотевшей одежды и смазки для дрезин защекотали ноздри. Я чихнул. На чих обернулась вся столовая, сразу затихло.

В минутной паузе пришлось миролюбиво поднять ладони и проговорить:

— Песок в нос попал.

Мое объяснение никого не впечатлило, народ остался на местах с суровой пытливостью взирать на меня, иногда переводя взгляд на Аду. Лишь когда блондинка широко шагнула вперед и приветственно помахала, расплываясь в лучезарной улыбке, напряжение немного спало.

— Всем привет! — возвестила она и кокетливо уперла кулачок в бок. — Аделаида, звезда Бетонного переулка, вернулась. Доставайте свои рубы, я привезла вам обалденных безделушек. Эй, Рудый, налей всем по кружке грибного кваса за счет заведения!

Присутствующие радостно грянули, поднимая пустые кружки, и с одобрением застучали кулаками по столешницам. Лица расплылись в довольных улыбках у всех кроме Рудого, который бармен в этой столовой. Сухотелый парень чуть старше меня, на загорелом теле расстегнутая жилетка, руки перетянуты узлами небольших, но выпуклых мышц. Лицо острое, масляно-темные глаза смотрят внимательно и цепко. Он больше похож на кочевника, чем на жителя града.

Пока приближались к стойке, бармен с надвинутыми бровями протирал полотенцем кружки и оценивающим взглядом ползал по нам, а когда подошли, сказал Аделаиде недовольно:

— Квас за всех будешь оплачивать сама.

Облокотившись на стойку, блондинка оттопырила зад и ответила:

— И оплачу. Скоро я вообще смогу оплатить все, что захочу.

— Навпаривала простакам своего мусора? — хмыкнул бармен, чуть смягчаясь. — Или задумал чего?

— Это все потом, — просияла Ада и обернулась к нам. — Знакомься, это мои новые друзья. Андрей, Михаил и… Катя.

Пока бармен с изумлением поднимал брови, она повернулась к нам и представила его:

— Это Рудый. Мой хороший приятель. Доверяйте ему так же, как мне.

Судя по в миг нахмурившемуся лбу, этот расклад рудому не понравился. На Аду он покосился недовольно, даже хищно, но она зыркнула так, что бармен только фыркнул, как раздраженный верблюд, и проговорил:

— Друзья Ады — мои друзья.

— Вот и прекрасно, — любезно прочирикала блондинка и постучала крепкими ноготками по столешнице. — Ты теперь барменом подрабатываешь? Чего за барной стойкой стоишь?

Сухое лицо Рудого исказилось в горделивой улыбке.

— Выкупил первый этаж. Теперь весь постоялый двор мой.

Ада просияла.

— Поздравляю! Это надо отметить!

— Отметим, когда долг мне вернешь, — хмыкнул Рудый, скользнув по ее груди выразительным взглядом.

Ада отмахнулась от него, как от прилипчивой пылинки, и отозвалась:

— Верну. Можешь не беспокоиться.

— А я и не беспокоюсь. Куда ты от меня денешься.

На месте блондинки я бы воспринял это как угрозу и напрягся, но та снова отмахнулась и, поправив волосы, сказала:

— Рудый, нашим друзьям нужно жилье и пища.

Продолжая натирать кружку, бармен оглядел нас с головы до ног, особое внимание уделил Кате, Миху осмотрел с настороженностью, что понятно — плечи и кулаки детины вызывают уважение. Сразу и не догадаешься, что пользуется он этими кулаками, как дите малое. На меня Рудый посмотрел вскользь, видимо решив, что опасности я не представляю.

Он отставил стакан и взялся за другой со словами:

— Отведи их наверх. Там есть свободная комната. За прокорм и проживание отработка. Девушка пускай по кухне помогает, верзила… Миха? Верно? На входе вышибалой. А третий… Андрей? Что умеешь, Андрей?

— Всего понемногу, — ответил я, прямо глядя на Рудого, чья деловая хватка полезна в ведении постоялого двора, но мне не понравилось, как вцепилась в нас. Впрочем, на дворы заходит разный народ, приходится держать нос по ветру, хвост арбалетом, а под столешницей — дубину. Или чего покрепче.

Так что позицию Рудого понять можно. Даром что рожа его не нравится, но кто знает, какой бы была моя физиономия, живи я его жизнью.

— Всего понемногу — это хорошо, — после небольшой паузы ответил Рудый. — Значит мне будешь на баре помогать. Мордой лица ты вроде вышел, девкам такие нравятся. Верно, я говорю, Ада?

Хихикнув, Ада охотно закивала, после чего отлипла от столешницы и направилась в сторону бетонных ступенек, приглашая за собой.

Комната, в которую она нас привела, удивила чистотой. Я рассчитывал увидеть здесь что-то чуть лучше козлятника, но три одноместные кровати, аккуратно застеленные простынями, коврики под ними на бетонном полу и занавески на окнах дали надежду, что не все так мрачно, как представлял.

— Располагайтесь, — прочирикала Ада и сделала пригласительный жест. — Я обычно живу в комнате с самого края у лестницы, напротив комнаты Рудого. Пока отдохните с дороги. Ну и, если что, заглядывайте. Я буду очень рада.

На последнем предложении она сделала акцент и ясно улыбнулась мне, после чего, вильнув вскинутым задом, развернулась и покинула комнату.

Довольный, как румяный чайник, Миха шагнул к ближней кровати бухнулся на нее, закинув за голову руки.

— А нормальная девка оказалась, — констатировал он и расплылся в улыбке. — Я-то думал, с такими… Ну… Вы поняли… Только шпильки бывают. А эта нет.

Молчаливая Катя засопела и прошла к дальней койке у окна. Заняв ее, она стала перекладывать девичьи вещи в сумке.

— Это еще проверить надо, — заметила она хмуро.

— А ты не ревнуй, — хохотнул Миха. — Ты все равно наша Катенька.

— Еще бы я ревновала, — фыркнула Катя, но щеки порозовели.

— Вот и не ревнуй, — снова усмехнулся детина. — Но Ада — огонь. Ох и помял бы я ей… Ой, Катенька, не слушай. Я говорю, Рязна град мне уже нравится.

Цокнув языком, Катя укоризненно покачала головой, пока я занимал кровать слева от входа, предварительно заперев дверь на ключ. Приличные девушки в таких разговорах обычно не участвуют, или участвуют, но делают вид, что очень смущаются или возмущаются. Хотя опыт подсказывает, это для вида, и темы ниже пояса им интересны не меньше нашего. А то и больше, если послушать сплетни девушек с этажа обучения.

После изматывающей дороги мы спали несколько часов к ряду. С Михой договорились просыпаться по очереди и проверять, все ли в порядке, поскольку Ада и Рудый вроде гостеприимны, но место незнакомое, лучше быть готовыми, чем не быть.

Но до самого вечера нас никто не трогал, только часам к шести в дверь негромко постучали, голос Ады сообщил, что поесть нам оставили в кухне. Катя спала, Миха при упоминании о еде, пришел в такое воодушевление, что ринулся к двери прямо с кровати.

— Я верблюда готов сожрать, — сообщил он, открывая дверь.

— Тогда я схожу, как ты вернешься, — ответил я. — Не хочу Катю оставлять одну.

Миха строго зыркнул на меня.

— Если чего удумаешь — не вздумай.

Я выпучился на него.

— С ума сдурел?

— Это я на всякий случай, — отозвался Миха. — Чтобы не повадно было.

— Лучше по сторонам смотри, — посоветовал я.

Когда Миха ушел, я вытащил из-за головы рюкзак и проверил сохранный артефакт. Пчеломатка с остальными пчелами в нем лежит так же безмятежно, как и в первый день. Если кто-то в Рязна граде узнает, что у меня в рюкзаке такое сокровище, охота начнется уже совсем на другом уровне. Сообщение между градам обеспечивается только артефактами связи, наверняка сразу найдется тот, кто доложит обо всем Лютецкому. А тогда Катя и Миха рядом со мной в безопасности не будут совсем. Так что правильнее всего мне быть от

них подальше. Рязна град не такой громадный, как Красный град. Здесь Кате будет удобно.

Решив, что разведав подробнее обстановку, я оставлю Катю с Михой обживаться, я убрал артефакт в рюкзак.

Пара следующих дней прошли на удивление спокойно. За барной стойкой раздавать напитки, еду и кислородные баллоны оказалось, куда проще чертежей, которые я оформлял на этаже разработок в Оазис-Техно. Михе на дверях стоять понравилось, он выкатывал колесом грудь и раздувался от важности, как гусь, когда проверял документы у подозрительных гостей. Катя на кухне прижилась, две местные женщины быстро ее взяли под крыло. Она порывалась и здесь петь на сцене, но мы с Михой отговорили.

— Сперва нужно обосноваться, — убеждал я. — Если петь, то не на постоялом дворе, а где-то на нормальной сцене. А тут к тебя опять начнут цепляться кочевники и отребье. Мы-то с Михой отобьём. Но оно тебе надо? Не для такого ты, Катенька, создана.

С недовольным вздохом Катя согласилась. Что не удивительно: едва ли ей хотелось выступать перед мужиками, которые сально на нее смотрят.

Аделаида порхала вокруг нас, как бабочка, которых я никогда в живую не видел, но от опекуна наслышан об их окрасе и легкости. Она организовала нам разрешения на пребывание в городе, чтобы при встрече с комендантами не возникало вопросов, притащила к нам в комнату столик и несколько табуреток.

— Так уютнее, — сообщила она, расставляя их по какому-то только женщинам понятному принципу вокруг стола, пока Миха и Катя отсутствовали. — Уют же он с женской руки делается. И пахнет по-особому.

Я в этот момент передвигал по просьбе Кати ее кровать подальше от окна, чтобы с утра ядреное солнце не светило в глаза.

— Угу, — машинально отозвался я, — пахнет.

— Значит здесь будет пахнуть моим уютом, — проговорила она из-за спины.

— Будет, — снова согласился я, подсовывая плоский камешек под ножку кровати, чтобы не шаталась.

Прежде, чем голос Ады раздался снова, ее сладковатый запах стал особенно выраженным, что значит стоит она прямо за спиной.

Развернувшись, я глянул на нее сверху вниз, а блондинка заулыбалась загадочно и широко.

— Какой ты чуткий, — проговорила она. — Угадал, что я сзади.

— Топала громко, — нашелся я.

— Вообще-то я на носочках подошла, — усмехнулась девушка, игриво накручивая локон на палец. — В прошлый раз нам помешали. Может, закончим, что начали?

— Может и закончим, — любопытства ради ответил я.

С девушками проблем у меня никогда не было, но вот так напрямую они обычно себя не предлагали. Кроме шпилек. С этими понятно, но Ада, как выяснил Миха, не из них, и по-человечески интересно, куда ее занесет.

Шагнув ко мне вплотную, Ада потянулась к моим штанам, но дверь в комнату открылась, на пороге возник Миха, взмыленный и взъерошенный.

— Вы чо тут делаете? — вдохнул он в запале. — Андрей, пошли со мной. Там драка. Надо подсобить.

Губы Ады кисло скривились, а я хмыкнул и, пожав плечами, метнулся за Михой.

Драку на постоялом дворе мы усмиряли впятером. Я, Миха, рудый и еще двое активных постояльцев. Зачинщиками оказались передышавшие кислорода кочевники, которых после мы благополучно сдали комендантам.

Еще пара дней прошли спокойно, я уже начал обвыкаться и замечать, что Катя освоилась. Миха тем более. Этот вообще будто родился на постоялом дворе Рудого. Что означало — мне пора идти дальше, поскольку срок жизни пчеломатки, пусть даже в сохранном артефакте, ограничен.

Уйти решил вечером, нацарапав мелком на металлической табличке прощальную объяснительную для Михи и Кати. Постарался, чтобы они поняли — делаю я это в целях их же безопасности. За мной и так хвост из служебников, которые давно не появлялись, и не ясно хорошо это или нет. Полюс возложенная Никифором миссия, конец которой смутен и непрогляден. Им здесь безопасней, чем со мной.

Это я и постарался уложить в несколько предложений на табличке, которую оставил на столе. После чего вышел из комнаты, бесшумно затворив дверь.

По коридору тоже двигался тихо, чтобы не беспокоить постояльцев. Когда проходил мимо дверей комнаты Ады, пахнуло привычной сладостью ее тела, с которым у меня не сложилось, возможно, к счастью. Я бы прошел и дальше, не услышь, как она с кем-то перешептывается. Замедлившись, механически прислушался.

— Да, все так, — разобрал я негромкий быстрый шепот. — Трое. Возможно все. Один точно. Вторая под вопросом, но кажется тоже да. Третий непонятно. Но вам же и двоих более, чем достаточно. Верно?

Глава 13

В голове запульсировало, я прислушался и заглянул в дверную щель. В полумраке комнаты Ада склонилась над смартфоном, к задней стенке которого прикреплен прямоугольный артефакт связи. Судя по тому, как активно переливается зеленью его ядро, сеанс коммуникации в самом разгаре. Лицо Аделаиды подсвечено купоросным цветом, черты от него резкие, а кожа неестественно бледная.

— Да говорю же, — продолжила кому-то сообщать она в смартфон, — один стопроцентно с геном-мутантом.

Мне пришлось сильно напрячь слух, чтобы разобрать голос из динамика.

— Уверенны, что это они?

— Вы говорили, про девушку и двух парней, — ответила Ада. — Думаете часто такая компания путешествует в поездах через пустыню?

— Такое возможно, — нехотя отозвался голос из динамика. — Но, учитывая информацию, это скорее всего они.

— Я в этом уверена.

— Задержите их как можно дольше, — последовал приказ из динамика. — Нам потребуется некоторое время, чтобы добраться из Красного града в Рязна град.

С охоткой закивав, Ада усмехнулась:

— Да они уже обжились. Никуда не денутся.

— Оазис-Техно рассчитывает на вас, Аделаида, — произнесли ей в ответ.

На что блондинка проговорила без запинки:

— Знаю. Надеюсь, вы не забудете о своих обещаниях. Я собираюсь восстановить материнский постоялый двор и расквитаться с долгами.

— Если трое окажутся теми, кого мы ищем, и мы их заберем, вам выплатят всю оговоренную сумму, — сообщили из динамика.

— Это точно они.

По мере течения разговора, по позвоночнику у меня тек холодок, а в голове разгоралась обжигающая мысль — Ада нас предала. Продала.

Лютецкому. Сомнений в том, что она говорит с его служебниками нет, лишь они разговаривают сухими чеканными формулировками.

Я попятился обратно к комнате, торопливо обдумывая план действий. Рязна град больше не безопасен, а с учетом интереса Алексея Лютецкого ко всем троим, не безопасно будет в любом граде, до которого он может дотянуться. То есть до любого. Оставлять Катю и Миху здесь нельзя. Для чего мы им нужны — непонятно, но было бы неплохо выяснить.

С этими мыслями я толкнул дверь. Катя в простой ночной рубахе, такая домашняя и уютная, таращилась на исписанную мелом табличкой в руках. Когда шагнул внутрь, обернулась на меня с круглыми глазами и растерянным взглядом. Губы приоткрылись, она выдохнула:

— Ты нас бросил?.. Почему?

Миха храпел на кровати, закинув руки за голову, во всю луженую глотку так, что дрожали стены. Я метнулся к нему и с силой потряс за локоть.

— Вставай. Уходим, — скомандовал я коротко.

Когда детина разлепил веки, недовольно чмокая губами, я прыгнул к сумке Кати и сгреб в нее все, что стояло на столе.

Миха, переворачиваясь, сладко пробормотал:

— Еще рано. Еще пять минуточек…

Я сунул оторопевшей Кате ее сумку в руки и быстро проговорил приглушенно:

— Одевайтесь. Бегом. Сюда едут служебники.

Катя охнула, едва не выронив сумку, а Миха сперва пытался устроиться поуютнее, пряча пальцы подмышки, но через пару секунд резко открыл глаза и подскочил.

— Что значит «служебники»? Почему?

— Ада нас продала, — сообщил я и схватил его рюкзак, а затем перебросил детине.

Тот поймал на лету и тупо посмотрел на него, потом проморгался, сонная пелена спала, он в миг затолкал в него сухпаек со стола и закинул на спину.

— Вот швора, а? — сокрушенно выговорил Миха и покачал головой. — А такая красивая девка.

— Согласен. Зачем только Лютецкому это надо? — бросил я, подбежав к окну и осторожно выглядывая.

Там темнеет, Рязна град живет привычной жизнью. Которая из дневной превращается в ночную, а значит комендантов на улицах станет меньше. Это, с одной стороны, хорошо — меньше шансов нарваться на их проверку. С другой всякое отребье любит вылезать именно ночью.

— Катя, ты готова? — спросил я, краем глаза косясь на нее.

Та каким-то чудом умудрилась незаметно и быстро переодеться в дорожные штаны, рубашку и курточку.

— Готова, — сообщила она негромко и надела через плечо сумку.

Слева приблизился Миха и тоже заглянул в окно. Там над тротуарами уже зажглись дрожжевые фонари. В Красном граде используют солнечные панели и арт-аккумы, так светит ярче и дольше. Но для Рязна града это дорого. Дрожжевые хоть и бледнее, но светят стабильно и не требуют дополнительного бюджета.

— Какой план, командир? — спросил негромко Миха, и я дернулся.

— Да какой я командир.

— Внимательный, — отозвался Миха.

Командиром быть не хотелось, но, если до них доберутся служебники, едва ли будут в игрушки играть. Одно дело оставить их в Рязна граде жить спокойно и мирно, другое — бросить на расправу служебникам, которым не пойми что надо.

Миха поглядел на тротуар за окном, по которому в даль уходит одинокий прохожий и спросил:

— А чего эти служебники гонятся-то?

— Знал бы сам, сказал бы, — ответил я. — Выясним. Не просто так этим ищейкам приспичило гнать через пустыню. Надо бежать.

Убедившись, что улица достаточно опустела, мы покинули комнату и на носочках двинулись по коридору. Катя держится позади меня, по запаху чувствую, как дрожит и волнуется. Когда проходили мимо комнаты Ады, дверь уже оказалась закрытой. Значит либо легла спать, либо спустилась в столовую. Лучше бы первое.

— Хорошо бы через черный ход, — шепотом предложил Миха. — Ну, тот, на кухне, через который картоху привозят.

— Знаю я, где черный ход, — таким же шепотом отозвался я, осторожно ступая на бетонные ступеньки.

Миха позади отозвался:

— Кто вас оазисных знает, может у вас черный ход другое означает.

— Миха, тут девушка, — напомнил я.

Он хмыкнул.

— Да она в «Медном ковчеге» такого понаслушалась. Поди не завянет.

— А если завянет?

— Ну тогда я виноват.

— То-то и оно, — отозвался я и очень медленно наклонился, выглядывая из-под перил.

В столовой пусто, только один постоялец засиделся в дальнем углу. Вернее заснул, что понятно по тому, как он, откинувшись на спинку, громогласно храпит. За барной стойкой пусто.

— Рудого нет, — сообщил я. — Двигаем.

Под рулады постояльца мы беззвучно спустились по лестнице и нырнули под нее в двери кухни. От густых запахов заныло в носу, я покривился, в таком облаке захочешь — ничего не учуешь. Но в кухне тоже пусто и тихо, что радует. В желтоватом свете дрожжевой лампы в середине помещения блестит столешница и посуда, в окне зияет темнота. Дверь второго выхода прикрыта, но замка нет, значит, не запирают.

— Отлично, — скомандовал я. — Нужен транспорт. Миха, если найдем дрезину, заведешь?

— Легко, — с уверенностью ответил детина.

Кивнув, я двинулся вперед, но едва сделал пару шагов, как Катя положила мне пальцы на локоть и прошептала:

— Кто-то идет.

Мы с Михой переглянулись. Он пожал плечами, похоже тоже ничего не услышал. Я принюхался, но сквозь тяжелые кухонные запахи ничего не разобрал.

Задачу поинтересоваться, откуда Катя знает, что кто-то идет, отложил в загашник, потому что задняя дверь открылась, и в кухню шагнул Рудый с арбалетом в руках. Стрела нацелилась прямиком мне в

грудь, я застыл, перекрывая собой Катю, Миха позади тихо выругался, а губы Рудого расползлись в ухмылке.

— Это куда вы, гости дорогие, намылились на ночь глядя? — спросил он буднично.

— Да воздухом решили подышать, — ответил я, косясь на большой ковш на столешнице, которым можно заслониться от арбалета.

— Воздух — это хорошо, — согласился Рудый. — Но прогулку придется отложить.

— Не хотелось бы.

Он сдвинул плечами.

— Не все идет, как вам хочется. Присаживайтесь, чего стоите? В ногах правды нет.

— Ее и в табуретках нет, — отозвался я мрачно и под прицелом арбалета медленно оперся задом на край табуретки.

Остальным тоже пришлось прижать филе к стульям: Михе позади меня, а Кате в углу сразу за дверью. Внешне я постарался выглядеть смирным, но сам быстро продумывал план атаки. Все-таки нас двое парней, скрутить Рудого возможность есть, главное его обезоружить. И в этом загвоздка — какой бы ни была моя реакция, арбалетная стрела быстрее. Насколько Рудый хороший стрелок не известно, может мазила, а может ас. Если увернусь, он промажет, но надеяться на случай тоже рискованно. Так что оптимально подождать момента и напасть сбоку.

Повисло молчаливое ожидание, но, когда я приготовился его нарушить, с нарочно лучистой улыбкой в кухню шагнула Ада.

— О, а вот и вы, — пропела она. — Что же вы, гости дорогие, платите черной неблагодарностью за гостеприимство? Решили смыться?

Рудый хмыкнул, не опуская арбалета.

— Погулять, говорят, собрались.

— Рекомендую повременить с прогулками, — елейно отозвалась блондинка. — Когда приедут служебники, тогда и прокатитесь.

Она обошла широкий стол и оперлась ладонью на него.

— Ты Мечников. Верно? — поинтересовалась Ада и взяла из подставки длинный овощной тесак. — Жаль, что у нас ничего не получилось.

— Закономерно, — ответил я.

Она театрально вскинула брови.

— И почему?

— Ты нас предала.

— Ой, ну зачем такие громкие слова? — хмыкнула блондинка, проводя пальцем по блестящей поверхности тесака. — Ты пойми, Мечников, в бизнесе нужно быть все время на чеку.

Краем глаза я следил за Рудым. Он все еще держит на прицеле меня, догадался, что я невольный лидер группы и, если обезвредить меня, остальные растеряются. Пусть не на долго, но этого достаточно, чтобы самострельный арбалет перезарядился.

— Почему ты нас сдала Лютовскому? — спросил я прямо, незаметно придвинувшись к большому ковшу.

Томно вздохнув, Аделаида откинула светлые волосы за спину и ответила:

— Понимаешь, Мечников, девушке в наше время нужно крутиться, чтобы не остаться с голым задом. За тебя объявлена награда в пятьсот тысяч рубов. Я же не могла упустить такой шанс. А за твоих спутников еще по пятьсот накинут. Я восстановлю постоялый двор маман. Будет лучше «Медного ковчега».

— Только из-за рубов? — спросил я, придвигаясь к ковшу еще ближе.

Она пожала плечами.

— Ничего личного, Мечников. В другой жизни мы начали бы совсем с другого.

— Я бы предпочел с тобой не начинать ни в какой жизни, — отозвался я.

Надув пухлые губы, Аделаида проговорила:

— Не будь таким букой. Рудый, отведи их в чулан и запри на амбарный замок. А то знаю я таких. Дай только щель, выскользнут. Служебники прибудут не раньше полуночи. Даже с их артефактами против времени не попрешь.

Кивком рудый приказал нам подняться и указал стрелой арбалета, чтобы двигались к небольшой двери справа от шкафа, у которого сидит Катя.

Выбраться из чулана, стены которого обычно делают из листов металла, почти невозможно. Я послал Михе быстрый взгляд, тот

коротко и едва заметно кивнул. После чего мы оба действовали быстро и слажено. Я рванул вперед и, швырнув в Рудого ковшиком. Тут же резко ударил вверх по руке и очень вовремя, потому что он нажал на спусковой крючок. Стрела сорвалась и, просвистев, с глухим звуком воткнулась в стык между металлическими пластинами стены.

— Они нужны живыми! — завопила Ада и кинулась на меня с скалкой, которую схватила с крючка, но я отмахнулся, вышибив ее из рук.

Миха подоспел в момент, когда Рудый вывернулся и с хищным оскалом выбросил мне в лицо кулак. Увернуться я успел, но не до конца, и костяшки пробороздили по скуле.

— Швора гнилая! — проревел он, когда Миха сцепил его руки в замок за спиной.

Лицо засаднило, я мазнул по нему ладонью, в эту секунду перед глазами мелькнул ботинок с массивными песочными протекторами, он пропнул меня в живот, но не сильно, поскольку я успел отпрыгнуть.

— Слизь верблюжья! — выругался Рудый снова, дергаясь в тщетных попытках вырваться из стального захвата детины. — Пусти, урод!

— Я вообще-то красивый, — обиделся Миха и сдавил его руки с такой силой, что в плечах Рудого хрустнуло.

Он зло захрипел, справа взвизгнуло. Оглянулся. Там Катя отчаянно сражается с Аделаидой, которая вооружена скалкой, но Катя вцепилась блондинке в руки, и девушки визжат и двигаются в каком-то замысловатом танце. Я дернулся вперед на помощь, в процессе прикидывая, как растащить сцепившихся кошек и не огрести самому, но Катя изловчилась и с силой пнула Аду в грудь. Блондинка отлетела, загремев в стеллаж с посудой.

— Ого, — впечатлился я.

Сдув со лба прилипшую прядь, Катя вытерла лицо локтем, в руке у нее осталась скалка.

— Я говорила, что гибкая, — гордо сообщила она.

— Сражен и побежден, — отозвался я с жаром.

Миха продолжал держать Рудого. Тот сопротивляться перестал, только смотрит ястребом из-под бровей и раздувает ноздри. Такому только дай слабину — кинется и порвет, как загнанный в угол зверь.

Быстро пошарив по стеллажам, я нашел веревку. Рудого связывали долго и нудно, он хоть и сухой, но дури в нем достаточно для пятиминутного сопротивления двум противникам. Только после того, как Миха крепко его пнул, тот немного успокоился, его удалось посадить на табуретку и привязать к ней.

— Вот сейчас и поговорим, — сообщил я.

После чего вытащили из завалов кастрюль Аделаиду. Блондинка изобразила обморок, но веки дергаются, а горло ходит вверх-вниз от глотков.

Я проговорил, усаживая ее на стул:

— Плохая из тебя актриса.

С неохотой она все же разлепила веки, Миха крепко стянул ей руки за спинкой стула и сокрушенно вздохнул.

— Эх, не в такой момент я бы тебя связывал, не в такой…

Она дернулась и зашипела на него, как песчаная гюрза.

— Руки от меня убрал! Животное!

Снова вздохнув еще горестней, Миха покачал головой и проговорил:

— Такая фигуристая. А во рту яд. Эх, Аделаида, у нас были бы такие красивые дети.

— Дети?! — взвизгнула блондинка с сардонической улыбкой. — Ты себя в зеркало видел? Где я, и где ты!

Миха пожал плечами с видом мудрствующего принятия.

— Я тут. А ты иди-ка в… Пустыню.

Приложив к ушибленной щеке холодный ковшик, я сел на табуретку напротив нее и проговорил:

— С брачными игрищами потом. Ты расскажи, зачем мы Лютецкому.

Подняв на меня полный презрения взгляд, Ада скривила губы.

— Думаешь, великий Лютецкий посвящает всех в свои планы?

— Ну, — пожимая плечами, отозвался, — я предположил, что ты какая-то особенная и знаешь больше других. Но, похоже, ты…

— …Обычная жадная тварь, — закончила Катя, подойдя слева, и сложила руки под грудью.

— Вам, девочкам, виднее, — проговорил я. — Значит, говорить не будешь?

Глаза Аделаиды сузились, губы попытались сжаться в полоску, но это сложно, они пухлые.

— Если бы я что-то знала, с чего мне вам рассказывать, — хмыкнула она. — Рубов с этого не заработать. А служебники Лютецкого предложили то, чего не предлагал никто. Так почему я не должна ему доверять?

Я предположил мирно:

— Может потому, что он со своим Оазис-Техно подмял под себя остатки мира после коллапса и не пытается его восстановить?

— Так может нечего восстанавливать? — усмехнулась Ада.

— Двойные у тебя стандарты. Ада, — заметил я. — Тогда и постоялый двор твоей маман надо под снос пустить. Так?

— Это другое…

— Почему? Ситуация та же, только масштабы другие. Для восстановления нужны рубы. Они у него есть. Но вместо этого Лютецкий всеми силами удерживает власть. А теперь еще гоняется за нами. Зачем?

Судя по наморщившемуся лбу в голове, блондинки зашевелились какие-то мысли, несколько мгновений она молчала, потом ответила:

— Не знаю. По кочевникам ходит слух, что Лютецкий разыскивает Андрея Мечникова и его спутников. Для чего — не знаю. Награда большая.

Ада замолчала, уронив голову, а мы втроем переглянулись. Яснее не стало. Разве что служебники как-то узнали про пчеломатку, но Никифор не тот человек, который проболтался бы о последней надежде человечества. Если информация о ней дойдет до Лютецкого его рвение станет значительнее. Но и сейчас вопросов не меньше.

— Понятно, — в итоге произнес я, поднимаясь. — Они больше ничего не скажут. Уходим.

Рудый, все это время хищно скалился и смотрел на меня зло.

Он проговорил:

— Вы не убежите. Служебники уже на подъезде. Они догонят. Вы даже из города не выйдете незамеченными. Ворота уже закрыты.

Глава 14

Уход из города это осложняло. Но оставаться на постоялом дворе значит добровольно сдаться в руки служебникам. Поэтому мы покинули его, как и собирались, через кухонную дверь. Ночная, живительная прохлада защекотала лицо, мы двинулись по брусчатому тротуару вдоль домов вниз по улице.

— У тебя есть конкретный план? — просил Миха, двигаясь справа, бесшумно для такого громилы. — Куда идем-то?

— Подальше от постоялого двора, — сообщил я. — Там нас будут искать в первую очередь.

Катя, которая не отстает с левого бока, проговорила:

— Но Рудый прав, ворота закрыты. Как выйти за стену?

Выбраться за стену действительно задача не из легких. В Красном граде стена охраняется хорошо, пустынные твари к ней подходят редко, но все же бывает.

Прикидывая на ходу варианты, я проговорил:

— Это не всё. Трое путников в пустыне — легкая добыча. Нам нужна хотя бы дрезина. Не весть что, но лучше, чем пешком по барханам.

— Ну допустим дрезину мы добудем, — с охотой проговорил Миха. — С этим справлюсь.

— Значит ищем песчаную дрезину, — констатировал я, и мы свернули с основной дороги.

Что очень вовремя: едва скрылись за углом ветер принес резкий запах металла, дрезинного масла и пота. Катя встрепенулась и развернула голову, прислушиваясь к чему-то.

— Кажется, это за нами, — оглянувшись, произнесла она.

Улица все еще пуста, из признаков только запах, но едва ли Катя так же чутко различает ароматы. И все же насторожилась она не меньше моего.

— Чутко, — похвалил я и жестом указал всем бежать.

Мы рванули вниз по ночному тротуару. Дрожжевые лампы освещают плохо, несколько раз Катя спотыкалась, пришлось ловить, чтобы не загремела, не стесала чистое личико и не потратила

драгоценное время. Когда добежали до очередного поворота в самом конце улицы, позади послышались голоса:

— Они не ушли далеко… Оцепите кварталы… Брать живыми…

Цапнув брюнетку за руку, я рванул быстрее за угол дома, куда освещение дрожжевого фонаря не достает, и бросил на бегу:

— Шевелим булками.

— Они перекроют улицы, — пыхтя рядом, отозвался Миха. — Я, конечно, биться горазд, но вдвоем…

— Втроем! — пискнула Катя.

Послышался снисходительный смешок Михи, он продолжил, сопя:

— Ну… Даже если втроем. Все равно не сдюжим. Их, поди, целая толпа.

По запаху, который услужливо приносит ветерок сверху, и так понятно, что преследователей гораздо больше, чем трое. Навскидку человек восемь. И это все, чтобы поймать нас. Много чести, однако.

— Не сдюжим, — согласился я, на бегу кивая. — И времени на тактику нет.

— Куда мы тогда бежим? — окончательно потерялся детина.

Мы свернули еще раз, тротуар стал широким, но освещенным только с одной стороны. Пришлось перебежать на другую сторону в темноту.

Брусчатка повела в направлении большого пустого пространства, вроде площади или поля, над которым на фоне звездного неба едва заметно покачиваются громадные черные пузыри. Попытался присмотреться, но кошачьего зрения у меня нет. Принюхался. Пузыри с подветренной стороны, но кое-что в воздухе все же уловил: тканный материал и газ. Сперва не понял, что это, потом дошло, я указал на пузыри и скомандовал:

— Туда.

Как загнанные верблюды мы пронеслись через неосвещенную территорию. Черные пузыри росли, а когда приблизились к первому, Катя изумленно охнула:

— Это что?!

Бросившись к корзине из плотных веревок снизу пузыря, я наклонил его, насколько смог, и пояснил быстро:

— Воздушный шар. Аэростат.

Катя чуть попятилась.

— Я туда не полезу.

На это Миха схватил ее, как ребенка и, пока она дрыгала ногами, запихнул в корзину, а сам спросил, перелезая через край:

— Ты как догадался?

— Один из комендантов в поезде говорил про праздник аэростатов, — ответил я и влез следом, быстро отцепляя веревку, удерживающую корзину.

Та качнулась и стала плавно, бесшумно подниматься в воздух. Миха упал на уплотненное чем-то дно корзины и впечатленно покивал.

— Ну ты головастый, — сказал он.

Катя его восторга не разделяла, она забилась в угол и поджала колени с круглыми перепуганными глазами. Шар продолжал неспешно подниматься. Внизу оставалась темнота, едва подсвеченная дрожжевыми фонарями, стены домов, в которых кое-где светятся окна, быстро уползли вниз, и проступили темные крыши. Они стали плавно отдаляться, и через несколько минут мы поднялись над Рязна градом.

С высоты ночью он выглядит темным полотном с россыпью бледно золотистых искр внутри, которая оцеплена светящимся кругом огней. Это увешанная фонарями стена града. А за ней бескрайняя темнота, из которой поднимается теплый пустынный воздух. Аэростат поднимался в звездное небо все так же неспешно и беззвучно, я принюхивался, но запахов дрезинного масла и металла нет, значит еще не додумались, в каком направлении мы убежали.

— Ну, пошли дела, — заключил я и, покачиваясь, шагнул к горелке, под которой малиновым светится шар артефакта-аккумулятора.

— Думаешь, не хватятся? — спросил Миха, поднявшись и выглянув за край корзины, за которой поплыла бесконечная темная бездна. — Дергай за вон тот рычаг. Такие горелки я нутром чую.

— Хватятся, — ответил я убежденно и потянул за один рычагов горелки, довольно замысловатой, без Михи пришлось бы дергать все наугад. Из форсунки пыхнуло пламенем, газом запахло разительнее, а шар полетел в небо резвее. — Но к этому моменту мы будем далеко.

— Хе-хе, не найдут?

— А вот это спорно. У Лютецкого везде люди, а его руки длиннее, чем думаешь.

С интересом заглядывая за край, Миха покивал с пониманием.

— И Ада туда же. Кто бы подумал, а? Вроде такая участливая, а вот тебе на те, получите.

— Продала нас за рубы, — согласился я и снова подпустил огня в горелке. — Но ее мотивы я понять могу, они хоть и гадкие, но логичные.

— А мотивы Лютецкого? — оглянувшись на меня, спросил Миха.

— Вот именно, — согласился я. — Зачем мы ему? Зачем ему я? Я ничего у него не украл. Чертежей с собой нет. Какая от меня ценность?

Шар все быстрее поднимался, Рязна град превратился в поблескивающее темное пятно с неровными краями, а ветер понес нас в сторону. Судя по расположению, на северо-восток.

Миха предположил:

— Пчелы?

Я покривился.

— Не знает он про пчел. Знал бы, мы дальше «Медного ковчега» не шагнули бы. Отрядом служебников не обошлось бы. Он всю армию натравил бы. Тут будто что-то штатное, но ценное. Я знаю, как работает Лютецкий. Методично, сильно и без уступок.

Со дна корзины донесся тихий голос Кати:

— Хочешь сказать, он не отстанет?

— Если даже до Рязна града дошла информация о нас, уверен, что не отстанет, — ответил я и опустился на дно корзины. Теперь рядом с лицом висят грузы с песком, пахнет веревками и пустыней.

— Ты поэтому нас бросил? — еще тише спросила Катя и подняла на меня глаза, которые при звездном освещении кажутся больше и блестят.

Опустившись, Миха тоже с вниманием на меня посмотрел. Пришлось отвечать.

— Я счел, что без меня вам будет безопаснее, — начал я. — На мне теперь груз ответственности и бесконечная дорога в поисках места, которым грезит Никифор. Не знаю, существует ли оно, но у меня в рюкзаке артефакт с последними на земле пчелами. У меня нет выбора, я должен искать. Но у вас выбор есть. Вы не обязаны тащиться за мной неизвестно куда и искать мифическую землю. У вас был шанс на спокойную жизнь. Я не хотел его вас лишать.

Выразительно посмотрев на Катю, я вздохнул, закончив объяснение. Повисла пауза, только слышно, как подвывает в вышине ветер и поскрипывают тросы аэростата. Небо чистое, звезды в нем рассыпаны крупные, как разжиревшие сияющие блохи.

Через минуту, Катя проговорила негромко, подтягивая к груди колени:

— Ты не можешь за нас решать.

Я хмыкнул.

— Серьезно? Тебе хотелось всю жизнь носиться по барханам и весям?

— А может это мой выбор, — решительно выговорила она и выпрямилась, выкатывая грудь, от чего рубашка на ней эффектно натянулась, это даже в полумраке видно. — Может я мечтала сделать что-то важное, а не только петь на постоялом дворе. Думаешь я просто так оттуда сбежала в багажнике дрезины? Уперла у служебников артефакт? Сцепилась с Адой? Нет уж, Мечников, не просто. И больше ты от нас так легко не отделаешься. Да, Миха?

Обернувшись на детину, она выразительно посмотрела. Тот сидит задумчивый. Локти на коленях, голова чуть наклонена, а по лбу ходят морщины.

Еще немного он помолчал, затем ответил:

— Катерина права. Мы с тобой до конца.

— Уверен? — не поверил я. — Люди обычно стремятся туда, где спокойнее и понятнее. А я иду совсем в другую сторону. Вам туда надо?

Миха кивнул упрямо, а Катя сунула пальцы подмышки и съежилась, поскольку поднялись мы уже на высоту, где воздух прохладнее.

— Ты еще не понял, Мечников? — произнесла она. — Мы команда. Куда один, туда и все.

Детина утвердительно хмыкнул и развел руками, вроде не поспоришь. Опекун учил всегда рассчитывать на себя и не брать больше, чем можешь потянуть. Вариант с командой не рассматривал никогда, поскольку отвечать за себя одно, а за других совсем иное. Но остаться одиночкой не позволили обстоятельства. Да и, если не кривить душой, с ними лучше, чем без них.

— Ну и тебя и рожа, — хохотнув, произнес Миха.

Я улыбнулся на одну сторону и хмыкнул.

— Нормальная у меня рожа.

— Ага. Будто тащишь судьбу всего мира.

— Ну, вообще так и есть, — заметил я, извернув руку и похлопав себя по рюкзаку. — Забыл?

Миха покривился.

— Такое забудешь. У тебя план есть? Или просто летим, куда ветер несет?

— На аэростате примерно так и выходит, — сообщил я. — У него же нет руля.

Вздрогнув, Катя съёжилась еще сильнее и проговорила:

— Ой, мамочки… Значит, нас несет неизвестно куда?

Я повернул к ней голову.

— Катенька, неизвестно куда нас несет с момента, как Никифор сунул мне в рюкзак артефакт с пчелами. А сейчас мы вполне конкретно летим на воздушном шаре на северо-восток.

— Как ты понял? — удивился Миха. — Ну, что на северо-восток.

— У стен града обычно делают четверо ворот, — пояснил я. — Рядом с теми, к которым мы прибыли, железная дорога. Прибыли мы с юга, значит они южные. Когда бежали по улице, мы двигались на запад, а когда стали подниматься в воздух, я прикинул обстановку и понял, в каком направлении движемся.

Миха с одобрением покивал и сказал:

— А что на северо-востоке, знаешь?

Пришлось честно пожать плечами.

— На этаже обучения я много чего читал, — ответил я. — Официальные карты говорят, что за бывшей столицей только Ново град. Но это восточнее. Больше ничего, кроме разрозненных постоялых дворов и одиноких ферм нет.

— Засада…

— Потому я и говорил Никифору, что вся эта история с Печорой сказки и сплетни, — проговорил я. — Будь там хоть что-то, на картах это было бы отмечено.

— Значит мы и правда летим невесть куда, — заключил Миха озадаченно и добавил, сразу повеселев: — Зато не скучно. Вдруг и правда чего найдем.

Я усмехнулся.

— Приключений на филейную область.

Катя шевельнулась.

— А я верю, — сказала она. — Никифор умный человек. Он бы не отправил пчеломатку, не зная наверняка, что Печора действительно есть.

— Верить не возбраняется, — согласился я, — только куда эта вера нас заведет? Вот вопрос. В общем, предлагаю всем подремать, сейчас мы все равно ничего не решим, внизу тьма, приземляться опасно. Ну и улетим подальше от Рязна града.

Одобрительно покивав, Миха перевернулся и пошарил по углам корзины. В одном из них нашел, три газовых баллона, какие-то тюки и тряпье, мой чуткий нос определил запахи грибов и соли. Что-то напевая под нос, детина подсунул один из тюков под себя, два других кинул нам, а сам разорвал могучими руками тряпье. Одной частью накрылся, а другой кусок протянул нам со словами:

— Холодно. Во сне озябнем. На высоте даже в жару можно оледенеть. Это даже мне известно. Вы подползайте под бок. Если скучимся, будет теплее.

В логике Михи противоречий я не нашел и, положив рядом тюк, откинулся на него полусидя. Катя продолжала сидеть в углу, сжавшись в маленький дрожащий комочек.

— Иди сюда, — проговорил я негромко и откинул правую руку, чтобы она пристроилась к боку.

На что Катя помотала головой, я наклонился в озадаченности и спросил:

— Ты тут уже спала и тебе ничего не откусил.

Просунув пальцы подмышки еще глубже, Катя нахохлилась, как цыпленок, и пробормотала, отвернувшись в стенку корзины:

— Я высоты боюсь.

— Так тут же не видно высоты, — удивился я. — Мы в корзине.

— Но я знаю, что она подомной, — упрямо ответила девушка.

— Понятно, — проговорил я и молча ухватил ее за ногу, после чего одним движением подтянул к себе, и пока она испуганно охала, уложил под бок.

Катя прижалась теплым комочком и моментально затихла. Ее макушка застыла у лица, в носу стало приятно от запаха ее волос, я спросил негромко:

— Так лучше?

Катя ничего не сказала, только молча покивала.

От ее тепла я сам немного расслабился. Обняв девушку, откинул голову на тюк и прикрыл веки. Завтра будет день, и я определюсь с направлением. Оставить их уже не получится, да и не хочется, если быть с собой честным.

Спал вроде недолго, но, когда разлепил глаза, небо уже посветлело. Вверху поскрипывают канаты на красной материи аэростата, под горелкой переливается арт-аккум. Катя справа тихо сопит в той же позе, в какой уснула, пальчики стискивают край моей футболки. Аккуратно, чтобы не разбудить, я их разжал и переложил Катю на тюк. Она не проснулась, только пробормотала что-то во сне. Накрыл ее куском тряпки, который оставил Миха, а сам выпрямился и потянулся.

После сна обычно и так бывает зябко, но сейчас лицо ошпарило холодом. Когда обернулся по направлению движения аэростата, в грудь ударил обжигающий и резкий ветер. Внутри заворочалось недоброе.

Когда с тревогой шагнул к краю корзины и заглянул, в животе похолодело. Говорят, что высоты боятся все, даже те, кто утверждает обратное. И это нормально. Вопрос в том, насколько хорошо умеешь контролировать этот страх. К акрофобам я себя никогда не относил, но сейчас даже меня повело в сторону.

Далеко внизу пустыня, если таковой ее можно назвать, превратилась в похожую на кожу желтоватое полотно, испещренное волнами, выпуклостями и неровностями. Высота такая, что глаза воспринимают ее как картинку, не в силах высмотреть детали. Барханы неспешно плывут, перемежаясь со скалами и руинами: остатками былого величия цивилизации. Местами барханов вообще нет, только неровная мелкая сетка. Присмотрелся — это от засухи потрескалась почва.

Несмотря на солнце, которое уверенно поднимается над горизонтом, наверху ветер ледяной. Но в полдень он будет сочетаться с пеклом, а это настоящее мучение.

— Твою ж за ногу… — проговорил я и стал перебирать рычаги на горелке, под которой светится арт-аккум.

С аэростатами дел я никогда не имел, действовал по наитию, но безуспешно: шар продолжал нестись, а ледяной ветер обжигать лицо. Покрутил артефакт аккумулятор, рассчитывая, что он как-то влияет на высоту, но тот только молчаливо переливается малиновым.

— Тьфу ты бесполезная штука. Зачем он вообще тут, — выругался и толкнул Миху в бок. — Просыпайся, чудо-механик.

Разлепив один глаз Миха уставился им на меня с видом полного непонимания. Только когда открыл второй, во взгляде стал проявляться разум и узнавание. Зевнув, он сел и с хрустом размял шею, проговорив:

— Ну и колотун. Не помню, чтобы так мерз.

— Замерзнем еще сильнее, если не снизимся, — проговорил я, вертя головой из угла в угол. — Ты знаешь, как спустить эту махину?

Еще раз сладко зевнув, детина поскреб ногтями ребра и проговорил сонно:

— Чего тут сложного-то?

— Вставай и смотри, — бросил я и кивнул на конструкцию горелки с артефактом. — На кой-тут вообще арт-аккум? Что тут аккумулировать?

Поднимая заледеневшее во время сна тело, Миха шумно выдохнул, потом сделала несколько поворотов корпусом и потряс плечами.

— Бр-р-р… — выдохнул он и пояснил: — Арт-аккум для горелки. Чтоб механизм не отказал в полете. Дай посмотрю. Сейчас снизимся.

Надвинув с сомнением брови, я отшагнул в сторону, пропуская Миху. Тот приблизился к горелке, и посмотрел на нее, прищурившись, как кот на солнечном крыльце.

Я проговорил:

— Тут рычагов больше, чем мужиков у шпильки.

Миха продолжал всматриваться в горелку взглядом, каким мог бы смотреть за край Вселенной: долгим, вдумчивым, как если бы смотрел ей в самую душу. Будь у горелки душа. Пару раз причмокнул, потом проговорил:

— А, понятно.

— Еще скажи, что всю жизнь на аэростатах летал.

— Не, — отозвался Миха. — Я эту конструкцию вижу впервые.

Ответ не вдохновил. Я набрал воздуха, чтобы предостеречь его и сказать, чтобы не лез, если не знает. Но Миха довольно усмехнулся и бодро дернул вниз сразу два рычага.

Глава 15

Аэростат резко повело вниз, ветер ударил в лицо, а корзину наклонило так, что с замиранием сердца я увидел пустыню. Крен продолжался, меня потащило к краю.

— Миха! — проорал я, схватившись за канат, пролетающий мимо. — Какого ляда?!

Детина, который могучими пальцами вцепился в крепления горелки, крикнул в ответ бодро:

— Да нормально, Мечников! Это от перепада температур!

— Каких температур? Мы на высоте, тут колотун!

— Яма с холодным воздухом, — пояснил он со знанием дела. — В таких всегда лететь труднее.

Пальцами впиваясь в канат, я пялился на бледно-желтую бездну, которая раскинулась внизу и приближалась медленно, с большой неохотой. Что тоже хорошо, если бы приближалась быстро, это была бы проблема куда основательнее.

Я крикнул:

— Можно подумать, ты каждый день летаешь, аки птица!

— Не, — отозвался Миха, опасно раскачиваясь на креплении. Такая масса оторвать его может в миг, — я просто нутром чую механику.

— Любую?

— Ага. Хоть дрезина, хоть аэростат. Пусть даже впервые его вижу.

Продолжая держаться за канат, я подтянулся и уперся одной ногой в пол корзины, другой — в бочину. Навыки Михи с механикой придется разобрать, как и ловкие предсказания Кати то по поводу служебников в пустыне, то относительно Аделаиды и Рудого.

Покрутил головой, и в животе похолодело, я заорал:

— Где Катя?

В корзине пусто, только тюки с тряпками сгрудились на одну сторону.

С лица Михи отхлынула кровь, он заорал во всю могучую глотку:

— Катерина-а-а!

Стали прислушиваться. Сперва только выл ветер, скрипели канаты, и ужас за девушку набатом гремел в голове. Я до боли в висках напряг слух и услышал слабое:

— Помогите…

— Слышишь? — окликнул я Миху. — Катя, где ты?

Корзина все еще в крене, ее быстро несет по ветру, изгибая аэростат, как податливую каплю. Вдвоем мы стали звать девушку, прислушиваясь к каждому шороху и звуку. Когда в нос ударил очередной ветряной порыв, ноздри защекотало знакомым мятным запахом, я крикнул, указывая на край корзины, который сейчас внизу:

— Там!

Не теряя ни минуты, я стравил канат между ладонями и спустился, кожу обожгло болью так, что пришлось стопорнуться и спускаться перехватами.

— Катя, держись! — прокричал я и шагнул на нижнюю стенку корзины.

После чего быстро обвязал вокруг пояса канат, на конце которого для чего-то карабин, и высунулся через край. Катя повисла за бортом на поперечном канате в самом низу и болтается, дрыгая ногами и полными ужаса глазами, таращась вверх.

— Андрей! — прокричала она охрипшим голосом. — Вытащи меня!

— Сейчас!

Перекинув ногу, я одной рукой ухватился за край корзины, а другой потянулся к Кате. В плече засаднило, до Кати еще сантиметров тридцать, длинны руки не хватит.

— Сможешь дотянуться? — спросил я, продолжая тянуть жилы.

Бледная, как стена, Катя дернулась сосиской и помотала головой.

— Не могу! Сил не хватает!

— Держись! — крикнул я, перехватившись на пальцы и снова потянулся к ней.

Но даже так расстояние между руками сократилось едва на половину. Я прошипел под нос, изо всех сил вытягиваясь, насколько у меня есть растяжки, однако к Кате меня это приблизило мало. Ее пальцы, которые впились в канат, тем временем белели, она крикнула:

— Я не могу больше!

— Не смей разжимать пальцы! — прорычал я, со жгучим чувством в груди осознав, что если Катя упадет, мир мой прежним не будет. — Я тебя вытащу!

Тянулся я как мог, но результата это не приносило: девушка перехватиться не могла, а я не мог до нее достать. В яростном отчаянии я захрипел. Но беспомощным себя не чувствовал никогда и всегда находил решения. Сейчас оно пришло само в виде Михи, который ухватил меня за руку и скомандовал:

— Я удержу.

Свесившись через борт, он решительно кивнул, и я отпустил пальцы от края корзины. С таким запасом я точно дотянулся бы до Кати, но еще один резкий толчок, Катя вскрикнула, и ее пальцы сорвались с каната.

То, как она начала падение лицом вверх, двигая руками и ногами, как перевернутый жук, я видел в замедленном движении. В груди мотор на миг замер, дыхание перехватило. Когда сверху истошно заорал Миха, думал я всего пол-секунды. После чего вывернул руку и прыгнул следом.

Свист ветра заревел в ушах, воздух ворвался в легкие так мощно, что едва не захлебнулся, пришлось сомкнуть губы. Мир до сих пор казался замедленным: приближение далекой пустыни, падающая Катя с огромными глазами. В горле молотит сердце, а живот свело от тихой жути свободного падения. Чтобы догнать Катю, я прижал руки и вытянулся, этого хватило, чтобы в последний момент она уцепилась за меня, а я обхватил ее руками и ногами.

Успела мелькнуть мысль, что, когда веревка натянется, сила рывка будет такой, что меня потом не соберут.

Рывок действительно дернул так, что треснули мышцы, а в голове взорвался вулкан, я едва не выронил Катю. Но та вцепилась в меня всеми конечностями. Однако мы не повисли, я стали раскачиваться не только по горизонтали, но и верх-вниз, плавно.

— Живая? — спросил я хрипло, сжимая девушку.

Уткнувшись лицом мне в грудь, она что-то невнятно пробормотала, я расценил это как «да», после чего задрал голову.

Веревка там не совсем веревка, потому что в середине активно растягивается и сжимается. Аэростат высоко на фоне бледно-голубого

неба выглядит как красный пузырек, под которым небольшая квадратная корзина. Из нее торчит русая голова Михи.

— Вы там как? — прокричал он сверху.

— Развлекаемся, разве не видно? — с колотящимся от напряжения сердцем отозвался я, и сжал сильнее на спине Кати быстро зябнущие пальцы.

— Ну я так и понял, — снова крикнул детина. — Держитесь там. Буду поднимать.

Тащил он нас долго, планомерно и методично. Никто из нас с этой задачей лучше не справился бы. Но даже у Михи ушло столько времени, что, когда мы перевалились через край корзины и растянулись на полу, я не чувствовал замерзших пальцев.

— Спасибо, — поблагодарил я Миху, откидываясь на тюк.

Лицо детины суровое, лоб морщинистый, кожа обветрилась и пошла чешуйками. Он вытер его локтем и сел на корточки рядом с Катей, которая упала на бок, поджав колени к груди.

— Ты как, Катерина? — спросил он и неумело потрогал ее за плечо.

Стуча зубами, Катя ответила:

— Н-н-нормаль-ль-ль-но…

— Фух, — с видимым облегчением выдохнул Миха и зацепился пальцами за крепления горелки. — У меня душа в пятки упала, когда ты улетела. А потом этот псих… — Миха перевел на меня круглые глаза и продолжил впечатленно: — Ты чем думал, когда прыгал?

— Я не думал, — честно признался я.

— Оно и видно. Повезло, что веревка с резиной оказалась. Если б не она, выспался бы твой позвоночник в трусы. Вдвоем бы в лепешку расшиблись бы.

Опершись на ладони, я сел удобнее и проговорил:

— Некогда было решать, Миха.

Он вздохнул.

— Понимаю. На кой-тут резинка вообще?

— Наверное прыгают с ней, — предположил я.

Выпучив глаза, детина изумился.

— С высоты?

— Угу.

— Ну и развлечения у вас, оазисных. Дурь какая. Это ж надо додуматься: сигать с высоты. Зачем?

Я двинул плечами.

— Для удовольствия.

— Сомнительные у вас удовольствия, как я посмотрю, — констатировал он. — Ладно. Выдохнули. Живы все, и хорошо.

Я стал растирать промерзшие пальцы и попросил:

— Ты б не ронял так больше аэростат, а?

Миха всплеснул руками.

— Да это не я, говорю же! Это яма воздушная. Ветер попутный сильный. Не видишь сам, с какой скоростью несемся? Мы поднялись туда, где он дует, как чертодуй. Я стравил газ, но высота все еще приличная.

— Так спускай нас, — сказал я.

— А куда спускать-то? — удивился Миха. — Там же пустыня сплошная.

Почесав макушку, я согласился.

— Тоже верно.

— Может долетим до какого града, а там приземлимся? — предложил детина.

Катя все еще лежит, свернутая калачиком и дрожит. Перепугалась она так, что до конца жизни хватит. Я перекатился на колени и помог ей устроиться среди тюков, они хоть и из грубой материи, но пышные и неплохо удерживают тепло. Затем накрыл ее тряпьем, и сказал Михе:

— Опасно. Если в Рязна граде нас разыскивали, значит и в других градах могут. Если приземлимся рядом, заметят.

— Тогда как быть? Газа хватит до полуночи. Максимум до утра, если горелку гонять не будем и с высотой не играть.

Я предложил:

— Спустимся пока ниже, чтобы не околеть от холода, а приземлимся где-нибудь у дороги. Поодаль, чтоб не столкнуться с автоматоном. Хотя может в такой дали от Красно града они и не ездят.

— А потом? — спросил детина.

— По ситуации, — честно ответил я. — В нашем походе конкретики нет.

Какое-то время мы летели молча, Миха возился с горелкой и баллонами, при мне один заменил, использованный при этом не

выбросил, а аккуратно положил в угол.

— Для балласта, — пояснил он, когда поймал мой вопросительный взгляд.

С аэростатом Миха обращался умело, будто всю жизнь только и делал, что управлял такими. Что-то крутил, двигал рычаги, которых на механизме больше десятка. Ничего общего с аэростатами, о которых я читал на этаже обучения. До коллапса воздухоплавание было развлечением, мало кто всерьез пользовался им по делу. А после — стал транспортом. Поэтому к ним стали применять артефакты разного класса и добавили рычагов, для управления. О том, что некоторые удовольствия ради прыгают с них на резинках слышал, но не думал, что по неволе стану одним из них.

Катя дрожала, пришлось обнять ее и греть своим теплом. Трястись она перестала только спустя час и даже задремала. Я продолжал наблюдать за Михой и его умелым управлением.

— Как ты разобрался с рычагами? — спросил я, когда яростное, но бестолковое на такой высоте солнце стало палить чуть меньше и поползло на другую сторону неба.

Погруженный во что-то свое, Миха вздрогнул и обернулся.

— Тфу ты, напугал, — признался он.

Я заметил:

— Не пугливого ты не тянешь.

— Это да, — согласился детина. — Задумался.

— О чем?

Миха пожал плечами.

— Да верблюд его знает. Я когда с техникой вожусь, такое состояние накатывает… Умиротворения что ли. Только ты и детали. С ними всегда есть решение. Если не работает, значит не так собрал, нужно просто пересобрать. А если работает, вообще замечательно.

— У тебя всегда так было?

Детина кивнул.

— Сколько себя помню, — ответил он. — Я ж рассказывал. Чего ты мне вопросы эти задаешь?

— Да так. Пытаюсь обкатать одну мысль, — признался я.

— Поделишься?

— Пока сырая. Как додумаю, озвучу, — проговорил я.

Мысль дикая. Слишком невероятная, потому как для того, чтобы она оказалась правдой, должно было сопоставиться много переменных. Но даже если мысль рабочая, она многого не объясняет. В том числе преследования Лютецким и его служебниками.

— Ладно, Пинкертон, — хмыкнул Миха. — Созревай быстрее.

Он вернулся к управлению аэростатом, что выходит у него с дивной ловкостью. Даже я, будучи разрабом, а это не мало, не сориентировался в многообразии рычагов. А этот вон, щелкает ими, как сухарями, и лыбится с довольной рожей. Катя дрожать перестала, теперь лежит крошечным комочком, который хочется оберегать от тягот всего мира. Но ничего, оправится. Она крепче, чем кажется.

Отодвинувшись к стенке корзины, я вытащил из-за спины рюкзак и раскрыл, чтобы проверить пчел. Те мирно застыли в голубой жиже, и не подозревают, на какой высоте находятся и что делается ради их спасения. Лютецкий о них точно не знает, но продолжительная гонка за мной, означает прямую ценность для него. В плане разработки, если считать мой смелый проект дать людям больше пищи, кислорода и свободы, я заноза. Но справился с занозой он вполне радикально. Единственная особенность — это ген-мутант. Но даже если Алексей Лютецкий каким-то образом об этом узнал, бояться ему нечего, я все равно не в Красно граде и никак на него не повлияю. Иначе чего ему опасаться таких как я. И Миха с Катей. На кой-они ему — тоже неясно.

Убрав артефакт с пчелами обратно в рюкзак, я покосился сперва на Катю, которая загодя услышала приближение служебников и Аделаиды с Рудым, затем на Миху, способного найти общий язык с любой техникой, хотя даже близко не подходил к этажу обучения в Красном граде.

Выдохнув, я закинул рюкзак на плечи и спросил прямо:

— Вы мутанты?

Миха оглянулся на меня и уставился в упор, в миг посуровев, как осенняя туча, а его пальцы до хруста сжались в кулак. Катя, которая до этого выглядела спящей, развернулась и впилась напряженным взглядом. Несколько секунд они переглядывались, потом Миха шагнул вперед и произнес заниженным голосом:

— Ты что-то разговаривать много стал, Мечников.

Пришлось быстро подняться, чтобы быть на одном уровне с детиной, он может и неповоротлив, но, если пнет, зубов не

сосчитаешь.

— Спокойно, Миха, — начал я.

Но объяснить не успел, детина навалился на меня всем весом, вцепился пальцами в горло и стал выдавливать через край корзины.

Катя закричала в испуге:

— Миха, не надо!

— Она нас служебникам сдаст! Не поняла еще? Они поэтому за нами гонятся! Он утка подсадная!

Хрипя, я уцепился за похожие на толстые палки пальцы Михи в попытке их разжать и отодрать от горла, но дури в детине много, и он продолжает наваливаться.

— Пусти… — прохрипел я.

— Ага, — зарычал детина. — Чтобы ты нас этому упырю сдал? Шпион!

Пальцы на горле сдавливались все сильнее, от нехватки воздуха перед глазами поплыли пятна, а в голове стали надуваться сосуды. Просунув руку между его локтями, я крутанул, хватка немного ослабла, хотя из захвата полностью выбраться не удалось, тогда пришлось пропнуть коленом, попал в солнечное сплетение, Миха застонал от боли и согнулся.

Когда его стальные пальцы расцепились на моей шее, я закашлялся и, опираясь на край корзины, отошел от детины подальше со словами:

— Я не шпион….

Получилось хрипло, шея болит, а когда сглотнул, показалось, по горлу прокатился ёж.

— Врешь… Швора… — произнес Миха сдавленно и попытался выпрямиться, но видать удар получился сильный и он все еще в позе буквы «зю».

— Я тоже мутант, — кашляя, как заправский шахтер, сообщил я.

— Не верю, — отозвался детина.

Я, наконец, смог расправить грудь полноценно вдохнуть, хотя шея все еще болит.

— Ты ж только сам говорил, что мы команда, — сказал я, потирая шею.

— Это до того, как я узнал, что ты шпион, — сдавленно ответил Миха и все-таки выпрямился, держась за ушибленный живот. —

Потому и бросить нас хотел. Чтобы служебники приехали и нас с Катей сцапали. Красиво все разыграл, ничего не скажешь.

— Да ты издеваешься?! — не выдержал я. — Я столько за вас рисковал. Надо оно мне было бы? Не шпион я!

— Не верю!

— А ты поверь!

— Чем докажешь?

Подняв на Миху взгляд, я зло зыркнул на него и, сосредоточившись, с шумом втянул воздух. Ноздри защекотало от холода и запахов влаги, камня и скудной растительности, которые поднимаются снизу. К этому примешались ароматы которые испускать может только человек.

Я проговорил:

— Перед побегом ты жрал жареный батат, в кармане у тебя тряпка в мазуте, не знаю, для чего, а у Кати эти… Ну… дни фертильные.

Справа Катя охнула, подтянув к подбородку тряпицу, которой укрыта, пробормотала:

— И правда…

Покосившись на нее, Миха хмуро подвигал бровями и опустил пальцы в карман, откуда вытащил тряпку. Потом поднял на меня суровый взгляд и проговорил:

— Ну тряпку, допустим, ты мог видеть, как я кладу в карман. А про батат как понял? Подглядывал, как жру?

Я покачал головой и ответил:

— Я нюхач. Могу хорошо различать запахи, если сосредоточусь.

— Все равно верится с трудом. Ты мог видеть Катины… Это… Как она в порядок себя приводит, — не унимался Миха.

Краем глаза я заметил, как запунцовела девушка, а я терпеливо потер себя лоб и проговорил:

— Миха, фертильные дни это ну… Другое.

Миха фыркнул и снова посмотрел на меня с угрозой, такой же мрачной, как и небо над нами, которое стало затягиваться самыми настоящими тучами.

— Так и знал, что выдумал. Все знают, у баб только одни эти… Ну ты понял.

— Миха, ты из какой дыры вылез? — спросил я, оглядываясь за край корзины, где пустыня уже не пустыня, а что-то непривычно серо-

зеленоватое. — Это другие дни.

— Нет у них никаких других!

Со дня корзины донесся голосок Кати:

— Есть…

Пока Миха недоверчиво двигал бровями и морщил лоб, я пояснил, и на всякий случай присмотрел пустой баллон, которым можно огреть детину, если он опять полезет:

— Это дни чтобы… ну… Зачинать.

— Чего зачинать? — не понял Миха и с тупым негодованием уставился на меня.

Не выдержав, поднялась Катя и шагнула вперед, встав прямо перед Михой, меленькая, хрупкая и отважная. Она уперла кулаки в бока и проговорила с напором:

— Не чего, а кого! Детей зачинать, вот кого! Нюхач он. Чего не понятного? Такое учуять можно только с очень чутким носом.

Пока Миха переваривал услышанное, Катя обернулась ко мне и протянула руку с раскрытой ладонью:

— Ну что, будем полностью знакомы, Мечников. Катерина Ковалевская, человек с геном-мутантом. Острый слух. А Миха — механик. Он чувствует машины и аппараты.

Я пожал мягкую и теплую ладонь Кати, и проговорил:

— Очень приятно. Осталось выяснить, что от всех нас нужно Алексею Лютецкому.

Она мне так широко и лучезарно улыбнулась, что я как дурак улыбнулся в ответ. Но паузу прервал Миха.

— Ну, ты это, извиняй тогда, — сказал он все еще хмуро, но теперь с озадаченностью. — Только у нас есть проблема понасущнее.

— Что опять? — вздохнул я.

Миха кивнул на баллоны и проговорил:

— Газ кончается.

Глава 16

То, как героически Миха спускал аэростат без газа, выглядело как ремонт космического корабля на заднем дворе в зеленой зоне. К моменту, как мы потеряли половину высоты, небо тучами заволокло полностью, в воздухе повис стойкий запах влаги и озона. Такого количества сизых облаков я не видел никогда: на юге только песчаные бури, а дождь на моей памяти был раз двадцать лет.

— В непогоду садимся, — с какой-то злой радостью крикнул Миха, накручивая веревку на крючок под конструкцией рычагов.

Ткань шара скрипела и трещала. Миха отдавал команды, дергал рычаги, тянул за канаты и время от времени сбрасывал баллоны и мешки с песком, чтобы стабилизировать снижение. Но оно все равно выходило быстрым, и когда земля, а вовсе не песок, замелькала под нами бурыми, серыми и зеленоватыми полосками, он прокричал, хватаясь за канат:

— Держитесь! Будет жестко.

Мы с Катей разом ухватились за веревки, я притянул ее к себе на случай, если опять вывалится. Хотя здесь уже не высоко, но свалиться на борт в движении тоже приятного мало. Ветер свистел в ушах и нес корзину над скудной, растительностью. То, что она здесь в свободном доступе, уже удивительно. Нам утверждали, что зеленые растения есть только в градах и там куда дотянулись когти Оазис-Техно. Впрочем, не исключено, что лапы Лютецкого побывали и здесь.

— Приготовьтесь к удару! — прокричал Миха.

Земля приближалась стремительно и мелькала внизу ухабами, небольшими зарослями чего-то, что пока не могу разглядеть. Впереди завиднелось обширное пространство без зарослей, но с камнями и зеленым ковриком. Туда и понес нас ветер.

— Сейчас! — крикнул Миха.

В дно корзины мощно ударило, нас подкинуло, и только благодаря веревкам не выкинуло из нее. Катя закричала, Миха загоготал в запале ретивой ярости, а я сцепил зубы. Ветер продолжил тащить шар, а вместе с ним нас в корзине. Переплетённые веревки в некоторых

местах растрепались, кое-где образовались прорехи и в них вывалилась часть мешков с песком.

— Долго еще? — крикнул я Михе.

Тот накрутил на кисть часть каната и уперся стопами в стенку и пол корзины.

— Не знаю! — отозвался он. — Пока дует ветер, нас будет нести!

— Швора!

— Ага! — согласился детина.

— Надо прыгать! — скомандовал я. — Кто знает, куда она занесет!

На что Миха ответил:

— Дальше вон тех камней не унесет.

Повернув голову, я обнаружил, что корзину тащит на невысокие, но растянутые в ширину руины.

— Врежемся! — с тревогой прокричал я.

Миха кивнул.

— Скорость падает! Авось пронесет!

Набрав воздуха, я собрался напомнить, что уповать на «авось» сомнительное дело, но заметил, что скорость в самом деле снизилась. Причем настолько, что вполне можно разглядеть, что за зелень тут растет.

— Папоротники! — крикнул я.

— А? — не понял Миха.

Руины приблизились, до них метров десять. Несмотря на значительное замедление, корзина все же хлопнулась в высокий парапет перед стеной, сплошь поросшей мхом. Нас тряхнуло, я вовремя успел поймать Катю, которую по инерции чуть не впечатало в мох. Аэростат остановился, оболочка опустилась рядом, шевелясь и местами вспухая. Но воздуха для движения уже недостаточно. Корзину при этом перекособочило и она застыла под углом, опершись на парапет.

Я поглядел по сторонам и повторил:

— Говорю, папоротники. Вокруг посмотри.

Ноздри приятно щекотал сочный запах, зелени и влаги, я непроизвольно облизал губы. Мне известно, что папоротники не едят. Вернее, существовали какие-то виды, которые надо вымачивать,

выварить и как-то еще обрабатывать. Но меня на этаже обучения предостерегали, что для человека они ядовиты, хоть и пахнут приятно.

Миха вытащил руку из веревочного захвата и с громким «фух», стал вылезать из корзины.

— Ух ты! — выдохнул он, наконец оглядевшись. — Это чё? Зелень?

Помогая выбраться из корзины Кате, я покивал.

— Самая что ни есть. Надо же. Растет сама, а не на зеленых фермах.

— Офонареть! — впечатлился Миха, спрыгивая в остролистную траву, из которой торчат стебли с длинными, пушистыми колбочками.

К одной такой он наклонился и потрогал.

— Мягкая и жесткая одновременно. Это папоротник?

Катю я уже спустил и поставил рядом в траву, теперь она тоже во все глаза таращится на зеленые растения, рот раскрыт, как у малого дитя перед фокусником. Я к зелени привык, все же в Красном граде полно зеленых ферм, а я туда наведывался не раз. Но Миха всю жизнь прожил на козьей ферме, Катя — в «Медном ковчеге», а там только песок, перекати-поле и разные колючки. А в свой подвал предусмотрительный Никифор их, очевидно, не пускал. Удивительно другое — растения и правда здесь растут без участия человека.

— Нет, — поправил я Миху, и указал на невысокие, но пышные зеленые перья, которые торчат прямо из почвы. — Вот это папоротник. А это трава, пырей.

Немного отойдя от ступора, Катя пошла вперед, затем присела и осторожно прикоснулась к зеленым листьям.

— Какая она… Красивая, — проговорила Катя впечатленно. К ее штанине прицепилась колбочка, а Катя развернулась ко мне с полными восторга и надежды глазами. — Это что, выходит Никифор прав? Это и есть та земля и можно выпустить пчел?

Как бы мне не хотелось быть в глазах Кати героем, но пришлось покачать головой и ответить:

— Нет, Катенька. Пчел здесь выпускать нельзя.

Ее личико вытянулось в непонимании.

— Но почему? — изумилась она. — Вот же растения.

— Одних растений мало, — стал объяснять я. — Если бы все было так просто. На зеленых фермах Оазис-Техно тоже полно

растений. Но пчел, как ты заметила там нет.

— Но… Как же тогда… Как тут тогда они растут без пчел? — совсем растерялась Катя.

— Пчелы нужны не всем растениям, — ответил я. — Как с картошкой и чесноком, помнишь? Так и этим не нужны. Папоротники размножаются спорами. Ну и мох тоже. А пырей корневищами.

С лица Кати воодушевление слетело, как тучка с неба в погожий день, плечи опали, глаза опустились к зеленому ковру под ногами.

— Как жаль… — только и сказала она.

Тем временем Миха, обалдевший от зелени вокруг, ходил туда-сюда, трогал папоротники, тер колбочки-колоски пырея, впечатленно присвистывал и охал.

— Это что получается? Что получается… — проговорил он, наконец обернувшись ко мне. — Зеленые зоны для людей… Как бы уже есть? Просто никто о них не знает?

— Надо разобраться, — согласился я и оглянулся на густо заросший мхом вход в пещеру, который судя по форме, когда-то был входом в здание. — А пока предлагаю укрыться внутри. В воздухе сильно пахнет влагой. Дождей я видел немного, но именно так пахнет перед ним.

Спорить никто не стал, хотя Катерина все порывалась остаться и еще немного походить по траве. По округленным глазам и впечатленному покачиванию головы понятно, что Миху зелень тоже впечатлила. Но когда ему на лоб шлепнулась первая холодная капля, он все же направился к проему, захватив с собой Катю.

— Может я и побегал бы под дождем, — сообщил он, ведя ее к замшелому входу, — но чуется мне, с неба вода тут падает холодная. А мерзнуть не охота. Да и сохнуть потом.

В полумрак руин я вошел первым. Здесь пахнет старым, сырым металлом, мхом и пропитанной водой почвой. Когда глаза привыкли к слабому освещению, смог разглядеть в паре метров от входа дверь. Добротная, металлическая, сверху табличка «Посторонним вход воспрещен».

— Та-ак… — протянул я, когда Миха и Катя вошли следом. — Кому воспрещать вход в этой глуши?

Вывернувший из-за спины Миха оттянул веко на правом глазу, наводя резкость, и проговорил:

— Ну, кому воспрещен, а кому и нет.

После чего приблизился к двери и сел на корточки рядом с замком. Мы с Катей с интересом наблюдали, как он с помощью металлических проволок, которые нашарил во мхе, ковырялся в замочной скважине. Он то прикладывал к двери ухо, то постукивал, продолжая ковырять. Через пять минут послышался негромкий щелчок, а губы Михи расплылись в довольной улыбке.

Он поднялся, его плечи расправились, как у служебника на параде, а сам указал ладонью на замок и проговорил довольно:

— Вот, пжалста.

После чего толкнул дверь, заржавевшие петли поддались со скрипом, но дверь медленно открылась. Из темноты внутри пахнуло застоявшимся воздухом, пылью и сухостью, что удивительно, поскольку вокруг столько влаги, что хватило бы обеспечить весь Рязна град. А может и Красный град.

Повернувшись ко входу правым ухом, Катя пару секунд двигала бровями, потом проговорила:

— Тишина. Вообще никого не слышу.

Кивнув, я втянул носом воздух, хотя из темноты и так пахнуло вполне густо. Но на всякий случай принюхался. Уловил только запахи очень старой пыли, металла и электрики.

— Похоже, мох и влажность туда не проникли, — сообщил я. — Значит не отсыреем.

— Ага, — согласился Миха. — Только там ни зги не видно.

— Погодите, — чирикнула Катя и стала рыться в сумке.

Когда она вытащила из нее небольшой дрожжевой фонарь, ее личико просияло, Катя направила фонарь в сторону входа и потрясла. Фонарь засветился бледным, но направленным светом, и темнота впереди рассеялась.

— Ну-ка дай, — попросил я.

Девушка вручила мне фонарь. Я, посветив перед собой, шагнул вперед. Тишина в миг надавила на уши и зазвенела тиннитусом, какой бывает в полном отсутствии звуков. Слабый свет фонаря вычленил впереди металлический край стола с небольшим слоем пыли, что значит она сюда попала до того, как двери закрыли.

— Что это за место? — шепотом спросила Катя из-за спины.

— Сейчас узнаем, — ответил я и развернулся к стене, направив на нее фонарь.

Та гладкая и блестит серым металлом, значит руины использовали уже после коллапса, потому что брошенные руины никто обшивать металлическими пластинами изнутри не додумался бы. Они все из бетона, камня, иногда изнутри проклеены бумагой. Опекун называл их «обои». Но встречаются они редко, поскольку быстро покрываются плесенью, трескаются и вообще осыпаются.

Я пошарил световым лучом по стене и разглядел рубильники.

— Ну, посмотрим, — проговорил я и, приблизившись, дернул их по очереди вверх.

Загудело. Через секунду одна за другой на потолке стали включаться лампы, длинные, с необычным голубоватым свечением, и перед нами из темноты выступили несколько рядов столов с мониторами.

— Ого! — впечатлился Миха.

Самый большой монитор впереди в половину стены засветился последним. На нем нарисовалась карта громадных размеров, основная часть в середине желтовато-зеленоватая, или скорее бурая. Это суша. По краям все синее, что значит — вода. На области суши чуть слева и сверху мигает зеленая точка, а выше в хаотичном порядке красные буквы «х».

Катя с восторженным лицом шагнула к карте и потянулась, чтобы прикоснуться, но в последний момент одернула пальцы и проговорила:

— Что это такое?

Под большим экраном я заметил стол с техникой. Подойдя, нашел колесо управления и покрутил. Карта задвигалась, а когда приноровился, смог приблизить изображение, довольно четкое и детальное. Пульс участился. Я с волнением двигал картинку, быстро бегая взглядом по навигации, открывая для себя территории, которых никогда не видел на этаже обучения.

— Это карта, — сообщил я неверяще. — И она гораздо больше тех, что нам показывали в Красном граде.

— Карта чего? — уточнила Катя, все так же завороженно таращась в сияющий экран.

Я сглотнул от волнения и ответил:

— Судя по всему, мира. Смотрите, вот Красный град.

Ткнув на пятнышко внизу карты среди густой желтизны, я приблизил изображение роликом, потом передвинул выше со словами:

— А это Рязна град. Мы оттуда прилетели.

— Я никогда не видела карт… — произнесла Катя зачарованно. — Почему тут все желтое?

Рядом, такой же очарованный, хотя старается хмурить лоб, чтобы это скрыть, стоит Миха. Он почесал макушку и предположил:

— Так песок же видать.

Я кивнул, а Катя спросила:

— А это что?

Она указала на зеленую точку вверху экрана. Я приблизил. Вокруг этой точки цвет местности зеленовато-серо-бурый. Дальше красные «х», а после них размытая картинка.

— Судя по всему, зеленая точка это мы, — пояснил я. — Вернее, место, где мы находимся.

Миха ткнул на крестики.

— А это что такое похеренное? Зачеркнутое то есть.

— Не знаю, — честно признался я. — Но здесь точно была какая-то база. Сам оглянись. Такие крестики могут означать что угодно. Возможно цели, которые были уничтожены, а может точки, куда удалось добраться. Кого сюда занесло, интересно.

— Смотрите, — произнесла Катя и указала на самый край экрана, где на корпусе слабо блестит едва различимый шильдик.

Наклонился. Пригляделся. Рассмотрел небольшой круг, в котором заключена буква «Т» и поморщился.

— Ну, конечно. Можно было сразу догадаться. Оазис-Техно.

— Значит, Лютецкий был и здесь? — предположила Катя.

Я кивнул, возвращаясь к карте.

— Очевидно. Но, судя по тому, что здесь все давно заброшено, пользы для себя он тут не нашел.

Орудуя колесиком, я принялся изучать местность. Само наличие обозначенных территорий дальше Ново града и старой столицы уже открытие. Причем давно известное Лютецкому. Что значит, моя разработка по обеспечению людей зелеными фермами шла не только в разрез с его планами на Красный град и остальные грады, но и на весь мир. Мотор за грудиной застучал бодрее — похоже, мы сковырнули что-то крепко запечатанное.

— Я считала, что за старой столицей ничего нет. Только каменная пустыня, — проговорила Катя, приложив к раскрасневшимся щекам ладони.

— Все так считали, — отозвался я, орудуя колесиком. — Это результат пропаганды Лютецкого.

— Но зачем?

Я ответил:

— Он обманывает людей и сильнее узурпирует власть.

Катя помотала головой.

— Но почему сюда никто не добрался из простых людей?

— А ты бы ломанулась на север без единого ориентира, когда тебе из всех утюгов говорят, что дальше Ново града и Казна града жизни нет? Что там безжизненные пустоши и твари? Что спасение есть только в градах под заботливым крылом Оазис-Техно?

Опустив плечи, Катя вздохнула.

— А если кто-то вроде Никифора утверждает обратное, его считают чокнутым.

— Именно. Лютецкий сам довел мир до состояния коллапса, потом предстал героем-спасителем. Уверил людей, что только он может защитить их.

Смотреть с нами на карту Михе надоело, он полез шарить по столам, гремя, как верблюд в загоне. На пол посыпались подставки, карандаши, какие-то папки.

Катя посоветовала ему:

— Ты бы поаккуратнее.

— Какая разница, здесь все равно никого нет. И не будет, судя по всему. Ого, какая тяжелая.

Он покачал на ладони пластиковую папку, толщиной сантиметров десять, потому перекинул на другую ладонь. В полете защелка расстегнулась и на пол рассыпались серо-бежевые листы. В воздух взвился запах дымка, чего-то сухого, немного пряного и приятного.

— Из лишайников, — удивился я.

— Чего? — не понял Миха и стал собирать листы.

Я пояснил:

— Бумага, говорю, настоящая. Из лишайников сделана.

— Надо же, — заметил детина, заглядывая в листы, — значит у нас бумага стоит как баллон с кислородом, а у них вон, гляди сколько

листочков! Стало быть производили где-то. Вопрос, чего они такое замечательное место покинули?

Я кивнул на карту и предположил:

— Видимо, не нашли, что искали.

— Знать бы, что им понадобилось в этой дивной глуши, — продолжил вещать непривычно рассудительный Миха, складывая листочки в папку один на другой. — Здесь трава, папоротники, дожди идут. Никакой пустыни, песок в рот не лезет. Почему не построить здесь град?

— Затратно, — догадался я. — Прибыльнее выкачивать природные ресурсы из донорских земель, а в основных держать население в ежовых рукавицах. Предстать, если люди узнают, что здесь не жарко, трава сама по себе растет из земли, а не на зеленых фермах, все рванут сюда. Власть Лютецкого пошатнется. Оно ему надо?

Вглядываясь в строчки на листах, Миха сощурился, пытаясь разобрать что-то, потом проговорил:

— Читаю я, конечно, не очень прытко, но кажется здесь что-то про артефакты и… Корреля… Тьфу ты, швора, что за слово такое.

Мы с Катей переглянулись, я оторвался от блуждания по карте и развернулся к детине.

— Ну-ка дай посмотрю.

Когда Миха передал листы, жестковатые, немного вощеные, с характерным запахом, который оставил лишайник, я пробежался взглядом по заголовку.

— «Корреляция назначения артефактов по генам-мутантам в прикладной программе Оазис-Техно по повышению эффективности производства и жизни», — прочитал я вслух, и меня до онемения в спине окатило льдом.

Сглотнув слюну, которая в раз стала вязкой, я поднял голову на Миху и Катю и проговорил:

— Твою… швору… Я понял, зачем он за нами гонится.

Если эта глава соберет больше трех комментариев, то следующую сделаю побольше.

Глава 17

Лица у обоих членов моей команды вытянулись, брови напряглись, рот Кати раскрылся, а Миха нервно шагнул вперед.

— Ну-ка удиви, — произнес он.

Открытие ударило под дых тупым кулаком Снова и снова пробегая взглядом по строчкам, я все больше убеждался в его логичности. Мозаика складывалась в четкую картину, напоминая иллюстрацию к детской страшилке.

— Вы только в обморок не падайте, — предупредил я, с трудом осознавая догадку, и отложил листы на стол. — Лютецкому нужны люди с геном-мутантом.

— На кой? — не понял Миха.

Я набрал побольше воздуха и проговорил одним разом:

— Он делает из них артефакты.

Повисла тишина. В ней легкое гудение экранов звучит непривычно громко. Оба посмотрелаи на меня долгими взглядами, Катя захлопала ресницами, а Миха загоготал нервно.

— Да ну, — проговорил он с сомнением, — прямо из людей? Как так?

Пришлось объяснять, хотя и самому верилось с трудом.

— Понимаю, как это звучит, — проговорил я. — Но сами посудите: детей с геном-мутантом служебники забирали в самом детстве. Куда они делись и что с ними стало не известно. Зато артефакты разного назначения стали появляться после этого регулярно. Ну, вспоминаете?

Кривя губы, Миха неоднозначно покачал головой, но в разговор вступила Катя. Прикладывая к лицу ладошки, она произнесла:

— Вообще-то пока я не попала к Никифору, то жила в приюте немного восточнее от Красного града. Мне было пять, когда на моих глазах забрали мальчика и девочку. Они точно были с геном-мутантом, до этого мы играли часто. Мальчик одной рукой поднимал тумбочку, а девочка как-то упала с дерева, расшибла колено. А оно затянулось прямо на глазах. Больше их никто не видел. А когда я спросила

воспитателя, что с ними стало, мне ответили, чтобы не совала нос, куда не надо. Тогда я и решила никому не рассказывать о своем слухе.

Я кивнул.

— Аналогично.

Все еще кривясь, Миха отозвался нехотя:

— Ну, ладно, пускай так. То, что служебники забирали детей-мутантов мы все знаем. Но мы не дети-то.

— А какая разница? — ответил я и поднял над головой листок. — Тут нигде не сказано, что донорами должны быть именно дети. Судя по всему, важно само содержание. Детей забирали активно. Видать всех поизымали. А тут мы, целых трое.

Катя охнула и села на стол, поерзав для удобства.

— Но откуда они узнали?

— Тут тоже все просто, — стал объяснять я. — Меня сдал Козельский, это тот, кто меня и с проектом сдал Лютецкому. Видимо, просек, что я запахи слишком хорошо различаю.

Сжав правый кулак до хруста, Миха стукнул им в левую ладонь и выдавил сквозь зубы:

— Такому Козельскому я бы рыло-то начистил бы.

— Понимаю, — с кивком отозвался я.

Миха продолжил все с тем же напором и разминая шею, будто уже сейчас собирается отправиться разыскивать Козельского, чтобы все ему растолковать:

— Но мы-то с Козельским не знакомы. Откуда про нас узнали служебники?

— Аделаида, — коротко ответил я. — Она ушлая. Догадалась. Я слышал, как она по смартфону с артефактом связи говорила с кем-то. Как раз сообщала, что один есть точно. Второй под вопросом, а третий — возможно. Один это я, в том, что я мутант она была уверена. А в Кате не очень. Миху подозревала, но не понимала, в чем конкретно его мутация. Откуда ей было догадаться, что наш детина чудо-механик.

По помещению вдруг разнесся испуганный вдох Кати, мы оглянулись, а она проговорила с блестящими от влаги глазами:

— Это что выходит? Каждый артефакт, которыми мы пользуемся, это в прошлом какой-то человек?

Стало немного гаденько. Катя права, артефакты в какой-то мере то, что осталось от людей с генами-мутантами. О технологии создания

артефактов не известно никому, даже мой всезнающий опекун эту тему обходил стороной. То ли сам не знал, то ли предпочитал ее не касаться.

Скрестив руки на груди, я покивал.

— Согласен, это отвратительно. Но кто ж знал…

— Знал бы, ни в жизни не прикоснулся бы к артефакту, — с жаром согласился Миха.

Какой бы жуткой ни выступала правда, я все же произнес:

— То, что делает Лютецкий, дико. Но те артефакты, которые уже созданы, в какой-то мере продолжение тех людей. Не уничтожать же их.

Встрепенувшись, Катя выпрямилась на столе и выдохнула:

— Ни в коему случае! Это все, что от них осталось! Но согласитесь, продолжать делать такое — безумие.

— Не поспоришь, — отозвался я.

Она продолжила все так же пылко:

— И что Лютецкий делал в этих далеких, заброшенных землях? Что значат крестики на карте? Почему они бросили здесь все? Кто-нибудь может ответить?

От волнения девушка часто задышала, щеки покраснели, она приложила ладонь к груди и стала похлопывать, чтобы себя успокоить. Беззащитную и испуганную, ее захотелось защитить от бед всего мира, я скинул рюкзак на одно плечо и достал из него флягу с водой, после чего передал Кате и отправил рюкзак обратно на спину со словами:

— Мы со всем разберемся. Не волнуйся.

Катя открутила крышку и сделала несколько больших глотков. Закрыв флягу, она вернула ее мне, а когда я убрал, проговорил негромко:

— Это надо как-то остановить… Так же нельзя. Это же живые люди…

— Живые мы! — подметил Миха. — Мне вот не хочется становиться артефактом Алексея Лютецкого.

— И мне, — согласилась Катя. — Но именно для этого он и гонится за нами.

Представлять, как нежная, красивая Катя превратится в какой-нибудь артефакт-аккумулятор или артефакт связи я даже не пытался — в груди в момент закипало жгучее, а мышцы наливались кровью и сжимали кулаки.

— Не догонит, — мрачно ответил я. — Я не дам сделать из нас артефакты.

Перепуганное личико Кати озарилось скромной улыбкой, она шмыгнула носом и открыла рот, наверняка чтобы восхититься моей смелостью, но выражение радости слетело, брови сшиблись на переносице. Повернув правое ухо куда-то влево, она несколько секунд прислушивалась, потом проговорила очень тихо:

— Кажется, вот и ответ, почему служебники покинули базу.

Принюхался, но ветра внутри нет, вентиляция не работает и из запахов я чую пока только металл, листы из лишайников, пыль, тела Михи и Кати, ну и так по мелочи. Но лоб Кати хмурится все активнее, а голова наклоняется левее.

— Что слышишь? — негромко спросил я и подхватил с пола кусок арматуры.

— Какой-то цокот кажется… — ответила Катя еще тише. — Будто когти по металлу…

Переглянувшись с Михой, мы, не сговариваясь, на носочках двинулись в сторону, куда направлено Катино ухо. Кажется, что стена в том месте изгибается, но при приближении проступил темный проем. Куда ведет не видно, поскольку по тоннелю фонари разбиты под чистую.

Принюхался. Тянет оттуда странной смесью чесночной шелухи, чего-то жухлого и кисловатого. Запах незнакомый. Миха вопросительно мне махнул подбородком, я в ответ пожал плечами.

— Куда ведет? — одним ртом спросил он.

— Не знаю, — так же ответил я. — Но пахнет недобро.

Бесшумно спрыгнув со стола, Катя последовала моему примеру и, подобрав кусок трубы с пола, шмыгнула мне за спину. Миха зыркнул ревностно, потом погрозил мне, что можно понять, как «головой за нее отвечаешь».

Запах становился сильнее, Катя шепнула на ухо:

— Оно приближается. Я слышу.

— Знаю, — отозвался я. — Чую запах. Но не пойму, чей.

— У него когти наверное…

— Спасибо за новость, — заметил я. — Будем готовы.

Соваться в тоннель мы не решились и в напряжении ждали. Через несколько секунд слабый цокот различили и мы с детиной. Сперва

тихий, потом все четче и звонче. Теперь уже никто не сомневался, что производят его когти, а вовсе не мягкие лапы.

— Мне страшно, — пролепетала Катя.

Поигрывая грудными мышцами под рубахой, Миха набычил лоб, глядя во мрак тоннеля, и предложил тихо:

— Можем выйти наружу.

— Думаешь, тварь туда за нами не сунется?

— А пес его знает, — признался детина. — Но там будет место для маневра. А тут и проход заделать нечем.

Прозвучало, как план. Я кивнул, и мы бесшумно двинулись к входной двери. Когда вышли в так называемый тамбур, снаружи поливало так, что мы все на пару секунд оцепенели. Настоящего ливня не видел из нас никто, а те скудные осадки, которые случаются в пустыне вокруг Красного града — кошачьи слезы, не больше. Но долго впечатляться дождем не позволили звуки из помещения: цокот уже не из тоннеля, а из зала с экранами.

— Вовремя выбрались, — проговорил Миха, с опаской косясь назад.

В носу свербело не только от влаги, но и от незнакомого запаха, он становится ярче несмотря на то, что мы покинули руиновый бункер.

— Что-то подсказывает, надо бы подальше.

— Там же мокро, — удивилась Катя.

— Не растаем, — заверил я и, ухватив Катю за руку, выскочил под стену дождя.

Ливень обрушился с такой силой, что меня придавило к земле, по плечам ощутимо забарабанило, глаза в раз застелило водой. Катя рядом что-то взвизгнула, споткнулась, но я подхватил и торопливо потащил в сторону от входа к каменному козырьку, который успел разглядеть слева сквозь стену дождя. Миха держался рядом.

— Первый раз так вымок, — сообщил он почему-то довольно, отплевываясь от холодной воды.

Я втащил Катю под козырек, Миха прыгнул следом, а я отозвался:

— Ничего. Хоть помоешься нормально.

— Я моюсь! — горячо заверил Миха и выкатил грудную клетку. — На той неделе мылся! А теперь дождь. Считай помывка на каждую седьмицу!

— А в остальные дни?

— В остальные дни грязь сама отпадает, — со знанием дела заверил детина. — И в пустыне воду беречь надо. Лучше употребить ее вовнутрь, чем без толку на себя лить.

— Как от тебя девки не разбегались, — хмыкнул я, прицельно глядя на выход из руин.

Миха сообщил деловито:

— Ну я ж красивый. Чего им разбегаться?

Покосившись на него, я коротко качнул головой. От детины и правда не смердит, не смотря на редкую помывку. Очевидно, ген-мутант и тут сыграл службу. Не удивительно, что Лютецкий за такими, как мы, гоняется по всему свету. Прав я: он алчный, псих и узурпатор, а рядится в личину благодетеля.

В проходе тем временем загремело, будто кто-то потер друг о друга листы металла. Сперва показался нос, здоровенный, размером с тазик для варки варенья из батата, с длинными, толстыми как проволока усами. Затем показалась черная морда, похожая на крысиную, но крыс таких размеров не бывает.

— Что это за тварь? — пролепетала Катя и прижала у груди металлическую трубу.

Когда тварь со скрежетом протиснулась в проход на половину, не обращая внимания на потоки, которые льются по черной шерсти, я припомнил: на этаже обучения видел похожих созданий на картинках. Только те умещались на ладони.

— Крот, — сообщил я хмуро. — Очень большой крот.

Заняв боевую стойку для рукопашной битвы, Миха похрустел шеей и попрыгал туда-сюда на носочках.

— Ага… Понятно. Крот. А чё за зверь этот крот? — спросил он, и пробил по воздуху двойной.

— Там, где в место песка земля, такие раньше в ней жили, — пояснил я, глядя как тварь медленно, но все же выползает наружу и дождь ей не мешает. — Но те были размером с мышь, раздобревшую правда.

— Это тебе не мышь, — согласился Миха. — Опасная тварь-то?

— Откуда я знаю? — изумился я. — Я такую тоже вижу впервые.

— А говоришь со знанием дела.

— Видел картинки на этаже обучения, — пояснил я. — Мелкие опасными не были. Только урожай портили.

Катя позади меня дрожит, что понятно — одежда промокла, холодная и противно липнет к телу. Придется где-то разводить огонь и сушиться, желательно побыстрее.

Она предположила:

— Значит не хищник?

Я покачал головой.

— Если бы.

— Ты же сказал, урожай портили, — растерялась Катя.

— Так портили, а не жрали, — уточнил я. — Портить можно и лапами. Вон, посмотри, какие когти.

Крот-переросток к этому моменту из прохода выполз полностью. Размером с упитанного быка, и когти соответствуют: светлые, полуметровые и толстые. Нос дергается, принюхивается, у него обоняние лучше человеческого раз в сто, а может в тысячу. Даже мой усиленный нос не так хорош.

Тварь будто поняла, о чем я думаю и резко развернула голову в нашу сторону. Глаза маленькие, черные, щурятся от света и воды, но нос двигается быстро, с ним ему и глаза не нужны.

— Надо уходить, — сказал я, отшагивая назад и уводя за собой Катю.

— Да мы его разом поборем! — с воодушевлением отозвался Миха и бодро потрепал плечами. — Смотри, он неповоротливый, как слизень.

— Это ты зря, — успел сказать я.

В эту же секунду пасть крота-переростка распахнулась, обнажив ряды коротких, но острых, как ножи, зубов. Раздался трубный и гулкий рев такой силы, что до меня долетело зловоние его желудка. И крот рванул на нас со скоростью локомотива.

Не сговариваясь, мы развернулись и бросились убегать вдоль руин по мокрому пырею. Сперва стена, прикрывала от воды справа, но она быстро кончилась, и ливень захлестал по лицу. Ботинки скользили, Миха разок упал, но перекувыркнулся как лихой акробат и, снова оказавшись на ногах, побежал. А на мой вопросительный взгляд крикнул, перебивая шум дождя:

— За козами гонялся по барханам! Научился!

В каком направлении бежим рассмотреть удалось только когда ворвались в заросли папоротника. Здесь он доходит до груди и его

густой запах пробивается даже через стену воды. Бежать через заросли сложнее, ветки бьют по лицу, не видно, что впереди, а за спиной сквозь шум воды прорывается грохот кротиных лап и его рев.

— Вот собака! — крикнул я. — Не отстает!

— Голодный небось! — отозвался Миха, который несется слева, с хрустом ломая папоротники.

— Ага! И догоняет!

По мере продвижения вглубь зарослей, папоротники становились все выше, некоторые уже не кусты даже, а что-то вроде деревьев. Не похожих, на те, что у Никифора, скорее на шершавые столбы, на верхушках которых в стороны пучками торчат зеленые перья. Одни едва доходят до колен, через такой я споткнулся и перелетел, свалившись в лужу, но тут же оказался на ногах. Другие выше меня раза в два, и чем дальше мы бежим, тем больше древовидных.

Катя мчится слева от меня молча, на сосредоточенном лице ужас и решимость. Ни одна знакомая девушка из Красного града не решилась бы покинуть его стены, не то, что пуститься в сомнительное путешествие неизвестно с кем и не известно куда, питаясь одной лишь надеждой.

Отвлекся я лишь на секунду, но ее хватило, чтобы Катя слева исчезла. Резко затормозив, я проскользил по раскисшей от воды земле и развернулся, прокричав:

— Катя пропала!

Пока массивное тело Михи закладывало поворот я кинулся обратно, откуда грохот и рычание крота-переростка гремят все громче. Послышался женский вскрик, я выскочил из-за пучка папоротника в момент, когда крот вывалился перед Катей и заревел. Катя лежит в грязи и в панике дергает ногу. Та по щиколотку застряла в корневище папоротника, вернее в том, что от него осталось.

— Держись! — крикнул я и кинулся наперерез кроту, который, уверенный в скором обеде пополз к ней.

Кусок арматурины, которую подобрал в руинах бункера, я так и не выбросил, и, когда тварь с раскрытой пастью нависла передо мной, я выставил ее вперед и громко заорал.

На секунду крот-переросток остановился, озадаченный едой, которая орет ему в лицо и тыкает железякой, но через секунду истошно зарычал в ответ. Из пасти пахнуло зловонием, и я на лице,

кроме потоков воды, ощутил капли слюны. Но их быстро смыло дождем, который стал понемногу затихать.

Я крикнул Кате:

— Беги!

— Не могу! Нога застряла!

— Да твою швору!

Подоспел Миха. Вдвоем они стали дергать Катину ногу, но та засела плотно, детина крикнул:

— Мечников, тяни время!

— Да легко! — отозвался я с напускной бравадой. Клыки крота-переростка, которые клацают перед лицом, ее совсем не добавляют, а мое скромное оружие и того меньше.

Поняв, что добыча больше не бежит, крот издал звук, похожий на писк, только громче в десятки раз, потом снова зарычал и двинулся на меня.

Не атаковал я до последнего, рассчитывая, что тварь испугается и уползет, но, когда та пошла в наступление и лязгнула пастью, едва не отхватив ухо, я огрел ее арматуриной по морде. Руки в миг онемели, в голове болезненно загудело, звук получился будто ударил по бетонной стене. По кротячей шерсти в месте удара пошли волны бликов, растворяясь по мере приближения к заду. И ни царапины.

— Чем тебя кормят? — бросил я.

В ответ крот зарычал еще громче, и резво для такой махины развернулся для новой атаки. Удар массивных когтей целился мне в грудь, но я все же меньше, а значит проворнее, и успел отпрыгнуть. Когти пропороли землю, где я стоял секунду назад, в стороны полетели комья грязи.

— Быстрый, тварь! — проорал я и оглянулся на Миху с Катей. — Вы там долго?

— Еще немного! — отозвался детина, который могучими пальцами раздирает остатки корневища, сам мокрый, рубаха облепила могучие плечи, которые вздуваются при каждом рывке. — Как оно так застряло, собака такая!

— Ты бы поторопился, — посоветовал я, отскакивая от пасти крота, который резко развернулся и вознамерился откусить мне голову. — А то этот переросток пытается обедать!

— Дело хорошее, — уверенно крикнул Миха, дергая ногу Кати, та поддается, но медленно.

— Ага, — согласился я и со всей силы обрушил арматурный прут на покрытую черной шерстью спину крота. — Когда обедать хотят не тобой.

Меня откинуло назад, шерсть крота снова пошла световыми волнами, а он, без единой царапины, развернулся на жирном брюхе в мою сторону и попер тараном.

— Швора вонючая, — рявкнул я. — Из чего ты сделан?!

Пришлось отступать. Пятясь к поляне с зарослями папоротников, я выставил перед собой прут и время от времени тыкал в морду хищнику. Тот ловко ее одергивал, я так ни разу и не попал, зато рычал он все грознее, а пасть становилась ближе.

— Народ! — крикнул я. — Надеюсь, вы закончили!

— Мечников, беги! — донесся голос Михи издалека и откуда-то из-за крота.

— Принято!

Рванул бы я сразу в сторону, но не успел, потому как зацепился пяткой за камень и навзничь загремел в папоротники. По лицу захлестали струи дождя , и жизнь перед глазами промелькнула, как один миг, когда жаркая пасть крота зависла надо мной, а с клыков справа на землю закапала густая слюна. Михе бы подбежать и огреть тварь чем-нибудь сзади. Это кроту не навредит, но в теории может отвлечь. Да только не успеет Миха.

Мотор в груди качал с такой силой, что загремело в ушах, виски сдавило. С криком отчаянной ярости я выставил вперед арматурину: если не выжить, так хоть Михе и Кате дам возможность сбежать.

Когда пасть крота передо мной раскрылась, из нее пахнуло горячим зловонием, я отвернулся, чтобы вода не так сильно были в лицо, и заорал:

— Ну давай, тварина поганая!

Из его нутра раздалось утробное урчание, я задержал дыхание, чтобы не вдыхать смрад, и приготовился к боли. Когда снова раздался звериный рык, я не сразу понял, что он сзади, а когда вонь отступила, развернул голову. Крот переросток поднял морду и скалится куда-то мне за спину.

Перевернуться я едва успел, когда рык повторился, громкий, раскатистый и величественный. Только откатившись, я смог подняться и обомлеть, потому что из зарослей папоротников на задние лапы встала тварь, размером чуть больше крота-переростка. Сплошь в зеленовато-бурой шерсти, которая едва мокрая, да и то сверху, а брюхо сухое, будто не знает ни о каком ливне. Морда здоровая, с чуть вытянутой пастью и короткими ушами. Глаза смотрят вперед, что значит тоже охотиться умеет. Лапы с когтями немногим меньше, чем у первого хищника, но этот маневреннее, раз стоит на дыбах. Он раскрыл пасть, обнажив мощные клыки и гулко заревел.

Чтобы не оказаться между двух хищников я медленно стал красться в бок, а когда из-за крупа крота стали видны Миха с Катей, от сердца отлегло: целы и невредимы.

— О, живой! — крикнул детина радостно, поддерживая Катю под плечо, значит ногу все же повредила. — Что там?

Во все глаза глядя на гигантов, я продолжил незаметно отшагивать от них и ответил:

— Не поверите. Медведь.

— Это те, что мёд едят? — не понял Миха. — Они должны были за пчелами поиздыхать.

— Не поиздыхали, — заключил я.

Держа Катю на плече, как тряпичную куклу, детина метнулся в сторону, чтобы кротячий зад не перекрывал обзор и охнул:

— А чего он… Зеленый какой-то? Батя рассказывал, что медведи бурые. Или белые.

— Да откуда я знаю! Позеленел! Он размером больше!

Медведь в этот момент, недовольный, что его потревожили и оторвали от важных медведячих дел, снова трубно взревел и, мотнув башкой, пошел на крота. Я предположил, что крот в страхе развернется и даст деру, но вместо этого он поднял морду и, выставив вперед громадные когти, попер на медведя.

Гиганты сшиблись в яростной атаке, воздух заполнился ревом, хрипами, скрежетом шерсти, которая оказалась настоящей броней. Запахло мускусом, мокрой псиной, червями и уксусом. На нас твари уже внимания обращали не больше, чем на папоротники. Они швыряли друг друга, как борцы, пропарывая телами глубокие борозды в почве, ревели и драли друг друга, разметывая клочки шерсти.

Мы кинулись бежать, но все время оказывались на пути тварей. Пару раз меня снесло земляной волной, когда медведь пробороздил телом крота землю. В другой раз, повезло кроту. Когда крот налетел на противника, медведь отлетел с такой силой, что снес Катю, ей чудом удалось не попасть под него и ее отшвырнуло на меня. Миха героически бежал перед земляной волной, которая вспучивается под телами хищников, а те со скоростью локомотива движутся за ним, сшибаясь и швыряя друг друга.

Нам с Катей удалось его догнать только с третьего раза, теперь мы бежим вместе перед волной неудержимой драки гигантов. И как бы ни старались, твари больше и быстрее. Настолько, что запах их туш в какой-то момент стал нестерпимым, что значит — нас сейчас сомнет.

— Народ! — прокричал Миха с выражением безысходности на лице, — Вы простите, если что не так!

— Подожди прощаться! — упрямо выкрикнул я, хотя и сам не знаю, на что надеяться.

За спиной громыхнуло, по земле пошла вибрация, сейчас волна докатится до нас, и тогда все. Мои пальцы сжали ладонь Кати бледной, как побелка, в груди кипело, я приготовился.

Но вместо волны земли и тварей, которые должны были нас накрыть, с боку что-то ударило, не больно, но ощутимо. Затем рывок. В ушах засвистел ветер, перед глазами на бешеной скорости мелькнули папоротники. Длилось это секунды три, но за это время рев хищников, лязг когтей и зубов переместились влево и отдалились. Потом мир снова остановился, я обнаружил себя и своих друзей лежащим на мокрой после дождя земле, мы прижаты друг другу спинами благодаря толстому лассо.

— О, как, — проговорил я и поднял голову.

Глава 18

Увидеть в этой глуши девушку не ожидал никто из нас, так что первые несколько секунд мы, окольцованные тугой петлей, сидели на промокшей, скользкой земле и смотрели. Девушка улыбалась широким ртом с жемчужными зубами и игриво морщила носик. На не в пример женщинам широких плечах лежит каштановая коса толщиной в запястье, зеленые глаза смотрят лукаво. Одежда на нашу не похожа, из-под тугой жилетки торчит воротник рубахи, но сама жилетка из чего-то гладкого и на вид крепкого. Такие же и штаны обтянули крутые бедра. Чуть ниже колен завязаны сапоги с мощной подошвой.

Краем глаза заметил, как отвисла челюсть Михи: смотрит, даром что слюни не пускает.

— Хлебницу-то захлопни, — предложил ему я и обратился уже к девушке. — Спасибо за спасение. Не ожидаешь встретить тут кого-то.

Девушка присела перед нами на корточки. Снимать аркан, край которого закреплен на массивном механизме у неё на спине, видимо для метания и вытягивания, она не торопилась.

— Да уж точно, — согласилась она красивым, низковатым голосом. — Вы кто такие и что делаете в Дикой зоне?

— Может сперва снимешь веревки? — спросил я и подвигал плечами, стараясь ослабить путы, но те держат крепко, не скажешь, что вязала женщина. — А то как-то не удобно задирать голову.

Девушка хмыкнула уверенно и с ухмылкой.

— Да? А вдруг я вас развяжу, а вы из этих?

— Это из каких «этих»? — уточнил я.

— Да были тут когда-то одни, — рассматривая каждого, отозвалась девушка. — Вояки. Все высматривали, рыскали, землю рыли. Потом снарядами швыряли. Куртки, смотрю, на твою похожи. Только у тех нашивки были с кругами и буквой «т» в середине.

Девушка кивнула на меня с подозрением, хотя озорная ухмылка с лица не ушла. После неудавшейся драки с Михой в «Медном ковчеге» я содрал с куртки последнюю нашивку буквально сразу. Как оказалось, предусмотрительно.

— Это служебники Оазис-Техно, — сообщил я. — Мы не из них.

— Чем докажешь?

— Посмотри на нас, — отозвался я и взглядом обвел Миху и Катю. — Какие мы оазисные?

Девушка прищурилась, пару секунд выжидательно молчала, покусывая нижнюю губы, потом поднялась и проговорила:

— Эти двое может и не оазисные, как ты говоришь. Но ты… Что-то в тебе такое… Есть.

— Это потому, что раньше он был оазисным, — встрял Миха, а Катя рядом сокрушенно выдохнула. — Но он от них сбежал. Теперь они за нами гонятся.

Брови девушки с интересом приподнялись, во взгляде проступило любопытство, но пока трудно понять это от желания помочь или наоборот, прибить.

— Вот как? — произнесла она. — И чего они за вами гонятся?

Миха открыл рот, чтобы ляпнуть еще что-нибудь не к месту, но Катя с силой толкнула его локтем в ребро, тот ойкнул, а я проговорил:

— Это правда. Раньше я работал на Оазис-Техно. Но я сбежал. — Я кивнул на Катю и Миху. — А эти отправились со мной в поисках лучшей жизни. Слушай, распутай нас. Хотела бы убить, не спасала бы. Кстати, зачем ты нас спасла?

На лице спасительницы проступило сомнение, она пожевала губы, потерла подбородок, подперев локоть кистью.

Она произнесла уверенно:

— Увидела людей в беде, вот и спасла. Так полагается. А уж потом можно и подумать, кто такие. Отведу вас к командиру. Пускай разбирается.

В теории, выпутаться из аркана можно, если приложить немного усердия и сноровки. Но встретить людей в такой дали от Красного града само по себе чудо. И, судя по ее словам, о служебниках они знают только с практической позиции. Что может означать: контактов с основным миром у них либо нет, либо нарочно от него отгораживаются.

Девушка приказала нам подняться и все-таки сняла веревку, но предупредила, похлопывая ладонью по арканному механизму на спине:

— Если выкинете что-нибудь, я успею вас связать.

Пришлось согласиться. Она пустила нас перед собой, а сама двинулась следом, направляя и указывая. Ориентировалась девушка в дебрях папоротников не хуже, чем я в Красном граде, Видимо, родилась и выросла здесь. Только человек, всю жизь проживший в таких дебрях, может знать перед каким кустом поворачивать.

Ливень закончился, папоротниковый лес заполнился звуками падающих капель и чавканьем ботинок. Небо постепенно очищалось, и минут через пятнадцать пути стало совсем голубым. Солнце теплое, но не палит, как обычно, а скорее приятно согревает. Почва быстро прогревалась и густой запах земли стал подниматься белесым паром.

— Хоть скажи, как тебя зовут, — предложил я через плечо. — А то как-то не красиво. Ты вроде нас спасла. Я Андрей. Это Катя и Миха.

Сперва из-за спины продолжали раздаваться равномерные шлепающие шаги, девушка тянула, но потом все-таки произнесла:

— Васа.

— Необычное имя, — заметил я.

— Имя коренного населения этих мест, — отозвалась нехотя Васа из-за спины. — Я здесь родилась. Потому так и назвали.

— А что, собственно, за земли? — решил поддержать беседу я, раз уж Васа пошла на контакт.

Повисло недолгое молчание, видимо девушка обдумывает, стоит ли разговаривать с незнакомцами до того, как допросит командир. Потом проговорила нехотя:

— В основном зыряне. И разные их ветки. Раньше в основном здесь жили они, но после коллапса сюда потянулись с разных мест.

— И много тут вас? — со все больше разгорающимся интересом поинтересовался я.

Девушка поравнялась со мной. Идет статная, крепкая, кровь с молоком, совсем не похожа на стройную Катю. Васа, как в присказке, точно сможет на коне в горящую избу въехать, или что-то около того.

— Не очень, — сообщила она. — Хватит болтать. Я уже и так много сказала.

По моим прикидкам преодолели мы километра три-четыре по зарослям папоротника и высокой траве. Потом свернули куда-то вправо и путь пошел вниз. По мере спуска воздух становился сырее, а запахи травяного сока и земли — гуще. Когда оказались в ложбине, почва пошла ровнее, а заросли плотнее.

Потом Васа отодвинула перед нами густые перья папоротников и приказала шагать. Пришлось подчиниться.

Впереди раскинулся натуральный лагерь. В середине костер, над ним кипит котел, по краям какие-то шалаши из веток папоротников, издалека и не отличишь от живых. Народа насчитал двадцать человек, все заняты делом: кто точит нож, кто мешает ложкой в котле, трое развешивают какие-то травы на веревке, еще несколько свежуют тушу непонятного зверя.

Едва мы вошли, люди оглянулись и напряженно замерли. Я дружелюбно улыбнулся, чтобы снизить накал, но Васа подтолкнула в плечо и заметила сурово:

— Рано улыбочки посылаешь. Еще надо выяснить, кто такие и зачем пришли.

— Я уже сказал.

— Командиру скажешь, — бросила девушка и указала на один из шалашиков.

Переглянувшись с Михой, мы двинулись к нему. У занавешенного пологом входа путь перегородили два бугая с суровыми, обветренными лицами. Васа шагнула вперед и обратилась к ним:

— Позовите командира. Это чужаки.

— Если чужаки, на кой привела? — бросил один из охранников.

— Тебя спросить забыла, — резко отозвалась девушка. — Зови, сказала, иначе скажу командиру, что из-за тебя не допросили лазутчиков и потеряли ценные сведения.

Охранник надвинул кустистые брови, а я заметил:

— Мы не лазутчики.

— Это мы еще посмотрим, — проговорила девушка.

Пока верзилы соображали, что с нами делать, полог шевельнулся и откинулся в сторону, а из шалаша шагнул мужчина лет сорока на вид. Невысокий, но коренастый, с волевым подбородком, на котором недельная щетина, и конкретной проседью в темных волосах. Одет, как и все тут, в жилетку, штаны из чего-то коричневого, крепкого и, судя по всему, влагостойкого. Из-под жилета торчит рубаха из толстой серой нитки, значит, крепкая и плохо намокает. Глаза небольшие, но взгляд цепкий.

Нас он оглядел с ног до головы сразу всех троих и проговорил густым басом:

— Васа, ты то папоротникового медведя притащишь в лагерь, то шпионов. Будет день, когда просто принесешь траву, за которой ходила?

Выглядит этот человек сурово, но в запахе агрессии не уловил, значит Васа у него на хорошем счету.

Она развела руками и ответила:

— Просто траву носить скучно.

— Остальным женщинам не скучно, а тебе скучно, — хмыкнул командир, продолжая изучать нас.

— А я не остальные, — заметила Васа. — Может я не хочу травы собирать. Может мне охота нравится.

Человек вздохнул и прочистил горло.

— Замуж тебе надо, — заключил он. — Так. Ладно. Ответствуйте, кто такие.

Не дав Михе вставить свои пять рубов и испортить все излишней открытостью, я коротко представил нас. Рассказал, откуда идем и почему. О пчелах предусмотрительно умолчал, как и о семенах цветковых растений. О том, что мы все трое с геном-мутантом, тоже решил пока не сообщать. Командир со звучным именем Борис Борисов, которого здесь коротко зовут командир Бор, сидел на остатках корневища папоротника, именуемого «пень», и кивая, внимательно слушал.

Когда я закончил, он поскреб ногтями щетину и произнес спустя пару мгновений:

— Значит за вами гонятся служебники Оазис-Техно, те самые, которые когда-то рыскали в этих землях

— Верно.

— И вы утверждаете, что не знаете, чего им от вас нужно, — продолжил командир Бор и пробарабанил пальцами по коленке.

— Вроде того, — отозвался я и мысленно покривился, потому как ветерок со стороны командира принес порцию воздуха. По запаху понятно, не очень-то он мне и верит.

Он покивал чему-то и проговорил:

— Сдается мне, вы, ребята, недоговариваете. Считай, привираете. А со врунами у меня разговор короткий.

Развернувшись в пол-оборота, командир крикнул подчиненным, которые свежуют тушу:

— Свяжите этих и киньте в яму с крысами. Может тогда врать перестанут.

О крысах в Красном граде знает каждый, как и в любом другом месте. После коллапса грызуны чуть ли не главный уничтожитель пищевых запасов, особенно зерна. Твари живучие, не удивительно, что и в этом далеком краю они тоже водятся. Но когда со связанным и руками нас потащили к краю лагеря, нос мой уловил совсем непривычный крысиный запах. Они и так пахнут узнаваемо, но эти — особенно резко и кисло, будто не крысы, а целые телята.

Перепуганная до бледноты Катя слева от меня, прошелестела обескровленными губами:

— Там такой звук страшный…

— И пахнет отстойно, — согласился я.

— Я не хочу в яму…

Едва я собрался ответить, что никто не хочет, как меня толкнули в спину, я шагнул сквозь папоротниковые листья и застыл с холодком на спине на краю котлована размером десять на десять. Глубина не меньше пяти метров, на дне бегает пять крыс размером со среднюю собаку. Время от времени прыгают, но выбраться не могут, глаза черные, на лапах закругленные когти. Твари поднимают морды и принюхиваются. Значит, голодные.

Катя взвизгнула в ужасе:

— Вы с ума сошли?! Они же нас сожрут!

Подошедший в компании Васы командир, заложил руки за спину и, выпрямившись, проговорил буднично:

— А мне по чем?

— Как по чем?! — еще больше ужаснулась Катя. — Вы же не бросите живых людей к этим тварям! Нам нужна помощь, а вы нас в яму!

Будь я один, смог бы выбраться. Достаточно столкнуть ближайшего охранника в котлован и рвануть вон к тем кустам. Но втроем такое не провернуть, а договориться не выйдет, слишком пристально слушают и наблюдают. Представлять, как крысы переростки лезут по Кате, не стал, и так в голове закипело.

Я сказал:

— Отпустите хотя бы девушку.

— Чтобы она связалась с вашими служебниками и разболтала, где мы? — отозвался капитан Бор спокойно. — Нам таких одолжений не надо. Мы живем здесь много лет своим укладом. Не воюем с севером, избегаем юга. Пусть так будет и дальше.

Ситуация давно вышла из-под контроля, но сейчас обрела совсем неперспективный оборот. Натянув веревки, я попробовал их на прочность, но те впились в запястья, я прорычал глухо, а командир, заметив мою попытку, хмыкнул:

— Эти веревки удержат даже папоротникового медведя. Уж с вами-то справятся.

— И воняют они так же, — огрызнулся я, прикидывая, что, если толкну охранника справа в яму, Миха успеет сориентироваться и пнет того, что рядом с ним. Тогда будет шанс броситься вокруг ямы к дальним кустам. За нами погонятся, но шанс на побег лучше, чем его отсутствие.

Командир Бор тем временем с задумчивостью на меня оглянулся.

— Ишь, какие мы нежные, — бросил он. — Никто не жаловался.

Я проговорил, оценивая взглядом расстояние до зарослей: метров десять, не так много вообще-то:

— Кому жаловаться? Вы всех гостей к крысам бросаете.

Чуть дальше Васа слушала нас, нахмурив лоб и кусала губы. Когда один из охранников подтолкнул меня в спину, она проговорила:

— Командир Бор, может не надо их сразу в яму?

Обернувшись на нее, командир приподнял кустистую бровь.

— Тебя кто-то спрашивал? — произнес он.

— Нет, просто…

— Что просто? — басовито проговорил он, наседая. — Тебя разве не учили защищать общину?

Васа опустила взгляд, между бровями пролегла небольшая морщинка, она ответила нехотя:

— Учили...

— Всеми доступными способами, — продолжил командир.

— Угу.

— И чего ты вдруг воспылала сочувствием в этим троим? Сама слышала, за ними гонятся служебники. Не ровен час, и до нас доберутся. Проще избавиться от них и дело с концом.

Губы девушки скривились, она укусила нижнюю и вытерла лицо ладонью, затем побежденно вздохнула и послала мне виноватый взгляд. К ней претензий нет, девушка выполняла приказы командира, да и он пытается обезопасить жизнь своим. Но у меня тоже теперь «свои».

Я проговорил:

— Если служебники идут по нашему следу, они доберутся сюда независимо от того, убьете вы нас или нет. И в случае второго, с вас спросят.

Повисла тишина, в которой слышно, как скрипят мозги командира и шелестит ветерок верхушках папоротников. Спустя минуту он с недовольством прокашлялся и произнес:

— Может ты и прав. Если вас ищут живыми, нам выгоднее вас сдать служебникам. Ладно, башковитый ты Мечников. Не буду я бросать вас крысам. Ведите их обратно.

То, как выдохнула Катя услышали, наверное, на другом краю мира в самом Красном граде. Миха, который все это время напряженно смотрел вперед и натягивал веревки, играя могучими плечами, как бык, готовый в любой момент сорваться, тоже немного осел.

Нас отвели обратно в лагерь подальше от смрадной ямы с крысами и посадили в небольшой шалаш, где пахнет мятой и немного чесноком. Когда расселись по углам на сухой траве, Катя ослабленно оперлась спиной на опору и проговорила:

— Думала, нам конец. Миха, в следующий раз, прежде чем что-то сказать, сожми губы.

Детина похлопал ресницами и отозвался:

— Так с сомкнутыми губами не получится говорить.

— Вот именно! — огрызнулась Катя. — Из-за твоей доверчивости мы едва не угодили в яму с крысами! И не известно, чем это все кончится.

— Так я ж не знал, что они тут, ну… Такие, — попытался оправдаться детина, но быстро понял, что не выйдет, виновато опустил голову и плечи.

Мой мотор все еще бьется учащенно, мышцы натягивают веревки, а созерцание посыпающего голову пеплом детины успокоения не прибавляет. Я сдул со лба травинку, видимо, прилипла во время драки с тварями, и проговорил с суровостью:

— Ладно, он понял. Миха, ты же понял, да?

— Да понял, понял… — пробурчал он в сторону.

— Я понимаю, ты рос на ферме среди своих, и никто вам не мешал. Потому и веришь каждому встречному, — продолжил я, чуть смягчаясь. — Но меня жизнь в Красном граде в среде Оазис-Техно научила быть осторожным.

— Катерина тоже росла на постоялом дворе, — попытался оправдаться Миха.

Покачав головой, я пояснил:

— Катя женщина, они вообще очень осторожные. Потому что хрупкие. Да и постоялый двор не самое безопасное место для девушки. Вот и научилась проверять, кому верить, а кому нет.

Раздраженно дернув плечами, что не удобно делать, когда связаны руки, детина пробормотал:

— Я дурак по-вашему что ли?

Набрав воздуха, я собрался сказать, что вообще-то есть немного, но Катя опередила.

— Не дурак, — произнесла она терпеливо и послала мне выразительный взгляд, — просто очень открытый.

Немного подумав, я кивнул.

— Ну, примерно так. Надо выбираться отсюда. Если командир Бор действительно решит нас сдать служебникам, делать тут нечего.

— Он упомянул, что они находятся в мире с севером. Значит, на севере кто-то есть? — предположила Катя.

— Не понятно, что он имел в виду, но проверить стоит, — согласился я.

— И как ты собрался проверять?

— Эмпирическим путем.

Вход в шалаш загородила тень, я уловил знакомый запах, и сделал знак, чтобы все замолчали. Через секунду внутрь шагнула Васа с небольшим тканевым свертком.

— Я тут это… — проговорила она и положила сверток на середину ковра из сухой травы.

Незаметно втянув носом, я различил запахи сушеного хлеба и вареной картошки, а Васа села на против и продолжила, разворачивая ткань:

— Вы не думайте, командир Бор очень хороший. Просто заботится о нашей безопасности.

— Понимаю, — отозвался я, глядя на пухлую буханку хлеба и три большие картошки с обугленной коркой, что значит, запекали натурально, то есть в костре.

Васа преломила хлеб и протянула мне вместе с картофелиной.

— Наша община выживает в этих землях много лет, — сообщила она, передавая еду остальным. — Старейшины говорят, после коллапса не все захотели запирать себя за городскими стенами и подчиняться новым законам. Вот и ушли на север.

Держать горячую картошку с завязанными руками не удобно, но я изловчился и откусил. Сладковатый вкус разлился по языку, обжигая.

— Нам говорили, что на севере ничего нет, — сказал я, жуя и выпуская изо рта жар, — только твари и безжизненные пустоши.

Васа кивнула.

— Тварей здесь действительно много. Старейшины говорят, это все из-за инсектицида, который попал в почву. От нее заразились животные. Многие вымерли. А те, кто выжил, мутировали.

Миха крепкотелую красавицу рассматривал во все глаза, он хмыкнул.

— Тогда понятно, откуда крот-переросток и тот зеленый медведь.

Девушка отломила еще один кусок хлеба и протянула ему со словами:

— Это папоротниковый медведь и лютый крот. Медведи обычно не очень агрессивные, все больше папоротники жрут, благо, их тут полно. Но не гнушаются и мясом, если голодные. А лютый крот тварь непредсказуемая. Но однозначно хищник.

Катя медлила с едой дольше всех, пристально изучая и проверяя. Когда воительница упомянула про тварей, Катя передернула плечами и спросила:

— Как вы тут живете, если здесь так опасно?

— Не опаснее, чем в ваших краях, наверное, — отозвалась Васа, улыбнувшись Михе. — Здесь есть свои прелести. Много грибов, воды, съедобных растений, хорошо растут корнеплоды. А что твари… Так мы не первый день живем.

Она демонстративно похлопала себя по выдающемуся для девушки бицепсу. Не удивительно, что на мощных плечах носит

акарнный механизм и смогла всех троих сдернуть с линии атаки тварей.

— Тебе не влетит за то, что нас кормишь? — спросил я.

— Может и влетит, — усмехнулась девушка, обнажая чистые, ровные зубы, — но пленники тоже имеют право на пищу. Тем более, у нас с ней все в порядке.

— Земля здесь живая, — согласился я, плавно подводя разговор к вопросу о севере. — Мы привыкли к пескам и барханам. Там картошка растет только на зеленых фермах в градах. Ну и кто во что горазд.

Васа призналась:

— Не знаю, что такое барханы.

С довольной харей Миха поспешил объяснить:

— Это горы из песка. Много гор.

— Не представляю, — честно ответила воительница. — Мы не контактируем с людьми юга. Я только и слышала, что в руинах, возле которых вы от тварей убегали, когда-то были чужаки. Что искали не знаю, но так и не нашли видать.

Жуя картофелину и закусывая ее хлебом, выпаренным для лучшей сохранности, я прикидывал, доберутся ли сюда служебники. Огромный отрезок пути мы проделали на аэростате, отследить наше передвижение Лютецкий не мог. Есть шанс, что наш след они потеряли. А в этих заброшенных землях на другом краю мира искать нас, что иголку в песчаной куче.

— А на севере что? — спросил я. — Твой командир сказал, что с севером вы живете мирно. Это фигура речи? Или там правда кто-то есть?

Несколько секунд Васа молча, ковыряла хлеб, покусывая нижнюю губу, потому все же выдохнула и проговорила:

— Старейшины рассказывали, что раньше в этих землях были холодно. А туда дальше на север и вовсе снег и лед.

— Что такое снег? — перебил ее Миха.

— Это когда с неба белый мягкий лед сыпется, — объяснила Васа, лицо Михи нахмурилось, брови задвигались. Его можно понять, поскольку представить мягкий белый лед проблематично.

Васа продолжила:

— После коллапса исчезли пчелы и цветы, сильно поменялась погода. На юге стало жарко, а север растаял. Тут теперь тепло, но

расплодились твари. Мы приспособились и живем всегда на стороже. Но там на севере есть земля, куда никто из наших попасть не может.

— Почему? — спросил я.

Девушка развела руками.

— Просто не можем и все. Будто кто-то ум дурманит и оказываешься в другой части зарослей.

— Сказки какие-то, — бросила Катя недоверчиво, все так же осторожно пережевывая картошку.

Покосившись на нее сердито, Васа откинула каштановую косу за спину и проговорила:

— Я бы тоже не поверила, если бы сама пару раз там не блуканула. Говорят, там асы живут. Командир как-то видел одного. Тот по скалам прыгал, не хуже барана. И быстро так. За несколько секунд скрылся из виду.

Поперхнувшись картошкой, я прокашлялся и принял у Васы из рук баклажку с водой. Прохладная, немного сладковатая, она полилась в горло, очищая пищевод и мысли. Предположение дикое и безрассудное, но покосившись на Катю с Михой, понял: им в голову пришла аналогичная мысль.

С наружи донесся какой-то шум и суета, Васа резко выпрямилась и поднялась, сказав:

— Пойду посмотрю, что там.

И скользкой тенью покинула шалаш. Я принюхался: воздух колышется, значит народ снаружи двигается быстро, к чему-то готовится. Развернувшись сперва правым ухом к выходу, затем левым, Катя проговорила сосредоточенно:

— Гремит оружие… Командир требует занять изготовительные… Посылает разведку…

— Кого там еще принесло, — пробурчал Миха.

Зацепив зубами веревку на запястьях, я попытался ее развязать. Но затянуто умело, просто так не распутать.

Отплевавшись от волокон, спросил:

— Вы тоже решили, что на севере могут быть люди с геном-мутантом?

Продолжая прислушиваться и глядя куда-то в стену шалаша, Катя отозвалась:

— Невероятно, конечно. Но кто бы еще бегал с бараньей ловкостью по скалам?

— Если так, тогда понятно, что здесь искал Лютецкий, — проговорил я и в животе похолодело от масштаба возможной катастрофы. — Он за нами троими-то гонится и готов полмира пересечь. А если где-то целая деревня таких? Он ведь знает о том, что они где-то на севере! Вы понимаете?

Прикрыв рот завязанными запястьями, Катя в ужасе широко распахнула глаза.

— И из всех он хочет сделать артефакты! Чтобы иметь еще больше власти!

В груди неприятно защемило, а в районе ребер заныло. Опекун учил не брать на себя ношу больше той, что сдюжишь поднять. Но как понять, сдюжишь или нет, не попробовав, не сказал. Может для бывшего кочевника такая философия работает. Но я не кочевник. И оставить Миху с Катей не смог. Как не оставлю и остальных, потому что Лютецкий не прекратит охоту на людей с геном-мутантом, пока не изничтожит всех. Может я и не герой, но в моих силах сделать хоть что-то.

Снова снаружи колыхнулся знакомый запах, в шалаш влетела запыхавшаяся Васа. Глаза горят, одной руке пальцы сжимают хлыст, в другой — нож.

— Руины засветились! — сбивчиво сообщила она.

Запрокинув голову, Катя рассерженно прорычала:

— Развяжи нас! Нам надо бежать!

На что я поднял на нее взгляд и произнес негромко, но твердо:

— Развязать да. Но мы не побежим.

Глава 19

Взгляды Михи и Кати упали на меня весом годовалого теленка, брюнетка в себя пришла первой и спросила торопливо:

— Тебе местная вода в голову дала?

Развернувшись к ней, я посмотрел в зеленые, блестящие глаза и понял, что принимаю самое правильное решение.

— Побежите вы, — сообщил я. — А я наконец встречусь с Лютецким.

Выпучившись на меня, Катя выдохнула:

— С ума сошел?! Миха, скажи ему!

Детина задумчиво поглядывал на Васу, которая слушает нашу беседу с приподнятыми бровями и выражением снисходительного недоумения.

— Вы ничего не перепутали? — спросила она. — Вы вообще-то пленники. Не забыли?

Поднявшись, я встал перед воительницей, что с завязанными руками неудобно. Несмотря на ее значительный рост, я все-таки выше, так что посмотрел сверху вниз, откуда хорошо видно ее богатство в небольшом вырезе, и проговорил:

— Васа, послушай меня сейчас очень внимательно. Если служебники Лютецкого здесь окажутся, и вы перед ними раскроетесь, вам конец. Не поможет даже то, что вы нас ему отдадите.

— Почему это? — мрачно надвинув брови, спросила воительница.

— Они здесь уже были, — пояснил я. — Но не нашли, что хотели. А вы местные. Они будут выпытывать из вас все, что знаете о севере.

— Об асах что ли?

— Умница.

— Ну и что? — еще более хмуро поинтересовалась девушка и сжала рукоять ножа сильнее. — Если у них дела с ними, мы тут причем? Расскажем и пускай занимаются, чем хотят.

Я покачал головой.

— Вас они в покое тоже не оставят. Я хорошо знаком с идеями Лютецкого. Если вы не поможете, у вас никогда больше не будет спокойной жизни. Ни у кого. Ни в этой части мира, ни в какой другой.

Губы воительницы покривились, по лицу скользнула тень сомнения, она нервно передернула могучими плечами.

— Слушайте, вы милые, мне не хотелось вам вредить. Но я вас не знаю, а вы просите поверить вам на слово и нарушить приказ командира, — сказала она. — Простите, я не могу.

Шум снаружи становился все настойчивей, к запахам примешались оттенки чего-то резкого, судя по всему, горючего, потянуло сырым дымком. Катя шевельнула головой и, прислушиваясь, проговорила:

— Командир Бор отдал приказ сдать нас чужакам, если те заявятся. Вторая разведгруппа ушла за первой, потушили костры, лагерь затихает.

Брови Васы сдвинулись на переносице в озадаченном удивлении. Она спросила с напором:

— Откуда она знает?

Пару секунд я выразительно смотрел на воительницу сверху вниз, ожидая, что догадается, но когда этого не произошло, ответил коротко:

— Слышит.

Отшатнувшись, воительница похлопала ресницами, рот раскрылся в неверии.

— Она что…

— Мы все, — опередил ее вывод я. — Поэтому Лютецкий за нами гонится. В ваших землях он уже был. Очевидно, искал таких, как мы. Васа, если он нас найдет, то превратит в силовые артефакты, и будет в одиночку управлять миром, превращая его в пустыни. Он гениальный стратег и отбитый псих с комплексом императора. Если не хочешь, чтобы здесь вырос очередной град для обеспечения Оазис-Техно, а люди не стояли в очередях за кислородом и картошкой, ты нам поможешь.

Судя по излому бровей, тень сомнения в ее доверии командиру я все же поселил, но сказала она другое:

— Звучит сильно. Но это просто слова.

Слева гневно прошипела Катя.

— Да твою ж швору, — выдавила она первое грубое слово за всю дорогу и, поднявшись, резко шагнула к нам. — Ты знаешь про пчел? Все знают. Они исчезли перед коллапсом. Это все Лютецкий. Его инсектицид виноват. Во всем. В гибели пчел, в засухах, в потеплении.

В появлении тварей. Ты хочешь, чтобы он пришел сюда? А Лютецкий придет. Мы пытаемся его остановить! Только у нас есть шанс вернуть миру изобилие и остановить гибель людей с геном-мутантом.

По тому, как резко и прямо зыркнула на Катю воительница, выпад ей не понравился. Вскинув подбородок, Васа подняла хлыст к лицу Кати и проговорила приглушенно:

— Это тоже просто слова.

В ярости зарычав, Катя надула щеки и выдохнула воздух, после чего бросила мне:

— Мечников, покажи ей!

Что показать — понятно. Однако Васа смотрит резко, во взгляде смятение, губы подрагивают, а пальцы сильнее сжимаются то на ручке хлыста, то на рукояти ножа.

Я произнес:

— Не нравится мне эта идея.

— А у тебя есть получше?

В теории можно просто навалиться втроем на Васу и сбежать. Но тогда нас будут разыскивать не только служебники, но и эти аборигены. А хотелось бы увеличивать количество союзников, а не врагов.

Вдохнув поглубже, я проговорил, выставляя перед собой связанные запястья воительнице:

— Развяжи.

— Еще чего.

— Развяжи. Я кое-что покажу. Не убегу.

— Так я и поверила, — фыркнула Васа.

— Хотели бы, уже сбежали бы, — заметил я и обвел нас троих взглядом.

Еще несколько секунд Васа мялась в сомнениях, потом зло прохрипела и чиркнула лезвием ножа по веревке.

— Только без глупостей, — предупредила она.

— Да какой там, — хмыкнул я.

После чего быстрым движением скинул лямку рюкзака и перетащил его на живот, а, расстегнув, аккуратно на половину вытащил сохранный артефакт. Его голубоватое свечение залило полумрак шалаша. Васа, поморщившись, заслонилась от света ладонью, а когда глаза привыкли, убрала ее и, щурясь, присмотрелась.

Сперва она морщила лоб, соображая и приглядываясь, потом глаза стали медленно расширяться, брови всползать на лоб, а рот раскрываться. Шумно сглотнув, она указала на артефакт и проговорила перехваченным хрипом голосом:

— Это… это…

— Последняя в мире пчеломатка и ее пчелы, — подсказал я. — И если ты не поможешь нам, Лютецкий получит и их.

На сияющую голубым колбу Васа пялилась пару секунд и хлопала губами, потом снаружи что-то громыхнуло, она вздрогнула и очнулась.

— Я выведу вас из лагеря, — сообщила воительница решительно.

Я кивнул и уточнил:

— А командир?

— Его беру на себя, — ответила она.

— Не похоже, что он слушает подчиненных.

— Подчиненных может и не слушает, — отозвалась девушка, выглядывая из-под полога шалаша, — а к дочке прислушается.

Она выскользнула наружу, через секунду оттуда донесся ее быстрый шепот:

— Выходим. Сразу налево, за шалаш.

Выскочив первым, я успел заметить суматоху в лагере, нос не обманул: костер затушили, это от него пахнет мокрым дымком. Опустело, только некоторые вояки носятся от одного до другого края лагеря, что-то проверяют и командуют негромко.

Втроем мы быстро прошмыгнули за шалаш, где заросли папоротников густые и пахучие, пока Васа стояла настороже. Потом она пролезла к нам и проговорила:

— Сейчас идите прямо через дебри, потом дойдете до двуствольного папоротника в два человеческих роста. Там налево. Это направление на северо-восток.

— Почему туда? — спросил я.

— В той стороне северный народ. Тот самый, которого никто не знает, — ответила Васа.

Не в меру молчаливый Миха тягостно вздохнул и проговорил негромко:

— Пойдем с нами, а?

Васа покачала головой.

— Вас хватятся, — сказала она. — А если исчезну и я, командир поднимет такую бурю, что все лютые кроты проснутся. Нет, я останусь и все ему объясню.

Следующий вздох детины получился таким тяжелым, что даже небо помрачнело от туч.

— Эх… А свидимся еще? — спросил он удрученно.

Впервые на губах воительницы появилась искренняя улыбка, а на щеках проступил небольшой румянец.

— Будет день, будет видно, — ответила она с легкой игривостью.

Потом развернулась, тугие каштановые косы взметнулись в воздухе, и девушка скрылась за шалашом, а я сделал знак остальным, и мы рванули через заросли.

Мокрые ветки захлестали по лицу, ботинки скользили и вязли в раскисшей после ливня почве. Трава по колено, дебри густые, что значит маршрут мало хоженый, а может и вовсе не маршрут, а направление, которое задала Васа.

Мы двигались добрых минут двадцать, проваливаясь в рыхлую грязь и высматривая нужный папоротник, что непросто, потому как папоротники здесь все с меня ростом, а то и выше. Катя бежала сосредоточенная и хмурая, время от времени поглядывая назад. Видимо не доверяет воительнице и ожидает погони. Но если бы та хотела, не помогала бы. Миха наоборот несется, как боевой баран, ломая ветки и приминая траву, а на лице гримаса царственной скорби.

— Не страдай так, — подбодрил его я. — Сказала же, будет день, будет видно.

На бегу детина вздохнул.

— Такая девка… Такая девка… И опять не про меня.

— Она тебе не отказала, — заметил я, перепрыгивая колоду из трухи.

Миха покривился.

— Да, как же, не отказала…

Поскользнувшись, но удержав равновесие благодаря моему локтю, за который схватилась, Катя проговорила:

— Ну вы и время нашли для… Вот этого всего.

— А чего такого? — отозвался Миха. — В трудностях и познаются люди. А сейчас как раз трудности.

— Ну раз так, самое время показать, чего ты стоишь, — смягчилась Катя. — В смысле ей.

Насупившись, как цыпленок в тумане, Миха заработал руками и ногами быстрее, и унесся вперед, только комья грязи полетели из-под ботинок. Еще через пару минут послышался глухой удар, когда мы с Катей выскочили из зарослей.

Миха застыл впереди. Он упер одну ладонь в левый ствол двуствольного папоротника, а второй трет лоб.

— Швора какая, — проговорил он обиженно, — выскочил из-под земли, как кочевник из бархана.

Катя усмехнулась.

— Ты перед собой смотри. Куда ломанулся-то?

— Да чтобы вы нравоучениями не потчевали, — отозвался Миха. — А то один причиняет добро, а вторая наносит радость.

Кивнув, я согласился с охотой:

— Это мы любя.

— Ага, — посмотрев на пальцы, где остались пара красных пятен, отозвался Миха и поднял голову, — батя тоже так говорил, когда ремнем по заду ездил.

— Суровый у тебя был батя, — проговорил я.

На лбу Михи осталась живописная царапина от виска до самой переносицы, он размазал остатки крови тыльной стороной ладони.

— Мне хватило.

Хмыкнув, я скинул со спины рюкзак и сунул его Кате. Та с непониманием вытаращила глаза и нахмурила лоб, я пояснил:

— Надевай и береги его. Миха о тебе позаботится. Да?

Обернувшись на детину, который смотрит с озадаченностью, я вопросительно на него глянул. Тот поскреб макушку и ответил озабоченно:

— Э… Конечно. А как же еще-то?

— Вот и отлично, — сказал я. — Тогда бери Катю и бегите на северо-запад, пока не доберетесь до… Ну сами поняли, кого. Если они там есть. А нет — спрячьтесь где-нибудь. Постарайтесь не стать ужином для тварей. И Миха, если Катя будет просить вернуться — не позволяй. Понял?

Послав детине взгляд, который поймет любой мужчина, когда речь о женщине, я вытащил из рюкзака нож и сунул в набедренный

карман. Катя все еще с непониманием прижимала рюкзак и хлопала ресницами. Когда смысл происходящего до нее стал доходить, Катя охнула и с силой пихнула рюкзак мне в грудь.

— Очумел?! — выпалила она. — Я думала ты специально так сказал девке, чтоб развязала! Ты же не серьезно? Мы без тебя никуда не пойдем!

Обернувшись к Михе, она взглядом поискала поддержки, но детина смущенно отвернулся, делая вид, что рассматривает пятна крови на пальцах.

Всхлипнув, брюнетка снова попыталась всучить мне рюкзак.

— Да вы что? Совсем чокнулись? Миха! Скажи ему!

Детина тактично промолчал, что в его случае уже большое достижение, а я аккуратно передал обратно рюкзак Кате и проговорил мягко и терпеливо:

— Катенька, так надо. Лютецкий гнался за мной. О вас он не знает наверняка и у вас есть шанс уйти.

— И ты один решил пойти против него?! — неверяще выдохнула Катя, страшно округляя глаза.

— Ты меня недооцениваешь, — соврал я. — Тем более, я буду не один. Помнишь? Васа обещала помочь.

— Да эта Васа готова была нас бросить к крысам!

— Не Васа, а ее батя, — поправил я и взял Катю за плечи. — Послушай, Лютецкого нужно остановить. Если здесь и правда живут такие, как мы, их нужно защитить. Их, вас и пчел. Вы должны идти, Катенька. Ты это понимаешь, хоть и не хочешь принимать.

В глазах Кати заблестела влага, задрожала, а когда она прорвала запруду, две блестящие дорожки пролегли по щекам и повисли крупными каплями на подбородке.

— Тебя же убьют, — едва слышно прошептала она и посмотрела на меня снизу вверх.

Вместо ответа я оставил на ее лбу долгий поцелуй и обнял. Легкий запах мяты и тела раздразнил нос и навсегда врезался в память. Я зажмурился. Возможно, стоило сказать, что не убьют, что я вернусь, успокоить. Но давать ложные надежды само по себе жестоко. Куда лучше Кате вместе с Михой бежать и не оглядываться. Это я привел в «Медный ковчег» служебников, это из-за меня нам пришлось нестись

через всю карту, а теперь теряться в непроходимых зарослях папоротника неизвестного мира. Я это начал, мне и заканчивать.

Оторвавшись от Кати, я бросил Михе, больше на нее не оглядываясь, потому что в груди и так давит и жжет:

— Береги ее.

Он молча кивнул, а я добавил:

— И пчел.

После чего развернулся и, не оглядываясь, ломанулся обратно через папоротники, забирая левее, чтобы не выскочить посреди лагеря Бора. В груди стучал набат, виски пульсировали, никогда не думал, что оставить женщину так трудно. Но судьба мира важнее моей, а Лютецкий согнет в бараний рог всю планету, если получит чего хочет. А хочет он власти.

Ботинки снова разъезжались в грязи, я старался наступать на листья и ветки, но они еще более скользкие, чем грязь, так что быстро отмел эту практику. Одному двигаться быстрее, и едва заметный запах мокрого дымка я уловил уже минут через пятнадцать. Конкретную стратегию продумать не успел, решил действовать по ситуации. Если верить местным, руины засветились. Это означает одно: включилась система обеспечения. А случиться это могло только если кто-то запустил ее. Из бункера этого сделать некому, поскольку он пустовал, а лютый крот едва ли знает, как это делается. Значит запустили удаленно. Из этого следует, что служебники Оазис-Техно в курсе того, что бункер ожил. Следовательно, мы сами включением рубильников подали им этот сигнал. Теперь дело за малым: остается ждать, когда отряды служебников снова нагрянут в эти земли.

Мокрым дымком пахло все настойчивее, я взял еще левее. Усиленного слуха, как у Кати, у меня нет, зато нос умеет рисовать картинки в голове.

Вдохнув воздух, я сосредоточился, и перед глазами проступили фигуры двух бойцов на входе в лагерь со стороны юга, еще один сидит в засаде на высоком папоротнике, скорее всего с арбалетом. Подул ветерок, и нос дочертил еще одну фигуру с уже знакомым запахом. Эта фигура довольно быстро двигается мне наперерез.

Очнувшись, я успел затормозить прежде, чем налетел на Васу, из-под ботинок брызнули капли грязи, захрустели папоротники, Васа тихо

охнула, а я отклонил голову назад. Очень вовремя, потому что в сантиметре от носа застыл блестящий конец ножа.

— Как ты меня напугал, — с выдохом проговорила воительница негромко и убрала нож на пояс. — Ты что тут делаешь? Я же сказала уходить.

Кивнув, я ответил:

— Всех, кто важен, я отправил. Я должен остаться. Лютецкий эти земли в покое не оставит.

— Какой у тебя план? — спросила Васа, оглядываясь в сторону, откуда пришла.

— Вломиться в бункер… В руины то есть, — предположил я.

— Отвратительный план.

— Другого нет, — сообщил я. — Буду решать по ситуации.

Васа предложила:

— Может дашь какие-то вводные?

— Для начала, нужно рассказать все твоему бате, — ответил я

Она вопросительно подняла бровь.

— Я правильно поняла: ты только что сбежал из плена, но хочешь вернуться обратно в лагерь?

Кивнув, я пояснил:

— Бедствие, которое собирается обрушиться на эти земли зовется «лютецкий». Если ему не помешать, оно здесь камня на камне не оставит. Нужно предупредить командира Бора.

Со стороны лагеря запахло крепким мужским потом, батю Васы я по нему отличу даже в темноте. Потом донесся его полный гнева басовитый крик:

— Васа, твою за ногу!

Глава 20

Втянув голову в плечи, Васа оглянулась и проговорила:

— Ну все, твое желание сбылось. Командир Бор заметил пропажу пленников.

— Ничего, — отозвался я, — сейчас мы его удивим.

— Не то слово.

Чтобы в меня не отправили одну-другую стрелу из самострела, Васа пошла впереди, покачивая вздернутыми ягодицами. Через пару минут она вышла на поляну лагеря и, вскинув ладони, произнесла четко:

— Только не волнуйся. Я все сейчас объясню.

Командира Бора мне пока не видно, но его низкий и разозленный голос слышно отчетливо.

— Даже не представляю, Васа, что ты задумала, — произнес командир. — Но твоя выходка не лезет ни в какие ворота! Не отпирайся! Это ты помогла чужакам сбежать!

— Я не отпираюсь, — торопливо ответила воительница. — Но ты не понимаешь…

— Именно! — проревел командир. — Не понимаю! Не понимаю, какого ляда моя дочь помогает чужакам сбежать и подвергает опасности всю общину!

Всплеснув могучими руками, девушка громко выдохнула и проговорила:

— Именно общину я и пытаюсь спасти! Просто послушай меня…

— Хватит с меня девичьих сказок! — отрезал грубый голос командира. — Я слишком много дал тебе свободы. Распоясалась до самых колен! Всё! Никаких больше охот с мужчинами! Выберу жениха, замуж пойдешь!

Сложив руки на груди, воительница фыркнула и попыталась возразить главе:

— Отец, да я…

— Не отец, а командир Бор! — прервал ее попытку тот. — Я отправил два отряда на разведку к руинам в надежде, что у нас есть

чем откупиться от пришлых, если те заявятся. А теперь что? Об этом ты подумала?

Широкие плечи девушки передернулись, я решил, пора вступиться за неё. Главы поселений плюс-минус везде похожи, потому как несут ответственность за всю общину, а значит не станут внимать, пока не услышат чего-то убедительного.

Осторожно перешагнув через поваленный папоротник, я выступил из-за Васы с приподнятыми ладонями в знак мира, и отшагнул в строну со словами:

— Спокойно…

Естественно, командир Бор в миг мобилизовался, брови сшиблись на переносице, он выхватил арбалет и нацелил стрелу мне в грудь, а Васу одним рывком цапнул за руку и дернул себе за спину. Та только успела возмущенно ойкнуть.

— А ну стоять, пришлый, — прорычал командир и пригрозил арбалетом. — Васа, позови охрану, пускай вяжут его.

— Отец… То есть, командир Бор, — предприняла она новую попытку повлиять на властного батю.

Но тот рявкнул:

— Быстро!

Вздрогнув, воительница, раздраженная поражением, цокнула языком и сокрушенно помотала головой. Взгляд мне послала виноватый, потом развела руками и нехотя попятилась к центру лагеря, откуда тянет запахами других людей.

Командир тем временем недобро щурился и оценивал меня хмурым взглядом, не опуская самострела.

— Видать не очень ты расторопный, если успел так недалеко убежать, — усмехнулся он победно.

Шанс донести ему правду у меня всего один, так что я опустил ладони и проговорил мирно:

— Убежал я достаточно, чтобы ты меня не догнал, командир Бор. Но я вернулся.

— Я похож на тупого смердяка? — хмыкнул тот, кривя губы.

Покачав головой, я ответил:

— Ты похож на командира, который желает блага своей общине, но не обладает достаточными сведениями. И поэтому рискует своей и их жизнями.

Толстые пальцы коренастого командира до скрипа сжались на рукояти самострела, в груди у меня ухнуло, язык пересох. Чего доброго, в порыве праведной ярости у вояки не выдержат нервы, дрогнет рука, и стрела полетит прямиком в цель.

Но самообладание у командира оказалось крепким, он выдохнул шумно и гневно, нос скривился, а командир произнес приглушенно:

— Да что ты знаешь об ответственности, щенок?

— Ты прав, — согласился я. — Немного. Но ту, что взял, готов нести до конца и отвечать за свои решения. Уверен, ты такой же. Просто выслушай. А там решишь, что делать с моей информацией.

По тому как сжались губы командира, и как снова скрипнула рукоять арбалета, не сложно догадаться: вояка в шаге от того, чтобы нажать на спусковой крючок и решить проблему хотя бы с одним чужаком. С полминуты он держал меня на прицеле, кривясь и порываясь прикончить, потом все же раздраженно зашипел и проговорил, грозя самострелом:

— У тебя минута.

Коротко, но четко, я обрисовал ему ситуацию. Чтобы не потерять шанс получить союзника, пришлось рассказать все, без утайки. Слушал меня командир с хмурым лицом, его брови сдвигались все сильнее, а когда я закончил, он проговорил:

— Звучит складно, но бредово. По-твоему, я смердяка, чтобы поверить в это? Серьезно? Последняя в мире пчеломатка? У тебя? Ты — мутант? Это даже не смешно, парень.

— Смешного мало, — согласился я.

Небо опять набрякло, на лоб упала мелкая капля и потекла к брови. Я сдул ее, а вояка вытер заросший щетиной подбородок свободной рукой и проговорил:

— А знаешь, что думаю я? Ты что-то спер у этого Лютецкого. Что-то ценное. Вот он за тобой и гонится. А напарники твои тебя бросили, вот ты и попался. Ну, это больше похоже на правду?

На месте командира я бы тоже не поверил. Да я почти и был на его месте, когда Никифор рассказывал о загадочных землях Печоры, пчелах и возрождении мира. И продолжал бы считать это бреднями старика, не окажись у меня в рюкзаке сохранный артефакт. Но пчеломатку я отдал Кате, и показать пчел возможности нет.

— Я могу доказать, что у меня ген-мутант, — нашелся я.

— Был бы мутантом, здесь бы тебя не было. И не попался бы так глупо, — отрезал командир и указал стрелой самострела, чтобы двигался правее.

Едва я шагнул, из-за его спины потянуло знакомым запахом, потом раздался негромкий, но твердый голос Васы.

— Командир Бор, он правду говорит. Я видела пчеломатку.

— Я тебе сказал привести охрану! — рявкнул он, чуть обернувшись, но продолжая держать меня на прицеле.

Васа выступила из-за него и проговорила:

— Знаю. Но ты должен поверить. Он говорит правду. Все трое — мутанты, но они не северные. А идут с юга. И пчелы… Они в голубой колбе, одна побольше, другие меньше. Все застыли в жиже.

Несколько секунд командир Бор молчал, переводя тяжелый, напряженный взгляд с меня на дочь и обратно. Потом скрипнул зубами и спросил:

— В жиже, говоришь? Откуда знать, что они не дохлые?

Я сразу объяснил:

— Это сохранный артефакт. Пчелы в нем в специальном сне. Храниться могут ограниченное время.

По лицу командира, наконец, скользнула тень сомнения, губы озадаченно скривились, он произнес:

— И ты, мутант, значит, нес их в земли, где пчел можно пробудить и выпустить?

Я кивнул. Еще минуту вояка двигал бровями и в напряжении морщил лоб, откусывая с нижней губы корку. Потом резко опустил самострел, в воздухе пахнуло агрессией. Он в один шаг приблизился, увернуться я не успел, и увесистый кулак влетел мне в лицо справа. В челюсти глухо щелкнуло, мир содрогнулся и на секунду исчез, но вернулся быстро, а я качнулся и прыгнул в боевую стойку, чувствуя, как по правой стороне лица растекается боль, а во рту — металлический привкус.

— За что? — охрипшим голосом спросил я и сплюнул под ноги в грязь кровавую слюну.

От следующего хука я отпрыгнул назад, Васа вскрикнула и повисла на руке у командира, мешая ему атаковать. Несколько раз он тряхнул могучим локтем, но воительница налегла всей массой, которая для девушки солидная, и уперлась ботинками в грязь. Вояка

продолжил переть, как бык, ботинки Васы пробороздили две глубокие канавы в грязи, но прием удался: командир атаковать перестал и проорал в ярости:

— Ты смердяка тупая! Это же ты привел чужаков в наши земли! Ты виноват!

Он снова попытался достать меня похожим на кувалду кулаком, но я успел отклониться.

— Так и есть! — крикнул я в ответ. — И я хочу все исправить!

Грудь командира ходила ходуном от гнева, глаза смотрели на меня с неприкрытой злостью и желанием расправиться прямо тут. Но здравый смысл его не покинул, потому как за пеленой ярости я усмотрел осознание и расчет. Васа продолжала его изо всех сил тащить за локоть назад, но он уже не сопротивлялся, а просто пыхтел, как разъяренный папоротниковый медведь.

Улучив момент, он сумел вырвать локоть из хватки Васы, я механически поставил руки в защиту и подсогнул колени, но командир рявкнул, то ли ей, то ли мне:

— Да хватит!

Потом передернул плечами и продолжил чуть спокойнее:

— Не буду я его больше бить. Говори, что собираешься делать. Иначе решение поменяю.

К этому моменту подоспела охрана, видимо заметили, что на краю лагеря неспокойно. Ко мне рванули двое, еще двое остались за спинами у Васы и командира. Оставшись неподвижным, я позволил схватить себя за локти, но командир небрежным жестом махнул вниз, проговорив:

— Отпустите его. Говори давай, и так терпения нет.

На пару секунд я выдохнул. Значит, Катю с Михой они искать не кинутся, а если и решат, то уйти они успеют достаточно далеко, чтобы следы затерялись в грязи и камнях. Впрочем, направление они знают, да только если раньше не решались соваться на северо-восток, то и сейчас не соберутся.

Расправив плечи, я проговорил:

— Твои люди сказали, что засветились руины. Так?

— Откуда знаешь? — хмуря брови спросил командир. — Ты не мог слышать.

— Я и не слышал, — ответила я. — У нас в команде все с геном-мутантом.

— Ну допустим, — хмыкнул командир.

— Ситуация такая, — продолжил я, — когда мы нашли бункер… Вы его зовете руинами, и запустили технику, видимо сработала система слежения. Это значит, что потухшая и давно не используемая рабочая точка стала активной. Нам они наступали на пятки, но потом для них мы исчезли. А потом внезапно в далеких землях дает о себе знать старый бункер. Служебникам не сложно сложить одно с другим.

Грозно чему-то кивая, командир сложил руки на груди, при этом не выпуская из кулака рукоять арбалета, и сказал:

— То, что эти, как ты говоришь, служебники, за вами придут, я уже понял. Решать вопрос ты как собираешься?

Решение у меня сформировалось только одно, его я и озвучил, раскинув руки:

— Изначально Лютецкий искал меня. Из-за меня все это закрутилось. Так что себя я ему и отдам.

В смешке командира прозвучало то ли злорадство, то ли одобрение, зато Васа страшно выпучила глаза и, выдохнув с шумом, быстро проговорила:

— Оте… Командир, это же дикость! Они его убьют!

— Он должен отвечать за то, что сделал, — отозвался он.

— А что он сделал? — не унималась воительница. — Виноват он, что родился с геном-мутантом что ли?

Не глядя на дочь, командир произнес, одаривая меня взглядом из-под густых бровей:

— Он виноват в том, что в наши земли идут чужаки, которые перевернут здесь все вверх дном, Васа.

Девушка умелым движением плеч перекинула каштановые волосы за спину и проговорила настойчиво:

— Ты верно говоришь, это наши земли. И мы должны их защищать. Или он один будет биться с врагом?

— Васа, это его враг, не наш. Не твой, — терпеливо отозвался командир.

Она покачала головой.

— Если его враг придет на нашу землю, значит он и наш враг, — сказала она. — Ты прав, он виноват. Но мы должны помочь ему

защитить наш мир и уклад.

— Не ценой жизни моих людей, — упрямо ответил командир.

Подняв на меня глаза, Васа укусила нижнюю губу и чуть сдвинула плечами. Она сделала все, что смогла, хотя не должна была.

— Ты прав, командир, — согласилась она. — Жизнь нашей общины важнее.

Во рту все еще вкус крови. Я поковырял языком, проверяя на месте ли зубы. Удар у командира поставленный и крепкий, так что наличию всех зубов я порадовался.

Отерев с губ кровь, я проговорил:

— Я предлагаю вот что: командир Бор, верните разведотряды, снимайте лагерь и уходите на юго-запад. Если уметете заметать следы, еще лучше. А в руины отправлюсь я.

С неба упала еще одна капля, я покосился вверх. Тучи ползут редкие, ветер гонит их быстро, и в просветах то исчезнет, то появится чистое небо и край солнечного диска.

Командир проследил за моим взглядом и ответил на немой вопрос:

— Не будет дождя. Слишком быстро тучи идут. И высоко.

— На юге дожди редкость, — отозвался я.

Повисла небольшая пауза, отвлеченный разговор о погоде сделал молчание неловким и натянутым. Судя по тому, как командир Бор барабанит пальцами себе по плечу, план мой ему чем-то не нравится.

Пожевав губы, он проговорил спустя некоторое время:

— И что дальше? Будешь сидеть в руинах, пока эти твои служки…

— Служебники, — поправил я.

Командир кивнул.

— Служебники, не придут и не прикончат тебя?

Я развел руками и проговорил:

— Не хотелось бы. Но другого варианта не вижу. Есть шанс, что когда Лютецкий получит меня, то угомонится.

— Ишь, какой, — хмыкнул командир и, снисходительно покривившись, покачал головой.

Я спросил:

— Думаешь, не угомонится?

— Я бы не угомонился, — уверенно отозвался тот. — Сам говоришь, твой Лютецкий в наших землях уже бывал, искал что-то да не нашел. На его месте я бы из тебя душу вытряс, чтобы выведать все, что знаешь. А знаешь ты уже не мало, парень. И про нас, и про северо-восток.

— Про северо-восток еще проверить надо, — заметил я. — Ничего не подумай, командир, но мало ли, что тебе могло привидеться. Да не смотри так. Дочка твоя рассказала.

Зыркнул на Васу вояка так сурово, что крепкая и статная девушка как-то скукожилась и виновато скрутила плечи.

— Болтун — находка для лазутчика, — пробормотал он басовито и снова обратился ко мне: — Я знаю, что видел.

— Никто не спорит, — согласился я. — Но ум нас иногда обманывает. В пустыне это называют «мираж». Когда впереди видишь постоялый двор, а подходишь, там один песок и перекати-поле. Кто знает, может и ты видел горного барана.

Снова помрачнев, командир шагнул вперед и проговорил с угрозой:

— Я что ли барана от человека не отличу, по-твоему?

— Отличишь, просто… — начал я новую попытку объяснения, почему вся история с загадочным северо-западом может быть байкой, в том числе потому, что кроме него мутанта больше никто не видел, но махнул рукой. — В общем, командир, давай решать дела по порядку. Вы идете на юго-запад, а я в бункер. Идет?

— Идет, — чуть помедлив, отозвался он и развернулся к пареньку позади. — Отправь гончего, пускай перехватит отряды и возвращает обратно. Остальным срочный сбор. И чтоб ни намека на стоянку не осталось. Ясно?

С разных сторон донеслось слаженное:

— Ясно, командир Бор!

После чего паренек за ним шмыгнул в кучку людей, что-то сообщил одному, тот выпрямился по струнке и с места рванул в папоротники с такой скоростью, что ящерка позавидует. Остальные засуетились, стали быстро и сноровисто разбирать шалаши, умело пряча листья и палки. Сразу и не скажешь, что здесь только что стоял шалаш.

Меня посадили на камень рядом с бывшим кострищем, где уже даже сырой дымок выветрился. Осталась лишь зола и две палки с вертелом. Их ловко демонтировал парнишка лет шестнадцати, после чего принялся за маскировку кострища. Одет, как и остальные, в броню из коричневого плотного материла, в который вода не впитывается, а послушно скатывается мелкими каплями.

Решил спросить.

— Из чего вы это шьете?

Поймав вопросительный взгляд паренька, я кивнул на его жилетку. Тот оглядел себя и бросил нехотя:

— Кожа лютого крота. Крепкая. Стрела не бьет. И воду не пропускает.

Он снова замолчал, продолжив демонтаж костра. Наблюдал я внимательно. На юге спрятать бывший очаг просто: засыпал песком и дело с концом. А тут целая наука, убрать камни, растащить золу, нанести травы вместе с дерном, чтоб выглядело, будто всегда тут росла.

— Хорошо у тебя получается, — заметил я, когда парень разравнивал травяной коврик.

Он поднял на меня глаза и постарался сдвинуть брови, чтобы придать суровости облику, но вышло неумело и нарочито.

— У нас с малолетства все так умеют, — сообщил он.

— А много вас? — спросил я. — В смысле община ваша большая или это все?

Парень с подозрением нахмурился.

— Тебе зачем?

— Чтобы знать, сколько людей спасет моя жертва.

Несколько минут парень молча раскладывал дерновину с сочной, пахучей травой, потом проговорил негромко:

— Много. Здесь только от Светлого моря до Печоры кочевых общин не меньше сотни. Одни побольше, другие поменьше, как наша.

— Печора? — не поверил я. — Она и правда есть?

Парень покосился на меня с озадаченным возмущением, будто я неуч какой, такие глупости спрашивать.

— Что значит, «есть»? — фыркнул он. — Речище, конца-края не видать, как и другого берега. Не река, а море целое. Хотя я моря не видал, но говорят, воды столько, что не углядишь. Командир говорит,

течет она из Каменного пояса мира, а изливается в Великие воды. Ты и про это не знаешь?

О том, что несколько дней назад я не знал и о существовании этих земель говорить не стал, парень и так смотрит на меня, как на барана. Вместо этого спросил:

— А что за Печорой?

Парень пожал плечами.

— Кто знает. Туда никто из наших не ходил. Разве что командир видал в северных скалах… Ну, ты сам слыхал, кого он там видел.

— Слыхал, — отозвался я, задумчиво уставившись в разложенный им пырей.

Если Печора существует, значит и все, о чем говорил Никифор тоже. И невероятный мир, и чистая нетронутая природа. И может даже командиру Бору не привиделся мутант в северных скалах, куда я наугад отправил Катю и Миху. И с каждым ударом сердца причин защищать эти земли больше.

Прошло не больше пятнадцати минут, а на поляне от лагеря остались только люди, которые с ожиданием торчат из папоротников. Они даже заросли принесли и закопали в землю, чтобы скрыть свое пребывание. Я негромко присвистнул, а паренек, который замаскировал костер, подошел к командиру Бору. Тот стоит возле большого древовидного папоротника и накручивает на локоть веревку.

— Командир, готово, — сообщил парень.

Глава окинул быстрым, взглядом бывшую поляну, задерживаясь взглядом на отдельных местах.

— Хорошо, — сказал он. — Вон тот папоротник присыпь пожирнее.

Затем обернулся ко мне и проговорил, протягивая веревку:

— Твоя очередь, герой.

Приняв шероховатый канат, я перекинул его через плечо. Идти на Лютецкого с ножом и веревкой, все равно, что на тварь с напильником и зубилом. Но на моей стороне неожиданность. Он не ожидает, что с этой стороны есть подготовка. Если повезет, я смогу обезвредить Лютецкого, тогда и служебникам станет некому подчиняться.

Бор отшагнул, освобождая мне путь, и сказал:

— Тебе прямо до поляны спорыша. Перейдешь ее и держись правее. Там будет роща древопапоротников. Обходи по левому краю и

держись прямо. Выйдешь к пустоши с руинами.

В груди сердце ударило глухо и тяжело, я решительно двинулся к зарослям, но Васа выступила вперед и проговорила:

— Командир, позволь я пойду с ним.

С удивлением лоб вояки наморщился, Бор крепко кашлянул и сказал:

— Не позволяю. Всем взять скарб. Снимаемся со стоянки. Гончий развернет разведку, встретимся с ними за Малыми скалами.

Он повернул ко мне голову и поднял на спину массивный рюкзак из кожи лютого крота и палок.

— А ты, — сказал командир, — Иди и спаси эту землю.

После чего сделал знак рукой и двинулся в глубь зарослей папоротника. Остальные бесшумно последовали за ним. Я наблюдал, как они исчезали в зелени, поляна пустела, вскоре на ней остались только папоротники и трава.

Последней отправилась Васа. Пожав плечами, она послала мне взгляд, смысла которого я не понял, после чего тоже скрылась в листве. Оставшись один, я недолго смотрел на место, где она скрылась, потом развернулся и рванул в заросли.

Листья и ветки снова захлестали по лицу, но бежать по скользкой земле я уже приноровился. Небо немного расчистилось, кое-где в рваных просветах облаков небо приветливо показывает синеву. Этот мир совсем не похож на тот, в котором родился и вырос я. Здесь чисто, адское пекло не норовит расплавить голову в полдень, а за кислород не надо работать в Оазис-Техно, становиться кочевником и грабить других. Тварей тоже достаточно, но с ними существовать рядом куда легче, чем с людьми, которые хотят из других сделать рабов. Твари они простые, убивают только для пищи и защиты. Уже только ради одного этого стоило бежать из Красного града и переть всеми способами на север.

Размышляя, я бежал и принюхивался, прикидывая, что в бункер лучше пробраться прежде, чем в него прибудут служебники. Расставить ловушки, чтобы их если не обезвредить, так задержать. Едва ли мне устоять против всех, но воздух им подпортить сумею.

Подул ветерок справа, я глубоко вдохнул и уловил знакомый запах. После чего резко затормозил и развернулся, выхватив из

кармана нож. Лезвие затормозил у шеи Васы, которая застыла и бесстрашно смотрит в глаза.

— Ты зачем за мной идешь? — спросил я, убирая нож.

— Один ты не справишься, — ответила она.

— Спасибо, конечно, — отозвался я, — но я не так плох.

Васа покачала головой.

— Я не это имела в виду. Ты, наверняка, хороший воин, — пояснила она. — Но тебе будут противостоять многие, я верно поняла?

— Верно.

— А эти места ты знаешь плохо. В отличие от меня, — продолжила она. — Я могу помочь.

— Твой батя мне голову потом не открутит?

— Открутит, — уверенно ответила Васа и улыбнулась.

Я хмыкнул.

— Ну раз так, тогда пойдем.

Глава 21

Руины бункера на пустоши показались спустя пять минут дороги. Возможно, без Васы я искал бы их дольше, но девушка ориентируется на местности, как ящерка в песке. Разведотрядов не видно, значит гончий успел их перехватить и увести к остальным. Вокруг бункера пусто и тихо, служебников не видно, есть шанс, что мы успели раньше.

— Лютый крот вылез как раз из этих руин, — сообщил я, указывая вперед.

— Они любят селиться в таких местах, — ответила Васа.

— Думаешь, он сюда вернулся?

— Сейчас проверим.

Перебежками и прячась за кустами, мы с Васой переместились ко входу. Я покрутил головой, вокруг комья земли, выкорчеванный мох, принюхался — запах лютого крота слабый, скорее всего остатки с того раза.

Васа подтвердила мое предположение.

— Следы только в одну сторону, — сообщила она, указывая на борозды от массивных когтей в почве. — Он выполз, но обратно не заполз.

— Вижу.

— Что дальше? — спросила она.

Повертев головой, я прикинул какие ловушки могу поставить здесь. Сдаться это одно, но сдаться без боя — совсем не по-нашему. Часть служебников обезвредить смогу, а если поковыряюсь в системе, придумаю, как разбалансировать их отслеживающие артефакты. До Лютецкого добраться выйдет вряд ли, но, если повезет, будет шанс обезвредить и его.

Я повернулся к воительнице и проговорил:

— Уходи. Ты не обязана оставаться.

— Знаю, — ответила она. — Но я хочу помочь.

— Твой батя мне… — начал я.

Девушка кивнула, и ее губы растянулись в улыбке, она проговорила с яростным задором:

— Однозначно.

Внутрь мы проникли быстро и бесшумно. После того, как тут пролез крот-переросток, стены погнулись, входная дверь растянута, как застывшая резина, в комнате с мониторами часть столов валяется, несколько экранов разбились об пол. Но лампы горят, система включена, а в левом углу потолка мигает маленький красный индикатор.

— Маячок, — сказал я и указал на него.

После чего быстро подвинул один из столов и запрыгнул на него. Пришлось подставить еще стул, чтобы маячок оказался перед носом.

— Конечно, уже поздно, — заметил я, — но лишним не будет.

Сняв боковую крышку рядом с маячком, я заглянул внутрь. Провода сплетены знакомым образом, система стандартная, но лезть голыми руками туда идея плохая, поскольку она подключена. Артефакты аккумуляторы работают исправно, если смогли не только включить свет, когда я дернул рубильник, но и отправить сигнал в Озаис-Техно.

— Чем бы провода перебить, — вслух подумал я.

— Эй, пришлый, — донесся снизу бодрый голос Васы, — ну-ка отодвинься.

Оглянулся я с любопытством: едва ли местная аборигенка сможет предложить что-то дельное, но кто знает. Пригласительным жестом указал на провода в коробе. На что воительница что-то достала из набедренного кармана и резко метнула. Мимо лица со свистом пронеслось небольшое и, по запаху, каменное. Затем тихий стук, треск проводов и легкий дымок.

Я заглянул в короб. Провода перерезаны небольшим каменным диском, заточенным со всех сторон, а он ювелирно воткнулся куда-то в стык.

Присвистнув, я проговорил впечатленно:

— Даже не буду спрашивать, где ты такому научилась.

— Жизнь научила, — с довольной улыбкой ответила Васа.

Маячок мигать перестал. Спрыгнув с пирамиды из стула и стола, я занялся системой. То, что красная лампочка не горит, не значит, что сигнал не отправляется. Она лишь визуальный индикатор, а арт-аккумы способны сохранять заряды без видимых подтверждений. Так что принялся торопливо ковыряться в системе.

Теперь, когда она запущена удаленно, по ходу дела я нашел дополнительные подтверждения тому, что Оазис-Техно творит с людьми-мутантами. Документы, исследования, схемы и планы. Все аккумы, которые у нас есть, когда-то были людьми. В голове загудело, мотор застучал быстрее, в ярости я скрипнул зубами.

— Вот тварь, а. Сколько народу порешил.

Если Лютецкий смог добраться сюда, построить полноценный бункер и исследовать территорию, значит система здесь имеет очень мощные арт-аккумы. Тем более бункер, спустя столько времени, продолжает работать на полную мощность.

Идея пришла неожиданно и четко.

— Как я сразу не додумался, — проговорил я и шлепнул себя по лбу.

Васа тем временем собирала железки, которые могут пригодиться.

— Ты там в порядке? — с опаской спросила она.

— Мы подорвем бункер к тупой шворе! — быстро проговорил я, горячо набирая пальцами команды на пульте и клавишах.

По колыханию воздуха понял, что Васа остановилась и смотрит мне в спину.

— Это опасно, — проговорила она, спустя пару секунд. — Может привлечь тварей.

— Да, но тогда бункер будет уничтожен и передавать сигналы не сможет. Даже если служебники сюда прибудут, им не с чем будет работать. А без навигации и ресурсов ползать по этим землям они не решаться. На постройку нового бункера уйдет много времени, к этому моменту мы все будем очень далеко.

— Может сработать, — неуверенно произнесла Васа. — Но тварей не стоит списывать со счетов.

— Разберемся с ними по мере необходимости, — отозвался я, быстро стуча пальцами по кнопкам.

В систему войти оказалось не сложно, половина защиты, которая на ней стоит, разрабатывал я, мои коллеги и Козельский. Над некоторыми кодами пришлось попотеть больше часа, пока на пульте не загорелась зеленая лампочка и не пустила меня к корневому управлению.

— Нашел! — воскликнул я.

После чего набрал команду и подключился к управлению артефактом-аккумулятором. Несколько нажатий, и запуск системы самоуничтожения выдал на экран запрос о подтверждении. Прозвучал машинный голос в динамике:

«Самоуничтожение бункера. Подтвердите операцию.»

Не оборачиваясь, я скомандовал воительнице:

— Беги к выходу. После подтверждения у нас будет около минуты.

Со стороны входа подул ветерок, и в груди гулко ударило кувалдой, а в голове запульсировало горячее.

Запах. Металлический, с примесью пота и дрезинного топлива. До последнего я надеялся, что мой нос ошибся, но когда послышался негромкий щелчок заряда самострела, я медленно закрыл и открыл веки, прошептав:

— Твою швору…

Позади раздался жесткий, лишенный эмоций голос.

— Мечников, медленно подними руки и отойди от пульта.

Чувствуя запахи все отчетливее, я вынужденно оторвал пальцы от заветной кнопки и неспешно развернулся, приподнимая ладони перед собой.

Двое служебников по краям от входа держат на прицеле арбалетов Васу и меня, воительница стоит мрачная, напряженная и готовая в любой момент сорваться в атаку. Когда она послала мне вопросительный взгляд, я коротко покачал головой: девушке рисковать собой не позволительно.

Я произнес спокойно и четко:

— Отпустите девушку, она вам не нужна.

Служебники промолчали, только сильнее сжали рукояти самострелов. Через секунду в помещение хлынул целый отряд. Они заняли все углы и столы, разместившись на позициях, стрелы самострелов и автоматов с малиновыми сферами арт-аккумов в серединах. Подготовились они основательно.

Один из служебников подскочил к воительнице, она попятилась, но нацеленные ей в грудь стрелы заставили застыть. Служебник тем временем быстро заголил ей рукав, перетянул плечо жгутом и вогнал в изгиб локтя иглу. Васа шикнула, и в пробирку потекла темно-бордовая жидкость.

— Прекратите! — выкрикнул я и дернулся вперед, но тут же застыл, когда острия стрел и дула артефакторных автоматов мне пригрозили. — Она не при чем.

Никто не ответил, а служебник, который взял кровь у Васы, отошел в сторону и загрузил пробирку в переносной анализатор, тоже оснащенный артефактом. Зато очередная порция сквозняка снаружи принесла незнакомый, терпкий, как дикий банан, запах, немного водянистый и в каком-то смысле чистый. Но я запомнил его как «дикий банан».

Послышались неспешные, размеренные шаги, так ходят только уверенные в себе люди. После того, как через дверь пролез крот, вход выглядит, как искривленный прямоугольник света среди полумрака бункера, хоть и освещенного, но недостаточно. В этом свете появился темный силуэт. С каждым шагом он приближался, эхом разнося звук подошв по помещению. По спине прокатилась горячая струя, я застыл. Когда темный силуэт величественно вышагнул в зал, лампы его подсветили.

Сперва я увидел мужские туфли из белой, видимо, кожи на высокой подошве, чтобы улучшить амортизацию. Кипенно-белый классический костюм, какие встречал только на картинках этажа обучения, он подогнан по высокой, не очень раскачанной, но крепкой фигуре. Зачем-то белые перчатки. Волосы коротко острижены и тоже белые, как раскаленное солнце пустыни в полдень. На суховатом лице неопределенного возраста губы сомкнуты в тонкую полоску и с удовлетворением улыбаются самым краем, а глаза серые, во взгляде сталь, и он направлен на меня.

— Ты меня удивил, Мечников, — произнес он спокойным голосом хозяина мира. — Настолько, я что я лично решил приехать.

Если бы мне неделю назад сказали, что увижу его своими глазами — не поверил бы.

— Лютецкий, — сквозь зубы выдавил я.

— Для тебя господин Лютецкий, — хмыкнул он и неспешно прошелся вдоль стола, проведя пальцем по столешнице.

На белоснежной ткани перчатки осталась пыль. Он растер ее между пальцами и продолжил:

— Удивительно, как обычный разработчик смог уйти от моих лучших служебников, забраться так далеко на север и найти здесь

местных. Даже у моих сотрудников это не получилось. А у них подготовка серьезнее твоей. Но ты оказался успешнее. Не потому ли, что у тебя есть секрет?

— Я не буду с тобой разговаривать, — огрызнулся я и покосился на кнопку запуска. Она всего в паре метров, но прежде, чем я до нее дотянусь, десятки стрел и пуль изрешетят меня в сито.

Терпеливо ухмыльнувшись, Алексей Лютецкий щелкнул пальцем, один из служебников шагнул в перед и подвинул ему стул, предварительно протерев сидение. Лютецкий неспешно опустился на него, по-царски откинувшись на спинку.

— Это не вежливо, Андрей, — спокойно произнес он. — Давай так. Я оставлю жизнь тебе и твоей подруге, а ты рассказываешь мне, где находятся ее соплеменники.

Служебник, который наблюдал за результатами исследования крови Васы, поднял голову и проговорил:

— Господин Лютецкий, у нее нет гена-мутанта. Она обычный человек.

Лицо Лютецкого осталось невозмутимым, взгляд уперся куда-то в сторону.

— Значит, придется действовать иначе, — проговорил он с холодным спокойствием и бросил на меня короткий взгляд. — Нам нужны все ее соплеменники, Мечников. И ты расскажешь, где они.

— Иди к шворе, — выругался я. — Оставь их в покое, они не мутанты.

— Похвально, что ты пытаешься защитить новых друзей, — коснувшись пальцами гладко выбритого подбородка, произнес Лютецкий, — но позволь мне самому это выяснить.

— Ты психопат с манией величия, — произнес я, быстро перебирая в голове варианты, как выбираться. Пока возможности дотянуться до кнопки запуска нет, значит нужно тянуть время. — И убийца.

Пальцы Лютецкого веером раскрылись возле его щеки, он проговорил невозмутимо:

— Ты забыл, кто спас мир после коллапса? Ради спасения многих приходится иногда приносить жертвы.

— Какое спасение? — бросил я. — Ты сам виноват в коллапсе! А теперь единовластно сидишь в башне и делаешь из мутантов

артефакты!

Закинув ногу на ногу, Лютецкий подпер рукой локоть и снова потер пальцами подбородок.

— Во-первых, в коллапсе виноват не я, а «зеленые», — сообщил он спокойно. — Если бы они не лезли, куда не следует, пчелы не вымерли бы. А во-вторых, именно мои артефакты дают этому жалкому остатку мира ресурсы. Думаешь, откуда берется энергия на зеленые фермы? Кислород? Дрезины? Почему ездят мои поезда? Работает моя вентиляция в человейниках, есть связь? Это все я. Я воссоздал новый мир на руинах прошлого. И кому, как не мне держать в руках бразды правления. Если для поддержания жизни требуется принести в жертву мутантов — так и быть. Теперь скажи мне, Мечников, где остальные аборигены.

Страшные вещи он говорил с таким спокойствием, что на секунду я сам задумался: а неправ ли он. Но мысли эти испарились, когда один из служебников толкнул Васу в спину.

— Ну ты и урод, — коротко проговорил я. — Отпусти девушку. Они все тебе не нужны, они обычные люди.

— Может и так, — согласился Лютецкий. — Но мы должны проверить. К тому же, они эти земли знают гораздо лучше тебя. Наверняка им известно, где есть люди с геном-мутантом. Нам всего лишь нужно их найти и допросить. Начнем с твоей подруги.

Двое служебников грубо толкнули Васу на ближайший стул, та в ответ зарычала, дернув плечами, но острия стрел нацелены ей в грудь, и она подчинилась.

— Даю последний шанс, — проговорил Лютецкий и с вялым интересом посмотрел себе на ногти, — потом будет очень неприятно.

Замысел его прост и жесток: Лютецкий будет пытать Васу у меня на глазах, пока кто-то из нас не начнет рассказывать все, что знает. Но, даже если ему все выложить, в живых он нас не оставит. Меня — потому что я с геном-мутантом, а таким ценным ресурсом Алексей Лютецкий разбрасываться не станет. А Васу — как свидетеля. Когда получит от нас все, что хочет, мы пойдем в расход.

Судя по хмурому и решительному выражению лица, Васа это тоже понимает. Она коротко покачала головой, очевидно, не хочет, чтобы я уступал. Но как отправить девушку на муки, мне тоже непонятно.

Лютецкий хмыкнул, глядя на меня победно.

— Вижу, что уверенность твоя пошатнулась. А ведь я даже не начал. Повторяю свое предложение: мы можем закончить все без крови.

В груди ухало набатом, я повторил:

— Ну ты и урод.

На это Лютецкий кивнул, и широкая пятерня служебника со звонким хлопком обрушилась на щеку Васы. Голова ее резко дернулась в сторону, послышался негромкий вздох, а когда она медленно повернулась обратно, по губе стекала темно-красная струйка.

В голове обожгло, будто ударили меня самого, я дернулся вперед, но в грудь уткнулись сразу два наконечника стрел.

— Швора плешивая! Не трогай девушку! — проорал я.

В ответ Лютецкий негромко и глухо посмеялся, а Васа, не глядя на меня, исподлобья послала ему бешеный взгляд. Ее окровавленные губы оскалились в злой улыбке.

— Ты изнеженный южанин, — обнажая покрасневшие от крови зубы, проговорила не громко Васа. — Ты не представляешь, что такое боль. На севере с детства учат терпеть. Если ты собираешься меня бить, я тебя разочарую. Болью от меня ничего не добиться.

Соединив кончики пальцев обеих рук так, что они образовали что-то вроде ромба, Лютецкий коротко пожал плечами и ответил:

— А кто сказал, что мы допрашиваем тебя? Нет, дорогая, допрашиваем мы Мечникова. Посмотри на его лицо. Он уж готов на все, чтобы прекратить твои страдания.

Лютецкий кивнул в мою сторону, Васа обернулась, ее лицо исказилось гневом и решимостью.

— Ничего ему не говори! — потребовала она. — Наши жизни ничто по сравнению с жизнями остальных!

— Заткни ее! — рявкнул Лютецкий служебнику, и новый удар хлестанул по лицу девушки.

Норадреналин с кортизолом плеснули в голову, в груди ошпарило, а мышцы загудели. Плохо помню, как резким рывком выдернул самострел у ближайшего служебника и дернул его за руку на себя. Поднялся гвалт, Лютецкий криком приказал меня обезвредить, и в воздухе просвистели десятки стрел.

Но я успел прикрыться служебником, и все они достались ему. Времени хватило, чтобы я ударил по кнопке запуска системы

уничтожения. Замигали красные лампы по периметру потолка, из динамиков по углам прозвучал механический голос:

«Система самоуничтожения бункера запущена. Самоуничтожение произойдет через шестьдесят секунд»

— Кретин! — проорал Лютецкий, вскочив со стула.

Он выхватил у одного из служебников самострел и направил на меня. Щелчок спускового механизма, в воздухе засвистело, и стрела воткнулась в алюминиевую обшивку колонны в паре сантиметров от моего виска.

Я, продолжая прикрываться неподвижным служебником, пустил стрелу в ответ, но Лютецкого прикрыли сразу двое служебников, позволив ему быстро продвигаться к выходу.

Эхом в тамбуре бункера раздался его резкий приказ:

— Хватайте девку!

Двое служебников тут же метнулись к воительнице. Того, который ближе ко мне, я снял метким выстрелом в бедро, служебник сдавленно вскрикнул и упал, обеими руками схватившись за ногу. Второй подскочил к девушке, но едва схватил ее за плечо, она отработанным ударом пнула его коленом в пах, а едва служебник согнулся, это же колено полетело ему в лицо.

Подскочил к ней я в момент, когда служебник свалился на пол, а Васа, глубоко дышала так, что ходуном ходила вся могучая грудь. Остальные служебники, видя на экране обратный отсчет, ломанулись к выходу следом за Лютецким.

Я скомандовал:

— Быстрее! Осталось тридцать секунд!

Мы рванули к выходу, где в просвете уже исчезли спины служебников. Но, едва выскочили наружу, как цепкие лапы служебников скрутили нас и поволокли в сторону. Снаружи их оказалось целое войско, все в полном обмундировании, половина с арбалетами, половина с автоматами, безумно дорогими в производстве.

— Ты посмотри, какую армию за нами отправили, — бросил я.

Служебник тряхнул меня, чтобы замолчал. Лютецкий выглянул из окна дрезины, которая даже не дрезина, а хромированный шаттл-вездеход, который парит в метре над землей.

— Мечников, ты уничтожил геолокационную точку! — рявкнул он и приказал служебникам: — Грузите их!

Кроме его шаттла на пустоши еще десятка три навороченных дрезин с крытыми блестящими корпусами, на мощных магнитных подушках. Для работы таких аппаратов требуется артефакт-аккумулятор помощнее стандартных. Кто знает, сколько людей-мутантов на них ушло.

— Шевелись! — приказал служебник и потащил меня к дрезине.

Пришлось подчиниться, кто знает, какой силы будет взрыв, на дрезинах есть шанс уехать подальше. Потом буду действовать по обстановке. Импровизировать у меня получается.

Нас с Васой затолкали на заднее сидение крытой дрезины, причем двухместное. Служебники сели вперед: один за рулевую, а второй развернулся и нацелил на нас арбалет.

— Только дернитесь, — пригрозил он, — стреляю без предупреждений.

По моим подсчетам времени до детонации меньше десяти секунд. Дрезины взревели и рванули прочь от бункера, увозя нас по заросшей пыреем пустоши. Но не проехали и ста метров, как позади оглушительно прогремело, через несколько секунд налетела воздушная волна, и дрезину швырнуло вперед, переворачивая через крышу.

Глава 22

Несколько раз мир перевернулся, в ушах звенел сдавленный крик Васы, что-то орали служебники, резко пахло гарью и копотью. Потом резкая боль в плече, и вращение прекратилось. Сквозь звон в ушах я расслышал крики и приказы служебников. Глаза застелила муть, пришлось сильно проморгаться, чтобы вернуть резкость.

Когда она появилась, повертел головой. Мы лежим вверх ногами, ремней безопасности никто нам застегнуть не дал, так что спиной я уперся частично в спинку сидения, частично в потолок. В плечо давит кусок рамы от дрезины, оттуда и боль. Служебников впереди нет, зато лобовое стекло выбито, Васа рядом примерно в таком же положении, что и я, глаза закрыты.

В груди ёкнуло, я потрепал ее за плечо.

— Васа, живая? Очнись. Надо выбираться.

На то, что она придет в себя, я не рассчитывал — мы довольно активно вертелись, и с тревогой всматривался в лицо воительницы, которая нарушила приказ бати и пошла мне помогать. Но девушка разлепила веки почти сразу, и я с облегчением выдохнул.

Она покривилась, прикасаясь к макушке, и спросила хрипло:

— Что случилось?

— Бункер взорвался, мы перевернулись. Вылезаем.

Извернувшись, я выбил ногами дверь дрезины и выполз на траву, после чего помог вылезти воительнице. Вокруг полно перевернутых дрезин, все дымится, служебники кто бежит куда-то, кто хромает, отдавая короткие приказы. Вдали оранжевым заревом полыхают руины, а в небо поднимаются черно-серые клубы дыма, смешиваясь с рваными суровыми тучами.

— Надо уходить, пока они не очухались, — скомандовал я и шагнул в сторону.

Васа, послушно двинулась следом, но едва мы дернулись, за спиной щелкнули рычаги арбалетов и затворов, а я с досадой выдохнул и выругался про себя.

— Не так быстро, — раздался хриплый обозленный голос, и запах дикого банана, пробившись сквозь дым и гарь, запоздало долетел с

ветерком.

Медленно развернулись. Лютецкий в окружении преданного отряда служебников стоит в десятке метров. Белый костюм испачкан грязью и травяным соком, на щеке ссадина, лицо искривлено яростью, глаза сужены.

— Как от тебя много проблем, Мечников. Думаешь, теперь я позволю тебе уйти? — прошипел он. — Ты разрушил одну из моих северных баз, поставил под удар создание артефактов, и мешаешь мне взять в руки мир.

Несмотря на ситуацию, в груди у меня заликовала злая радость.

Я скривил губы в довольной ухмылке и проговорил:

— Я старался.

— Я тебя раздавлю, как блоху, а из крови сделаю артефакт для автоматона, — с ненавистью сказал Лютецкий. — Будет твой ресурс до конца вечности чистить мусор на дорогах.

— Зато больше ты ничего не получишь, — с злой иронией отозвался я и оскалился в ответ.

По лбу потекло горячее, видимо рассек его, пока крутился в дрезине. Я вытер его тыльной стороной ладони, на коже остались кровавые разводы.

Физиономия Лютецкого скривилась сильнее, он выдавил яростно:

— Я вытащу из тебя информацию. Ты не представляешь, как я изобретателен.

На это я только криво усмехнулся. После известий об артефактах и ресурсах, из которых их делают, его изобретательность вне сомнений. Но это меня уже не волнует, потому что со стороны папоротникового леса потянуло резким, мускусным запахом. Полоса запаха настолько широкая, что принадлежать она может либо кому-то большому, либо толпе.

Выдохнув натужно и глубоко, я ответил, покачав головой:

— Пошел ты к шворе, Лютецкий.

Его рот хищно скривился.

— Для тебя — господин Лютецкий, — произнес он.

В эту секунду земля загудела, запах стал невыносимым, служебники тоже заметили неладное и завертели головами, время от времени поглядывая на главу Оазис-Техно. Тот со злым недовольством шагнул вперед и произнес резко:

— Что еще за дрянь?

Гул превратился в грохот, теперь я различил знакомые запахи, перемешанные с совсем неизвестными, но такими же резкими и сильными. Через пару секунд папоротники затрещали, в стороны брызнули ветки, а из спорового леса с грохотом вывалились на пустошь твари.

Разные. Папоротниковых медведей я узнал, они вырвались парой, хотя мои познания о медведях говорят, что они вообще-то не парные звери. Лютого крота не заметил, за то три громадные четырехкопытные твари с витиеватыми рогами в каких-то грибах, рванули в нашу сторону очень бодро. За ними твари, похожие на свиней, но больше в три раза, в шерсти и мхе, а из пастей торчат бивни в локоть.

— Это еще что? — со злостью выдавил Лютецкий и выхватил у одного из служебников атомат.

Васа предупредила его:

— Я бы не стала этого делать.

— Закрой рот. Говорить будешь, когда спросят, — рявкнул он и навел дуло на одного из папоротниковых медведей.

Раздалась оглушительная очередь, один из медведей на бегу споткнулся и кубарем покатился вперед. Лютецкий со злорадным смехом стал палить по остальным тварям.

— Стреляйте! — приказал он служебникам.

Те повиновались, а мы, пользуясь общей занятостью незаметно попятились.

— Оружие остановит тварей? — спросил я негромко.

Васа покривилась, качая головой.

— Шкуру папоротникового медведя самострел не пробивает. Надо стрелять в пасть или глаз, — ответила она. — А от грибных лосей мы стараемся держаться подальше. Они просто отбитые. Прут, даже если ранены. Да и ранить их тоже не просто. У всех тварей тут шкура крепкая.

— Значит, пальба против них без толку.

Васа кивнула.

— А вот разозлит точно. Я предупреждала, шум их привлечет. Они знают, что шум издают люди, а люди — это еда, потому как

простая добыча, по сравнению с лесными тварями. Это раньше звери человека боялись. Но твари не такие.

— Уходим, — скомандовал я, чувствуя, как вместе с землей под ногами от грохота дрожит нутро.

Мы дернулись в сторону, но ушли не далеко, потому что грибные лоси заревели и синхронно развернулись в нашу сторону. Вернее, не только в нашу, здесь как раз и Лютецкий, и кучка его служебников яростно отстреливаются из автоматов и самострелов, чем этим только привлекают тварей. Те локомотивами несутся на нас, из-под копыт летят комья земли и травы, воздух дрожит от рева, а почва трясется, как при дроблении бетона. Еще и пахнет соответственно.

Пришлось развернуться и бежать, а когда за спиной рев и грохот стали невыносимыми, наобум сигануть изо всех сил через поваленный ствол древесного папоротника. Яму прямо за ним я увидел уже в полете, пришлось быстро группироваться. В траву я свалился собранным клубком и перекувыркнувшись, застыл, прикрыв голову руками.

— Твою ж швору… — шипел я.

Земля продолжала гудеть. Надо мной проносились массивные туши, перекрывая свет, а воздух колыхался потоками запахов и холода. Сверху сыпалась земля и трава с копыт тварей. Только когда шум понесся дальше, я поднял голову и огляделся.

Я лежу в небольшом котловане, заросшим пыреем так густо, что над травой торчит только моя голова. Ствол папоротника вверху на краю ямы, грибным лосям ее перепрыгнуть легко, не то, что людям.

— Васа, — негромко позвал я.

Рядом в траве зашуршало, через секунду из нее показалась растрепанная рыжеватая голова с испачканным в грязи лицом. Девушка отплевалась и вытерла мордашку ладонью.

— Думала растопчут, — призналась она, вытаскивая изо рта травинку.

Осторожно, чтобы не высовываться за края ямы и оставаться незаметным, я поднялся.

— Они только топчут?

Васа тоже встала, пригнувшись за бревном.

— Ну, потопчут, потом сожрут, — ответила она, выглядывая из-за него. — У них зубы такие, что трудно мясо отрывать, а вот жевать

могут долго и вдумчиво.

Чтобы не стать обедом для тварей, мы поторопились вылезти из ямы, пригибаясь и таясь. Служебники продолжали отстреливаться от тварей, причем вполне успешно: одного грибного лося им удалось обезвредить, он громадной тушей неподвижно лежит среди перевернутых дрезин. Остальной табун, который перелетел яму, пошел на разворот, значит скоро вернется для новой атаки. Два папоротниковых медведя ревут, раздирая одну из дрезин, видимо, никогда не видели такого и не понимают, что это не еда.

Лютецкого с его приближенной охраной нигде не видно. Одно из двух: их либо сожрали, либо смогли сбежать. Я кивнул на папоротниковый лес со словами:

— Добежим до зарослей, сможем скрыться.

— А служебники? — спросила она.

— Их армия сильно поредела. Скорее всего, сосредоточенны на том, чтобы самим выбраться. Бункера нет, геолокация потеряна. Если они отсюда и выберутся, то вернуться не смогут.

Васа кивнула, и мы припустили в сторону зарослей папоротников, с опаской поглядывая на гигантских медведей с зеленой шерстью, которые стали терять интерес к металлической и такой невкусной дрезине. Служебники взяли их в кольцо, перекрикиваются, отдают команды друг другу и пытаются их обезвредить. Стрелять прекратили, поняли, видимо, что этим только злят тварей. Вместо этого раскидали по кругу квадратные артефакты с горящей красным сердцевиной и быстро сигнализируют руками.

— Будут брать в сетку, — сообщил я на бегу, а когда Васа вопросительно покосилась, пояснил: — Артефакты удержания. Образуют силовую сетку. Через нее не пройдет и папоротниковый медведь.

— Ловко, — впечатлилась Васа. — Странно, что нас они в такую не посадили.

— Энергии много жрет, — объяснил я, часто дыша, потому как от запахов во рту и в носу пересохло и свербит. — Ресурсозатратные артефакты.

К этому моменту грибные лоси набрали скорость и, гремя копытами, с яростным ревом помчались через войско служебников. Воздух заполнился криками, автоматными очередями и рыком

голодных, разозленных тварей. Я не оглядывался, чтобы не терять времени и не смотреть на то, что происходит: обоняние и так картинку рисует вполне конкретную, а звуки ее дополняют. Благодаря им я знаю, что один из лосей несется прямиком за нами.

— Васа, сзади! — проорал я.

На бегу воительница оглянулась, после чего выругалась совсем не по-девичьи и припустила так, что пришлось догонять.

— Надо разделиться! — крикнул я.

Она кивнула, и мы кинулись в рассыпную. Надежда на то, что тварь растеряется и впадет в ступор, имелась, но шансов на то, что она побежит за мной больше. Так и случилось: грибной лось с ревом ломанулся за мной, как за более сочным и мясистым. Настигал быстро. С холодком на спине и жаром в груди я понимал, что уйти не успею. Вариант со стеной папоротника, которая может задержать тварь рассыпался, как песчаный замок, когда я ворвался в заросли, а лось вломился следом.

Тупой удар пришелся плашмя в спину. Мне повезло, тварь ударила не рогами, а лбом, который по твердости, как бетон. Меня подкинуло в воздух и перевернуло через голову, мир крутанулся, мелькая зелеными и серо-голубыми полосами. Упал я больно на живот на что-то жесткое, шерстистое и колючее. Оно резко двигалось. Через секунду понял — я на спине твари. Тварь это чувствует и дергается, пытаясь меня сбросить.

— Смердя тебе в дышло! — выругался я и схватился обеими руками за рога, но тут же с шипением одернул ладони.

Рога оказались колючими и склизкими от грибной жижи, которая сочится из мелких шляпок на коротких ножках по всем рогам твари.

— Швора! — проорал я, вытирая ладони о бедра.

Грибному лосю тем временем все меньше нравилось, что я на нем верхом. Он стал скакать, резко забирая вправо и влево в попытке меня скинуть. Пришлось обхватить, насколько хватило рук, его массивную шею и вцепиться в колючую шерсть, потому как сцепить пальцы не хватило длины рук.

Поняв, что в капкане, тварь вскинула голову и трубно взревела, а затем рванула сквозь папоротники, ломая и снося заросли, как бешеный таран.

Перед глазами замелькало с такой скоростью, что мир превратился с зеленые полосы. По лицу больно хлестало, нос и рот заполнили запахи мускусных грибов от лося и соков папоротников. Не знаю, сколько мы так неслись, но в какой-то момент лосю надоело, он, пробороздив копытами рыхлую землю, резко сменил на правление и помчался обратно. По инерции меня сместило на его бок, пришлось цепляться ногами, чтобы не свалиться.

Он, ревя и хрипя, носился со мной на спине туда-сюда несколько раз, пока, уронив голову, не затормозил настолько резко, что меня сорвало с его спины. Я полетел вперед через голову и с хрустом упал лицом в густые заросли папоротников. Перевернуться успел в момент, когда массивные копыта мелькнули над головой. Я быстро откатился влево, а туда, где лежал секунду назад, обрушились две парнокопытные кувалды.

— Тварюка! — крикнул я, пытаясь перекатить дальше, но лось громыхнул копытами слева, комья земли брызгами обрушились мне на лицо.

Уворачиваться и перекатываться я только успевал, пока не изогнулся и не вытащил из кармана нож. Оружие не самое мощное против такой громадины, но лучше, чем с голыми руками. Тварь нависла надо мной громадной, оскаленной мордой, с зубов закапала слюна, тягучей струей спустившись до самой травы возле правого виска. Со слов Васы, у грибных лосей клыков нет, и это правда, но острые лопаты и массивные маляры размером с кулак не лучше.

Чувствуя скорую победу и обед, тварь утробно зарычала и наклонила ко мне пасть, медленно ее раскрывая. Видимо, готовится откусить голову. Кортизол в крови взвинтил пульс до небес, в груди запекло, а в висках застучало гулко и сильно.

Я проорал охрипшим голосом, понимая, что это могут быть последние слова:

— Ну давай! Ну!

Тварь взревела и рванула пасть по мне. Дальше действовала на инстинктах: резко развернулся на плече, пропустив звериную пасть, а когда та с ревом впилась зубами в землю, с хрустом всадил лезвие в его полный ненависти и безумия глаз. Тварь взревела, огромная голова на секунду вскинулась, а через секунду вся туша осела и с гулким грохотом повалилась на землю.

Сердце колотилось, как у загнанного зверя. Придавило мне только ноги, так что выбраться из-под туши получилось самостоятельно. Шатаясь, я поднялся, стискивая пальцами рукоять ножа, который достался мне от опекуна, и уставился на тушу. Если расскажу, что удалось победить лося-людоеда голыми руками с одним только ножом — никто не поверит.

Какое-то время я стоял и смотрел на громадную тушу, грудная клетка ходила ходуном, и я сам пыхтел, как лось. Потом поковылял на заплетающихся ногах в сторону. Нужно найти Васу и уходить дальше в глубь леса. Диверсию можно считать успешной, бункер разрушен, Лютецкий не получил информацию, еще и понес потери. Остается замести следы, чтобы даже при большом желании он не смог найти точку отсчета.

Я пробежал пару десятков метров и вывалился на небольшую поляну, с которой вправо и влево уходят две тропинки, очевидно людские, потому как звери здесь таких размеров, что тропинки для них маловаты. Издалека тянет мускусом, железом, слышны крики и рычание, пустошь достаточно далеко, чтобы незаметно уйти.

Прикрыв глаза, я медленно и глубоко втянул воздух, прислушиваясь ко всем изменениям в запахах. Картинка перед глазами начала проступать быстро и выпукло: справа начинаются заросли древовидных папоротников, они тянутся далеко на север. За спиной какая-то лужа, может пруд, но вода стоячая, потому как пахнет водорослями. Впереди обычные папоротники, но высокие и густые, туда будет легче уходить, если сбивать со следа. А слева…

От запаха слева шерсть на руках встала дыбом: немного земляной, мягкий и знакомый, он перемешан с металлическим привкусом и диким бананом.

— Да ладно… — не поверив своему носу, прошептал я.

Резко открыв глаза, тут же перехватил удобнее нож, и согнул колени в изготовительной позиции. В эту секунду в зарослях захрустело, и на поляну вывалился Лютецкий вместе с Васой, которую держит локтевым захватом за шею. В другой руке короткий самострел, который он упирает девушке в бок. Белый костюм посерел и в пятнах грязи, на щеке кровоподтек, а в глазах холодная ярость.

Он оскалился в ухмылке и прямо посмотрел на меня.

— Далеко собрался, Мечников? — спросил он хрипло.

В груди заклокотало. Кулаки, в одном из которых нож, сжались. Глядя на бледную, но храбро сцепившую губы Васу в его лапах, я рефлекторно дернулся вперед, но Лютецкий покачал головой, цокая и кривясь злорадно.

— Еще шаг, и я продырявлю твою подругу насквозь.

Пришлось застыть, хотя пальцы продолжают в бессильной ярости сжимать рукоять.

Лютецкий взглядом указал на клинок.

— Брось нож, — с напускным дружелюбием проговорил он. — Вдруг поранишь кого-нибудь. А ведь нам это не нужно. Верно?

Для подтверждения серьезности намерений Лютецкий ткнул Васу острием в бок, воительница скривилась и зашипела от боли, но мне послала полный решимости взгляд.

— Не слушай его, — процедила девушка, за что получила новый тычок стрелой.

От безвыходности я скрипнул зубами и разжал пальцы, нож с тихим шелестом упал в траву, а губы Лютецкого растянулись в злорадной улыбке.

— Вот так гораздо лучше, — сказал он. — Сейчас мы пройдем к моему шаттлу и улетим. А потом ты и твоя подруга мне расскажете все, что знаете об этих землях и тех, кто здесь живет. А если кто-то из вас попытается препятствовать, я убью эту очаровательную аборигенку. Ты хорошо меня понял, Мечников?

Будь я один, кинулся бы на него, может и успел бы увернуться от стрелы Лютецекого. Но рисковать девушкой не могу, поэтому сцепив зубы, кивнул. Лютецкий, довольно ухмыляясь, сделала знак головой, из зарослей высыпало с десяток служебников, а я утвердился в верности решения не нападать. Даже если бы добрался до этого, в грязном костюме, то против отряда служебников в ближнем бою мне точно не выстоять. В яростном бессилии я сжал и разжал кулаки — он загнал нас в угол, и вариантов, где мы оба выживаем я пока продумать не могу.

Судя по удовлетворенному оскалу, Лютецкий это тоже понимает. Он кивком указал на заросли позади себя, я принюхался: ненавязчивый, но уловимый, если напрячься, запах дрезинного масла смешивается с запахами травы и папоротникового сока.

— Шагай, Мечников, — приказал он и предупредил служебников: — Держите его на прицеле. Он даже один опасней, чем все, кого вы встречали.

Такое определение даже польстило, но по мне, мои заслуги Лютецкий преувеличил. Впрочем, если я заставил его переться на дикий север в неизведанные земли, может в чем-то он и прав. Только сейчас все мои способности делу не помогают и нас с ни в чем не виноватой Васой тащат к шаттлу, чтобы потом допросить, препарировать и прибить. Мне нужна лишь секунда, момент, чтобы рвануть в сторону, а дальше из засады атаковать Лютецкого. Но этой секунды нет, и я молчу и скриплю зубами.

Больнее всего смотреть на Васу, которая стоически выносит тычки стрелой и захват за шею.

— Помягче с девушкой, — выдавил я сквозь зубы и, за неимением другого, с яростью впился в Лютецкого взглядом.

Тот хмыкнул.

— Не нравится? Учту. Использую при допросе.

Отступая к зарослям папоротника, он поволок Васу туда, откуда тянет дрезинным топливом. Я все еще под прицелами, так что пришлось двинуться следом. До самого шаттла вариантов атаковать не подвернулось — служебники держатся на расстоянии и не спускают с меня прицелов. В голову стали закрадываться нехорошие мысли, потому что с каждым шагом к навороченной дрезине Лютецкого шансы на побег тают, как холодец под полуденным пеклом.

По моим прикидкам, нас снова затолкают на заднее сидение шаттла, тогда можно устроить потасовку и воспользоваться моментом. Один раз это уже сработало. Но когда Лютецкий открыл дверь дрезины и начал пропихивать внутрь воительницу, запах воздуха поменялся.

Глубоко вдохнув, я четко различил знакомый мятный аромат, но смешан он с чем-то незнакомым, терпким и немного горьковатым. Запах идет из-за спины, то есть с севера. Мотор глухо ударился в грудную клетку, тело напряглось от одной мысли, что Катя, вместо того чтобы быть за десятки километров отсюда, вернулась и пытается помочь.

Если бы служебники и Лютецкий обладали моим обонянием, они заметили бы изменения в лесу. Но у них только артефакты. Поэтому,

когда страшный хруст сотряс воздух, я успел упасть на землю и предупредить Васу.

— Вниз!

Но рухнули не только мы: Лютецкий отслеживал каждое мое движение и тоже пригнулся. В эту секунду громадный ствол папоротника пронесся над нами и смел служебников, как кегли. Послышались крики, хруст веток, а ствол покатился куда-то по уклону в заросли.

Момента хватило, чтобы я с силой пнул крепкой подошвой Лютецкого по лицу. Тот вскрикнул, пальцы разжались, и самострел из его хватки вывалился, а самого Лютецкого откинуло. Он ударился спиной о нижний край шаттла и, болезненно зашипев, схватился за лицо.

— Быстрее! — окликнул я Васу и пригнувшись рванул в сторону.

Та моментально перекатилась по траве и последовала за мной. Я пропустил ее вперед — кем бы ни был тот, кто отправил по воздуху бревно, если с ними Катя, значит он наш союзник.

Пригибаясь, я бежал, иногда поднимая голову. Тогда перед лицом быстро двигается крепкий, обтянутый кожей зад Васы. До папоротников осталось пять шагов, когда за ногу что-то дернуло, и я рухнул на землю. В ту же секунду Васа нырнула в заросли, а я быстро перевернулся на спину.

Успел вовремя, потому что в лицо полетел крепкий кулак, от которого я увернулся влево и послал в ответ хук в левую, залитую кровью, щеку Лютецкого. Удар у меня обычно крепкий, я рассчитывал, что, если не вырублю, так оглушу. Но Лютецкий только дернул головой и, зло оскалившись покрасневшими зубами, повернулся ко мне.

— Думаешь, меня просто так одолеть? — процедил он сквозь безумную улыбку и навалился мне локтем на горло.

Лютецкий не выглядел тяжелым, но по ощущениям на меня насел разожравшийся верблюд. Дыхание сдавило, я уперся руками его в плечо и локоть, пытаясь снизить давление. Но Лютецкий только скалится и глухо смеется, будто ему ничего не стоит мне прямо сейчас сломать шею.

— Что? — прохрипел он победно. — Алексей Лютецкий не такой слабак?

Он расстегнул под пиджаком на груди рубашку. Там на стальной цепочке небольшой ромбовидный артефакт, его сердцевина испускает яркий травяной свет.

— Получил из одного мутанта, — злорадно произнес он. — Из тебя я тоже возьму самое лучшее. И из твоих приятелей, когда найду. А я найду.

Он надавил мне на шею, по виду несильно, но у меня в голове загремело, шум в ушах превратился в рев, перед глазами поплыли пятна. Я задыхался, хрипя и ударяя кулаками по лицу Лютецкого. Но то будто сделалось стальным: ни царапины. Даже не дернулся ни разу.

От нехватки кислорода соображать стало трудно, я просто бил наугад, пока в голове не трепыхнулась здравая мысль, и я тут же перевел ее в действие: ухватился за цепочку на шее Лютецкого и рванул на себя. Рассчитывал, что та порвется, но в ответ получил лишь его победный хохот.

— Идиот. Это чистая сталь. Ее не порвать руками, — бросил он.

— Эт смотря какими, — сквозь грохот крови в ушах донесся до меня низкий голос из-за его спины.

Резкий щелчок, и цепь с шеи Лютецкого упала мне на живот. В немом молчании он поднял на меня взгляд. И впервые в глазах этого человека я увидел страх. Кулак мой решил быстрее головы, что делать, потому как моментально полетел ему с правой стороны в лицо. Удар, хруст, и Лютецкий отлетел на пару метров в траву, где неподвижно затих.

Только тогда грохот в ушах стал стихать, зрение из тоннельного стало нормальным, и я увидел перед собой Миху с улыбкой во все тридцать два белесых зуба. На плече ножницы по металлу, размером в полметра.

Он протянул мне широченную ладонь и проговорил:

— Ну ты любитель поваляться, я смотрю.

Ухватившись за его лапу, я поднялся. В голове все еще гудит, мир плывет, но быстро обретает привычные очертания. Терпкий запах разлился по поляне, заполнил лес, я ощутил, как он потек вокруг по зарослям, утстремляясь куда-то дальше, в сторону, где бревно унесло служебников.

— Как понимаю, ты не один, — проговорил я, отплевываясь густой сукровицей.

— А то, — бодро отозвался Миха и покосился в папоротники.

Оттуда высунулась аккуратная мордашка Кати. Вся миниатюрная, но личико решительное. Увидев меня, она ящеркой выскочила из зарослей и рванула ко мне, а когда добежала, повисла на шее.

Обняв, я прижал ее к себе, а Катя прошептала:

— Я так перепугалась. Думала, не успеем.

Следом из папоротников вышла Васа и высокий, крепкий мужчина в одежде сплошь из эластичной кожи, настолько тугой, что видно, как на руках, будто сытые удавы, перекатываются узлы мышц. Волосы коротко острижены, взгляд строгий, но без враждебности. И пахнет от него терпко.

На мой вопросительной взгляд Миха проговорил:

— Я говорил, что сам справишься. Но Катерина всем мозги проела, кричала, что тебе нужно помочь.

— Всем это кому? — уточнил я, продолжая держать одной рукой Катю, а другой вытирая лицо.

Катя проговорила негромко:

— Мы добрались до Северных скал, но дальше пройти не смогли. Там был силовой барьер. Если бы не он, то ничего бы не вышло.

Она кивнула на подошедшего мужчину, который на полголовы выше нас всех. Осмотрел он меня быстро, но спокойно.

— Катя предупреждала, что ты отчаянный. Но чтоб в одиночку против армии… — проговорил он спокойно с хорошим выговором.

— Ну, не совсем в одиночку, — отозвался я и кивнул на Васу, которая стоит позади мужчины, грудь все еще ходит ходуном, но взгляды бросает на Миху прямые и теплые.

Детина заметил и расплылся в улыбке, а щеки непривычно окрасились в розовый. Катя проговорила:

— На Северных скалах барьер, чужакам туда хода нет.

Мужчина кивнул и проговорил, протянув мне открытую ладонь:

— Вы не чужаки. Вы из наших. Я Елис Беговой, командир боевого отряда измененных. Усилена физическая выносливость, умение лазать, прыжки.

— Андрей Мечников, — немного обалдев, ответил я, пожимая руку. — Усилено обоняние.

— Добро пожаловать, Андрей Мечников, — поприветствовал Елис.

Катя высунулась из под моего плеча и вскинулась и указала мне за спину.

— Ой, — выкрикнула она, — это же вояки командира Бора.

Мы оглянулись. Трое затянутых в кожанные доспехи воина подняли Лютецкого. Руки ему связали, голова свесилась, а ноги вяло тащатся по траве в жалкой попытке шурудить.

Васа довольно хмыкнула:

— Батя отправил разведотряд за мной, а они нашли Лютецкого. Теперь мир точно от него в безопасности.

Васа подошла к соплеменниками что-то долго им объясняла.

Елис, глядя на это, проговорил со смешком:

— Уходим. А то сейчас тут их станет много.

Стоя посреди поляны в лесу папоротников где-то далеко на севере, где о песке только слышали, я обнимал теплую Катю и укладывал по полкам мысли. Не верилось, что я не только добрался на край мира и привел сюда друзей, но и встретил себе подобных, и обезвредил Лютецкого. Мотор в груди стучал быстро, но уже не только от боя. Теперь там бьется радость победы.

Небо над головой расчистилось, тучи уползли на юг, кто знает, может они принесут в пустыню долгожданную влагу. А нет, так мы позаботимся об этом.

Я обернулся на Миху, который все еще широко улыбается воительнице и незаметно поигрывает мускулами.

— Слушай, Миха, — проговорил я, — ты же мог этими ножницами Лютецкому голову отхватить.

Детина кивнул.

— Мог.

— Так чего не отхватил?

— Это был твой бой, Мечников, — с неожиданной глубокомысленностью ответил он. — Я просто помог тебе победить.

Эпилог

Запахи травы, свежести и влаги, перемешанные с чем-то незнакомым, приближались постепенно, и благодаря встречному ветру у меня получалось их детально раскладывать в уме и запоминать. Мы двигались через папоротниковый лес верхом на лошадях. Размерами они чуть больше верблюдов. Елис объяснил, что это северная порода, которая получилась сама после коллапса. Крепкая, выносливая, неприхотливая, очень лояльная к людям и при этом крупная, что удобно при переходе в брод.

В отряде измененных, так сами себя назвали люди с геном-мутантом, на помощь на пришли пятнадцать человек. Когда я спросил, Елиса, как они решились такой небольшой группой выступить против армии служебников, командир измененных хмыкнул и проговорил с гордостью, плавно управляя поводьями:

— Тут каждый измененный стоит десятка служебников.

У меня ехать верхом получалось не так умело, поскольку впервые сел на лошадь. Но зверина послушная, чувствует, что наездник слабоват и ступает мягко, топча копытами хрустящий соком папоротник.

Стараясь держаться в седле уверенно, ведь позади прижалась к спине и обнимает теплыми руками Катя, я заметил:

— Все же рискованно.

Пожав плечами Елис ответил:

— У тебя пассивная мутация. Хорошая, но в бою скорее вспомогательная. А у меня в боевом отряде измененных только активные мутации. Причем отточенные и отработанные тренировками. Вон, сам гляди.

Он с довольным лицом кивнул назад, где едет четырнадцать человек, не считая самого Елиса. Я покосился за спину и глянул поверх головы Кати и за Миху с Васой, детина покачивается в седле с уверенной физиономией, но в глазах беспокойство, поскольку он тоже верхом на лошади, не ездил. Только показать этого не может, чтобы не упасть в грязь лицом перед воительницей. А та едет сзади в седле держится за его пояс.

В отряде и правда не вооруженным глазом видно — все мутанты. Тот, что сразу за Михой, с массивными руками, тело будто увеличено, мышцы раздуты, такого только эти громадные кони и унесут. Следующий с когтями, сейчас они втянуты, но пока они гонялись за служебниками, я видел, как блестящими лезвиями вытягиваются сантиметров на тридцать. Дальше идет девушка. Идет, потому что высотой она в три моих роста и ей проще пешком, чем верхом. Еще видел паренька в чешуе, женщину с клыками, близнецов, которые дрались, как один. И остальных с явными внешними отличиями.

— Как вы здесь выжили? — наконец спросил я, равняясь с конем Елиса, когда мы, спустя минут двадцать выехали из папоротникового леса на поле, которое ковром зеленого пырея убегает в горизонт и сливается с чистым небом.

Командир измененных с прямой спиной мерно покачивается в седле.

Он ответил:

— Эти земли куда благодатнее, чем ты думаешь, парень. Когда случился коллапс сюда рванули группы ученых и с собой забрали всех мутировавших, каких смогли. Они умные люди, и рассчитали, что из-за потепления климат здесь станет комфортным. Так и случилось. За северными скалами начинаются берега великой Печоры. Она несет свои обильные воды с Каменного пояса в Великие воды…

— Это я уже знаю, — проговорил я. — Только не понятно, почему вас в первый раз не нашли служебники Лютецкого? У них здесь была база, оснащение, артефакты.

Угол рта Елиса приподнялся в довольной улыбке, он ответил:

— Сам все увидишь.

Спустя час резвого галопа, во время которого я отбил себе все филе, мы оставили позади Северные скалы. Они оказались именно скалами, а не руинами былых зданий. Солнце переползло на вторую половину неба, но день все еще ясный, хотя на юге в это время свет уже приобретает оранжевые оттенки. Катя прижималась к моей спине животом, я непроизвольно выпрямлялся, чтобы выглядеть перед ней молодцом, а не тем, кто не знает, как скакать галопом. Езде это не помогало, но сохраняло достоинство.

Несмотря на галоп, я успевал смотреть по сторонам. Миху тоже телепало в седле, но он с суровым лицом стоически переносил каждый

шлепок пятой точки о него. Васа позади держалась куда уверенней, видимо, с ездой верхом знакома. Высокой девушке повезло куда больше, она неслась наравне с лошадями.

Прошло еще около часа, снова началась папоротниковая роща, и Елис дал указание замедлить ход, а когда кони перешли на шаг, он проговорил:

— Смотри, Андрей Мечников.

Пару минут мы ехали в тишине, и я только чуял, как обилие знакомых и незнакомых запахов щекочет нос. А потом воздух колыхнулся, видимость расплылась, тело обтянуло чем-то, будто я въехал верхом в густой, мутный кисель. Открыл рот, чтобы спросить, но, когда начал говорить, звук получился низким и зажеванным, а язык защекотало. Пришлось сомкнуть губы.

Сквозь кисель мы двигались метра четыре, пока с хлюпающим звуком лошади не вынесли нас на поросший сочной травой обрыв. Вид с него открылся такой, что захватило дух: внизу в долине раскинулись заросли папоротников и каких-то растений, названий которым я не знаю. Среди них вьется выложенная камнем дорога, и упирается в поселение. С высоты обрыва его видно, как на ладони. Дома в один и два этажа, в основном каменные, с металлическими крышами. У каждого дома огород, я такие видел на изображениях на этаже обучения. Коновязи, колодцы, какие-то красивые здания с колоннами. А левее вдалеке блестит вода, она тянется с юга на север к самому горизонту и теряется в небе, где облака уже начали окрашиваться в оранжевый.

Я присвистнул:

— Вот это да!

Миха слева хлопнул себя по лбу и выдохнул:

— Это что?

Подняв подбородок, Елис ответил, удовлетворенный нашей реакцией:

— Добро пожаловать в Печору. Город измененных на великой реке. Здесь вы в безопасности, собратья.

Катя позади меня высунулась и таращится во все глаза, я и сам без стеснения открыл рот. Миха и вовсе схватился за лоб и что-то шепчет.

— Благодаря способностям некоторых наших жителей мы создали вокруг этих земель непробиваемый заслон, — продолжил Елис. —

Найти город снаружи нельзя. Как и пройти сквозь заслон без допуска в силовое поле. Оно настроено на измененных.

Мы с Михой обернулись на Васу в седле позади детины, я спросил:

— А как она проехала?

— С ним, — пояснил командир измененных. — Сама бы не прошла.

Брови Михи набрякли, он прочистил горло и поинтересовался:

— Я эт самое… За все благодарен. Но с ней-то что будет? Она вроде как не измененная.

Сдвинув плечами, командир ответил:

— Захочет — уйдет. У нас никто не неволит. Правда вернуться сама не сможет.

Миха развернулся в седле и посмотрел на воительницу так, что та покраснела и хлопнула его по спине широкой ладонью.

— Да сиди уже, — пробормотала она, пряча улыбку. — Разберемся.

Потом мы спускались по каменной дороге и спокойно ехали до самого города. В то, что Никифор не выдумал затерянную землю в долинах загадочной реки Печоры до сих пор не верилось. Но вот она, мерцает вдалеке серебристым светом среди темно-синей воды. А вокруг земля, плодородная, жирная, которая вскормила не одно поколение растений. Так почему ей не вырастить заново то, что возродит многообразие природы во всей палитре?

Пальцы Кати пошевелились у меня на животе и сомкнулись плотнее, а ее теплое дыхание коснулось уха.

— Мечников, — шепнула она, — а ты расскажешь им про пчел?

— Обязательно, Катенька, — ответил я, прощупывая через ткань одной рукой колбу на дне рюкзака, который уложен передо мной в седле, а второй накрывая ее тонкие пальцы. — И про семена расскажу.

Встречали нас, как родню, которую долго не видели и очень ждали возвращения. Глава города, когда узнал о семенах цветковых растений и пчеломатке с пчелами, прослезился и расчувствовался так, что его пришлось успокаивать какой-то девушке с голосом, который нагоняет сон. Потом закатили праздник в честь нас, спасенных и новоприбывших.

Елис пустил нас пожить к себе, пока всем городом нам строили дома. Местные единодушно решили, что мы с Катей пара, мы спорить не стали. Васа остаться, не повидавшись с суровым отцом, не могла, Миха убивался два дня, пока она клятвенно не пообещала вернуться.

Спустя день, когда праздник, наконец, отгремел, а глава города перестал славить нас, как гонцов новой эры, каждый раз, когда видел на улице, мы с Катей добрались до теплиц ботаников. Они бережно забрали семена цветковых и унесли к вырытым в рыхлой земле бороздкам. Один из них проводил нас к выходу со словами:

— Не переживайте. Мы выходим каждое семечко. У меня мутация связи с растениями. Я лично взращу все цветы.

Время потекло размеренно и спокойно. Мы вписались в жизнь Печоры, будто тут и родились. Пока ботаники возились с проращиванием, я с Михой и другими измененными строили дом, помогал по хозяйству Елису и его жене. Под руководством морщинистого старика, с тонкими седыми волосами до самого пояса изготавливал улей из папоротниковой прессовки. Старик не измененный, но старый на столько, что помнил мир за долго до коллапса и Лютецкого. Она говорил, что прессовка похожа на дерево и что пчелам в таком улье будет хорошо.

А на кануне цветения рано утром, когда теплые лучи солнца только коснулись крыш домов, под торжественную речь главы Печоры мы с Катей извлекли пчел из сохранного артефакта и вместе с остальными с замиранием сердца смотрели, как они медленно просыпаются, шевелят лапами и двигают слюдяными крыльями.

— И теперь все будет хорошо? — обернувшись ко мне и распахнув огромные зеленые глаза, спросила Катя.

— Теперь будет, — ответил я уверенно, глядя, как оживает маленькая пчелиная семья, а с ней возрождающийся мир.

Катя умиротворенно вздохнула и прильнула ко мне теплым боком. Я обнял ее и вдохнул свежий, живой запах нового утра и будущего, который мы подарим каждому жителю планеты.

_____ Всем доброго дня и крепкого здравия! Вот так закончилось путешествие Мечникова, Михи и Кати. Надеюсь, Роман вам понравился. Пишите ваши впечатления в комментариях. Рецензии тоже можно, если кому захочется.

Ну и жмакните на «подписаться» — готовлю серию, так что вам придет уведомление о выходе новой книги.))